

ВОПРОСЫ ПСИХОЛИНГВИСТИКИ

2020

4(46)

Ψλ

**Институт
Языкознания**
Российской академии наук

ВОПРОСЫ ПСИХОЛИНГВИСТИКИ

4 (46) 2020
Москва

JOURNAL OF PSYCHOLINGUISTICS

4 (46) 2020
Moscow

СОУЧРЕДИТЕЛИ:

ФГБУН ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ РАН

ОЧУ ВО «МОСКОВСКАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ АКАДЕМИЯ»

Регистрационный ПИ № ФС 77-38423

ISSN 2077-5911 (print), ISSN 2658-6908 (online)

DOI: 10.30982/2077-5911

Подписной индекс Роспечати 37152

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Тарасов Евгений Федорович, *главный редактор*, доктор филологических наук, профессор, заведующий отделом психолингвистики Института языкознания РАН, Москва (Россия)

Уфимцева Наталья Владимировна, *заместитель главного редактора*, доктор филологических наук, профессор, заведующая сектором этнопсихолингвистики Института языкознания РАН, Москва (Россия)

Терентий Ливиу Михайлович, кандидат политических наук, доктор филологических наук, ректор Московской международной академии, Москва (Россия)

Балясникова Ольга Вениаминовна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора этнопсихолингвистики Института языкознания РАН, Москва (Россия)

Дмитрюк Сергей Валерьевич, *ответственный секретарь*, кандидат филологических наук, редактор издательского отдела Московской международной академии, Москва (Россия)

Жукова Лариса Станиславовна, кандидат филологических наук, научный сотрудник сектора этнопсихолингвистики Института языкознания РАН, Москва (Россия)

Марковина Ирина Юрьевна, кандидат филологических наук, профессор, директор Института лингвистики и межкультурной коммуникации Первого Московского государственного медицинского университета им. И.М. Сеченова (Сеченовский университет), Москва (Россия)

Митирева Любовь Николаевна, кандидат филологических наук, заведующая кафедрой иностранных языков Института языкознания РАН, Москва (Россия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Ардила Альфредо, PhD, профессор Международного университета Флориды, Майами (США)

Ахутина Татьяна Васильевна, доктор психологических наук, профессор, заведующая лабораторией нейропсихологии факультета психологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Москва (Россия)

Гриценко Елена Сергеевна, доктор филологических наук, профессор, руководитель департамента прикладной лингвистики и иностранных языков, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Нижний Новгород (Россия)

Демьянков Валерий Закиевич, доктор филологических наук, профессор, заведующий отделом теоретического и прикладного языкознания, главный научный сотрудник Института языкознания РАН, Москва (Россия)

Дмитрюк Наталья Васильевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка и литературы Южно-Казахстанского государственного педагогического университета, Шымкент (Казахстан)

Залевская Александра Александровна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английского языка Тверского государственного университета, Тверь (Россия)

Карасик Владимир Ильич, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общего и русского языкознания ФГБОУ ВО Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина, Москва (Россия)

Кирилина Алла Викторовна, доктор филологических наук, профессор, проректор по научной работе Московской международной академии, Москва (Россия)

Ли Тоан Тханг, доктор филологических наук, профессор Вьетнамского института лексикографии и энциклопедий Вьетнамской академии общественных наук, Ханой (Вьетнам)

Мартин Ф. Линч, Ph.D., профессор Университета Рочестера, Рочестер (США)

Мягкова Елена Юрьевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теории языка и перевода Тверского государственного университета, Тверь (Россия)

Овчинникова Ирина Германовна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры методики обучения лиц с ограниченными возможностями, Хайфский университет, Хайфа (Израиль)

Пильгун Мария Александровна, доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник сектора этнопсихолингвистики Института языкознания РАН, Москва (Россия)

Поляков Федор Борисович, доктор, профессор, директор Института славистики Венского университета, Вена (Австрия)

Стернин Иосиф Абрамович, доктор филологических наук, профессор, директор Центра коммуникативных исследований Воронежского государственного университета, Воронеж (Россия)

Харченко Елена Владимировна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка как иностранного Южно-Уральского государственного университета (Россия)

Чжао Цюе, доктор филологических и педагогических наук, профессор, директор Института славянских языков Харбинского педагогического университета Китая, Харбин (Китай)

Черниговская Татьяна Владимировна, доктор биологических наук, доктор филологических наук, профессор, заведующая лабораторией когнитивных исследований и кафедрой проблем конвергенции естественных и гуманитарных наук СПбГУ, член-корреспондент Российской академии образования, Санкт-Петербург (Россия)

Шапошникова Ирина Владимировна, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора русского языка в Сибири ИФЛ СО РАН; профессор кафедры общего и русского языкознания ГИ Новосибирский государственный университет, Новосибирск (Россия)

Шаховский Виктор Иванович, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры языкознания Волгоградского государственного социально-педагогического университета, Волгоград (Россия)

Научный журнал теоретических и прикладных исследований.

Включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук ВАК.

Индексируется РИНЦ, E-library, КиберЛенинка, Google Scholar, ERIN PLUS.

Издается с 2003 года. Журнал выходит 4 раза в год.

Печатаются материалы из журнала допускаются только по согласованию с редакцией.

Москва 2020

© ФГБУН Институт языкознания РАН, 2020

© ОЧУ ВО «Московская международная академия», 2020

© Авторы, 2020

Подписано в печать 14.12.2020. Формат 70x100/16. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 10,75 Тираж 500 экз.

Отпечатано в типографии «Канцлер», г. Ярославль, e-mail: kancler2007@yandex.ru

COFOUNDERS:

INSTITUTE OF LINGUISTICS OF RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
MOSCOW INTERNATIONAL ACADEMY

Registration number № ФС 77-38423

ISSN 2077-5911 (print), 2658-6908 (online)

DOI: 10.30982/2077-5911

EDITORIAL BOARD

Evgeny F. Tarasov, *chief editor*, Doctor of Philology, Professor, Head of Department of Psycholinguistics, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

Natalya V. Ufimtseva, *deputy editor*, Doctor of Philology, Professor, Head of Sector of Ethnopsycholinguistics, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

Liviu M. Terenty, Candidate of Political Science, Doctor of Philology, Rector of the Moscow International Academy, Moscow (Russia)

Olga V. Balyasnikova, Candidate of Philology, Senior Researcher, Sector of Ethnopsycholinguistics, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

Sergey V. Dmitryuk, *executive secretary*, Candidate of Philology, Editor of the Publishing Department of the Moscow Institute of Linguistics, Moscow (Russia)

Larisa S. Zhukova, Candidate of Philology, Researcher, Sector of Ethnopsycholinguistics, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

Irina Yu. Markovina, Candidate of Philology, Professor, Director of Institute of Linguistics and Intercultural Communication, Sechenov University, Moscow (Russia)

Lubov N. Mitireva, Candidate of Philology, Head of Foreign Languages Department Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

ACADEMIC ADVISORY BOARD

Alfredo Ardila, Ph.D., Florida International University, Miami (USA)

Tatyana V. Akhutina, Doctor of Psychology, Professor, Head of the Laboratory of Neuropsychology, Faculty of Psychology, Moscow State University, Moscow (Russia)

Elena S. Gritsenko, Doctor of Philology, Professor, Head of Department of Applied Linguistics and Foreign Languages, National Research University Higher School of Economics, Nizhny Novgorod (Russia)

Valery Z. Demyankov, Doctor of Philology, professor, Head of General and Applied Linguistics Department, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

Natalya V. Dmitryuk, Doctor of Philology, Professor, Professor of Linguistics Department, South Kazakhstan State Pedagogical University, Shymkent (Kazakhstan)

Alexandra A. Zalevskaya, Doctor of Philology, Professor, Department of English, Tver State University, Tver (Russia)

Vladimir I. Karasik, Doctor of Philology, Professor, Professor at Chair of General and Russian Linguistics, Pushkin State Russian Language Institute, Moscow (Russia)

Alla V. Kirilina, Doctor of Philology, Professor, Pro-rector of the Moscow International Academy, Moscow (Russia)

Ly Toan Thang, Doctor of Philology, Professor, Vietnam Institute of Lexicography and Encyclopedia, Vietnam Academy of Social Sciences, Hanoi (Vietnam)

Martin F. Lynch, Ph.D., Professor, the University of Rochester, Rochester (USA)

Elena Yu. Myagkova, Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of theory of language and translation, Tver State University, Tver (Russia)

Irina G. Ovchinnikova, Doctor of Philology, Professor, Professor of Department of Learning Disabilities, Haifa University, Haifa, (Israel)

Maria A. Pilgun, Doctor of Philology, Professor, Senior Researcher, Sector of Ethnopsycholinguistics, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

Fedor B. Polyakov, Doctor, Professor, Director of the Institute of Slavic Studies, the University of Vienna, Vienna (Austria)

Iosif A. Sternin, Doctor of Philology, Professor, Director at Communications Studies Centre, Voronezh State University, Voronezh (Russia)

Elena V. Kharchenko, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Russian Language as a Foreign, South Ural State University (Russia)

Zhao Qiuye, Doctor of Philology and Pedagogics, Professor, Director of the Institute of Slavic Languages, Harbin Pedagogical University of China, Harbin (China)

Tatiana V. Chernigovskaya, Doctor of Biological Sciences, Doctor of Philology, Professor, Head of the Laboratory of Cognitive research and the department of problems of convergence of natural and human sciences St. Petersburg State University, Corresponding Member of the Russian Academy of Education, St. Petersburg (Russia)

Irina V. Shaposhnikova, Doctor of Philology, Professor, Chief Researcher of the Sector of the Russian Language, Institute of Philology, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Professor at Chair of General and Russian Linguistics Novosibirsk State University, Novosibirsk (Russia)

Viktor I. Shakhovsky, Doctor of Philology, Professor, Professor of Linguistics Department, Volgograd State Social Pedagogical University, Volgograd (Russia)

The journal is included with the peer-reviewed scientific publications. It is approved for publication of the research results of doctoral and habilitation theses by the Higher Attestation Committee (VAK).

The journal is indexed in the Russian Science Citation Index (RSCI), E-library, CiberLeninka, Google Scholar, ERIH PLUS.

4 issues per year.

The journal has been published since 2003.

All rights reserved.

The materials of the journal may not be translated or copied in whole or in part without the written permission of the publisher, except for brief excerpts in connection with reviews or scholarly analysis.

Moscow, 2020

© Institute of Linguistics of Russian Academy Of Sciences, 2020

© Moscow International Academy, 2020

© Authors, 2020

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Башиева С.К., Геляева А.И., Табаксоева И.Р. (<i>Нальчик, Россия</i>) Толерантность и интолерантность в языковом сознании современной студенческой молодёжи	8
Гринева О.М. (<i>Киев, Украина</i>) Психолингвистический анализ концепта ‘Смысл коммуникации’	21
Дубкова О.В. (<i>Сиань, КНР</i>) Психолингвистические исследования фрагментов картины мира китайцев	35
Козлова Е.А. (<i>Киров, Россия</i>) Гипнометафора как дискурсивный механизм речевого воздействия (на примере психологических тренингов Натальи Грейс)	50
Кошелев А.Д. (<i>Москва, Россия</i>) О когнитивных основаниях лексической классификации предметного мира	59
Пиотровская Л.А., Трущелёв П.Н. (<i>Санкт-Петербург, Россия</i>) С чего начинается интересный учебный текст?	76
Слабодкина Т.А. (<i>Москва, Россия</i>) Сравнительный анализ особенностей речевых сбоев детей 10-12 лет и взрослых носителей русского языка	91
Соколова О.В. (<i>Москва, Россия</i>) Языковые технологии «антивирусной» социальной рекламы: от «Испанского гриппа» до “Covid-19”	102
Elizaveta S. Tretiakova (<i>Yokohama, Japan</i>) Japanese EFL Learners’ Interpretation of Plural Morphology	122

Трибуна молодых ученых

Цзя Шуюе (<i>Москва, Россия; Харбин, КНР</i>) Представление о профессии в образе мира китайцев	134
Полянская А.Г. (<i>Москва, Россия</i>) Влияние периода пандемии на динамику ассоциативного значения слов (сфера торговли)	142

РЕЦЕНЗИИ

Гридина Т.А., Коновалова Н.И. Методы психолингвистических исследований: теория, практикум, тренинги. Учебное пособие. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2020. 358 с. Калюта А.М.	154
Поляков С.Э. Концепты и другие конструкции сознания. Издательство: СПб.: Питер, 2017. – 624 с. Цзюй Юньшен, Матвеев М.О.	156

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Международный круглый стол «Языковая личность: результаты и перспективы исследования», посвященный 85-летию члена-корр. РАН, профессора Юрия Николаевича Караулова (10-11 ноября 2020 г.). Чулкина Н.Л.	162
VI Международная научно-практическая конференция под эгидой МАПРЯЛ «Би-, поли-, транслингвизм и лингвистическое образование». Токарева Н.А.	164

ИНФОРМАЦИЯ

168

THEORETICAL AND EXPERIMENTAL STUDIES

Svetlana K. Bashieva, Ariuka I. Gelyaeva , Irina R. Tabaksoeva (<i>Nalchik, Russia</i>)	8
Tolerance and Intolerance in the Language Consciousness of Modern Students	
Olga M. Grinova (<i>Kyiv, Ukraine</i>)	81
Psycholinguistic Analysis of the Concept ‘The Sense of Communication’	
Olga V. Dubkova (<i>Xi’an, China</i>)	35
Psycholinguistic Studies of Chinese Worldview Fragments	
Elena A. Kozlova (<i>Kirov, Russia</i>)	50
Hypnotic Metaphor as a Discursive Mechanism of Speech Influence (a Case Study of Psychological Trainings by Natalia Grace)	
Alexey D. Koshelev (<i>Moscow, Russia</i>)	59
On the Cognitive Foundation of Lexical Classification of the Subject World	
Larisa A. Piotrovskaya, Pavel N. Trushchelev (<i>St. Petersburg, Russia</i>)	76
Where Does an Interesting Expository Text Begin?	
Tatiana A. Slabodkina (<i>Moscow, Russia</i>)	91
A Comparative Analysis of Speech Disfluencies in Children Aged 10-12 Years and Adults, Native Russian Speakers	
Olga V. Sokolova (<i>Moscow, Russia</i>)	102
Linguistic Technologies of “Antiviral” Public Service Advertising: from the Spanish Flu to Covid-19	
Elizaveta S. Tretiakova (<i>Yokohama, Japan</i>)	122
Japanese EFL Learners’ Interpretation of Plural Morphology	

YOUNG SCHOLARS’ STUDIES

Jia Shuyue (<i>Moscow, Russia; Harbin, China</i>)	134
Representation of Profession in the World Image of the Chinese	
Anastasia G. Polyanskaya (<i>Moscow, Russia</i>)	142
The Influence of Pandemic Period on the Dynamics of the Associative Value of Words (Trading Sphere)	

REVIEWS

T.A. Gridina, N.I. Konovalov. Methods of psycholinguistic research: theory, examples of practical use, training. Coursebook. Yekaterinburg: Ural State Pedagogical University, 2020. 358 p. Kalyuta A.M.	154
Polyakov S.E. Concepts and other constructions of consciousness. Publisher: St. Petersburg: Peter, 2017. 624 p. Ju. Yunsheng, Matveev M.O.	156

SCIENTIFIC LIFE

International Round Table “Linguistic Personality: Results and Prospects of Research”, Dedicated to the 85 th Anniversary of the Corresponding Member of RAS, Professor Yuri Nikolaevich Karaulov (November 10-11, 2020). Chulkina N.L.	164
“BI-, POLY-, TRANSLINGUALISM AND LANGUAGE EDUCATION”. VI International Scientific and Practical Conference under the auspices of MAPRYAL.	
Tokareva N.A.	168

INFORMATION

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 81'27 / DOI 10.30982/2077-5911-2020-46-4-8-20

ТОЛЕРАНТНОСТЬ И ИНТОЛЕРАНТНОСТЬ В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ СОВРЕМЕННОЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЁЖИ

Башиева Светлана Конакбиевна

доктор филологических наук,
профессор кафедры русского языка и общего языкознания
Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х.М. Бербекова Ми-
нистерства науки и высшего образования РФ,
360004, г. Нальчик, ул. Чернышевского, 173
bfo-pdo@mail.ru

Геляева Ариука Ибрагимовна

доктор филологических наук,
профессор кафедры русского языка и общего языкознания
Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х.М. Бербекова Ми-
нистерства науки и высшего образования РФ,
360004, г. Нальчик, ул. Чернышевского, 173
gariuka@mail.ru

Табаксоева Ирина Рамазановна

кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка и общего языкознания
Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х.М. Бербекова Ми-
нистерства науки и высшего образования РФ,
360004, г. Нальчик, ул. Чернышевского, 173
imokaeva@yandex.ru

Статья посвящена исследованию толерантности и интолерантности в языковом сознании современной студенческой молодежи. Актуальность обращения к данной проблеме обусловлена повышенным вниманием к такому полиэтническому, поликонфессиональному ареалу, как Северо-Кавказский регион. Цель исследования – выявление степени сформированности толерантного сознания студентов, родившихся и выросших в постсоветское время в Кабардино-Балкарской Республике, в одном из полилингвальных субъектов Российской Федерации. В статье толерантность рассматривается как значимая в жизнедеятельности социума ценность, обеспечивающая позитивное взаимодействие. Её смысловое ядро в языковом сознании студентов, согласно полученным количественным и качественным характеристикам, составляют ассоциаты *уважение, терпимость*, а также своды неписаных морально-этических норм поведения *намыс, хабзе, адет*, которые интегрируют в себе комплекс важных, ценностно ориентированных компонентов общечеловеческих и национальных традиций. Работа проведена на основе анализа данных рецептивного и свободного ассоциативного экспериментов, результаты которых, с одной стороны, верифицируют содержание словарных дефиниций, а с другой – демонстрируют вербальные ассоциативные реакции, репрезентирующие достаточно глубокое понимание испытуемыми сути понятий ‘толерантность’, ‘интолерантность’, что свидетельствует об их закреплённости в концептуальной системе студенческой молодёжи.

Ключевые слова: толерантность, интолерантность, ценности, уважение, хабзе, адет, намыс, рецептивный эксперимент, ассоциативный эксперимент

Введение

Исследование вопросов, связанных с толерантным взаимодействием в социуме, продолжает оставаться активно разрабатываемой проблемой отечественных социально-гуманитарных наук. И это неслучайно. «Опыт межнациональных отношений последних лет особенно ярко показывает, что непонимание, а также конфликты чаще возникают и острее проявляются в поликультурном мире и полиэтнических сообществах, что в значительной степени обусловлено различиями в социокультурно специфичных нормах и стереотипах поведения» [Башиева, Геляева 2002: 101].

В связи с актуализацией глобализационных процессов усилились проявления непримиримости и агрессии в межкультурной, межэтнической, межконфессиональной и межличностной коммуникации. Поэтому толерантность приобрела статус проблемы, требующей её исследования в разных областях знания, и стала социокультурной доминантой, во многом определяющей эффективность и гармоничность взаимоотношений. Отметим, что к настоящему времени сформировались отдельные направления изучения толерантности, проведены исследования данной категории в таких аспектах, как этический [Валитова 1997], социологический [Абдулкаримов 2004], когнитивно-дискурсивный [Аболин 2009], лингвокультурологический [Башиева, Геляева 2010; Мидова 2012], социолингвистический [Крысин 2004], психологический [Солдатова 1998], коммуникативный [Стернин 2003, 2005] и др. В них толерантность представлена, с одной стороны, как общезначимая, а с другой – как специфическая категория, проявление которой в различных ситуациях зависит от многих факторов – исторических, культурных, социально-политических, экономических и т.д. В данной работе мы рассматриваем толерантность с аксиологической точки зрения, так как на Северном Кавказе мирное сосуществование этносов исторически обусловлено ценностными установками, закреплёнными в морально-этических сводах (*адат, адет, хабзе*), регламентирующих правила поведения независимо от национальной принадлежности, возраста, статуса. «Уникальная особенность кавказского культурно-исторического ареала, на которую давно обращает внимание культурологическая наука, – отмечает профессор Кабардино-Балкарского госуниверситета Х.Г. Тхагапсоев, – заключается в том, что при всем многообразии культур и языков, представленных в нём, этот ареал (его чаще называют Кавказом) предстаёт как некая культурная общность, как некая цивилизация» [2008: 88].

В этом контексте актуализируется вопрос об уровне толерантного поведения молодёжи современного северокавказского социума, что обусловило целевую направленность статьи. Задачи исследования состоят в определении объёма понятий ‘толерантность’, ‘интолерантность’ в языковом сознании студентов, установлении степени их закреплённости в концептуальной системе молодёжи Кабардино-Балкарии.

Материалы и методы. Работа построена на основе анализа результатов рецептивного и свободного ассоциативного экспериментов, в которых приняли участие 200 студентов КБГУ кабардинской и балкарской национальностей в возрасте от 17 до 22 лет. Выбор методов исследования, в частности свободного ассоциативного эксперимента, обусловлен их эффективностью при изучении языкового сознания (по словам Е.Ф. Тарасова, они являются одним из способов «овнешнения» языкового сознания).

Обсуждение

Новые реалии быстро меняющегося современного мира ставят перед исследователями толерантности всё новые задачи. К числу наиболее актуальных из них, на наш

взгляд, относится проблема готовности молодежи в регионах РФ к бесконфликтному, компромиссному общению. Исходя из этого, важным представляется установление смыслового объема понятий 'толерантность', 'интолерантность' в языковом сознании молодого поколения КБР.

Работа со студентами проводилась в два этапа. На первом этапе в результате анкетирования была получена информация о половозрастных особенностях, национальной принадлежности, родном языке, уровне образования, местожительстве, социальном статусе респондентов и т.д. На втором этапе были проведены в соответствии с общепринятыми методиками: рецептивный эксперимент – для исследования уровня понимания студентами значений слов *толерантность*, *интолерантность*, *свободный ассоциативный эксперимент* – для выявления в языковом сознании испытуемых совокупности ассоциаций, связанных с анализируемыми понятиями. В качестве рабочей дефиниции термина «языковое сознание» мы используем его определение как совокупность «образов сознания, овнешняемых при помощи языковых средств – слов, свободных и устойчивых словосочетаний, предложений, текстов и ассоциативных полей» [Тарасов 2004: 36]. Испытуемым было предложено дать первые пришедшие в голову реакции на слова-стимулы **толерантность**, **интолерантность** и на слова-стимулы, коррелирующие с ними по семантическому содержанию.

В современных справочных изданиях толерантность определяется как «терпимость к иному рода взглядам, нравам» [Новая... 2001: 457]. Отметим, что в кабардино-черкесских и карачаево-балкарских лексикографических источниках не зафиксированы слова *толерантность*, *интолерантность*, поэтому актуальность полученной информации, безусловно, представляет научный интерес.

Испытуемым было предложено 40 слов-стимулов, обозначающих общечеловеческие ценности (**толерантность, семья, Родина, согласие, бесконфликтность, компромисс, внимание к людям, нравственность, дружба, долг, покой, уважение, мир, труд, гостеприимство, доброта, любовь, совесть, дом, честь, дипломатичность, воспитанность, понимание, сдержанность, стабильность, вежливость**); этническую ценность (**намыс**); универсальные антиценности (**интолерантность, агрессия, месть, жестокость, черствость, вражда**) и др. Отмечая актуальность и необходимость изучения общечеловеческих ценностей (ОЦ), Е.Ф. Тарасов пишет, что «перед исследователями стоит задача вскрыть содержание ОЦ у носителей русской культуры» [2012: 10]. Особенность нашего эксперимента заключается в том, что на его результаты влияют два языка – родной язык участников (либо кабардино-черкесский, либо карачаево-балкарский) и русский язык – язык межнационального общения, обучения, функционально активный в билингвальной студенческой среде. На наш взгляд, привлечение нового эмпирического материала, полученного в результате такого эксперимента, актуально в силу ряда факторов – социальных, культурных, прагматических. На предложенные слова-стимулы было получено 7712 реакций, что свидетельствует о широком спектре субъективных семантических характеристик толерантности, интолерантности в языковом сознании испытуемых (табл. 1).

Таблица № 1.

Ранжирование слов-стимулов по количеству реакций

№	Слово-стимул	Кол-во реакций	Центр АП (самые частотные реакции 3-5)
1	намыс	479	<i>уважение, хабзе, адет, честь, достоинство</i>
2	гостеприимство	388	<i>гость, уважение, доброжелательность, вежливость, доброта</i>
3	уважение	370	<i>уважение к старшим, намыс, толерантность</i>
4	толерантность	286	<i>намыс, уважение, терпимость, терпение</i>
5	интолерантность	286	<i>агрессия, нетерпеливость, нетерпимость</i>
6	День депортации балкарцев	281	<i>8 марта, горе, траур, слезы, скорбь память</i>
7	День памяти адыгов	268	<i>21 мая, траур, скорбь, память</i>
8	хиджаб	267	<i>религия, намаз, вера, ислам, мусульмане</i>
9	семья	248	<i>любовь, уважение, мама, счастье, поддержка</i>
10	21 мая	222	<i>траур, смерть, геноцид, память, война</i>
11	жестокость	195	<i>боль, грубость, насилие, бездушность, бесчеловечность</i>
12	стабильность	188	<i>постоянность, спокойствие, порядок, равновесие, работа</i>
13	согласие	187	<i>мир, принятие, компромисс, одобрение, понимание</i>
14	дружба	187	<i>взаимопонимание, доверие, поддержка, любовь</i>
15	любовь	185	<i>семья, чувство, счастье, уважение</i>
16	мир	183	<i>доброта, спокойствие, планета, жизнь, дружба</i>
17	8 марта	180	<i>день депортации балкарского народа, женский день, цветы, праздник</i>
18	дом	177	<i>семья, уют, тепло, любовь, родители</i>
19	внимание к людям	175	<i>уважение, забота, доброта, любовь</i>
20	родина	171	<i>дом, патриотизм, Россия, долг, место рождения</i>
21	вежливость	163	<i>уважение, воспитание, внимание</i>
22	доброта	162	<i>любовь, помощь, отзывчивость, верность, помощь</i>

23	покой	157	<i>тишина, умиротворение, спокойствие, отдых</i>
24	1 мая	153	<i>труд, праздник, день труда, весна, мир</i>
25	вражда	150	<i>война, ненависть, злоба, конфликт, месть</i>
26	месть	148	<i>обида, зло, жестокость, вражда, злость</i>
27	честь	147	<i>достоинство, совесть, уважение, намыс</i>
28	труд	144	<i>работа, усилие, результат, цель</i>
29	президент	143	<i>В.В. Путин, власть, глава, страна, глава государства</i>
30	бесконфликтность	140	<i>спокойствие, мир, понимание, сдержанность</i>
31	компромисс	139	<i>уступки, соглашение, договоренность</i>
32	дипломатичность	137	<i>умение договариваться, ум, политика, образованность</i>
33	совесть	135	<i>честь, стыд, ответственность, мораль, нравственность</i>
34	долг	133	<i>обязанность, деньги, перед родиной, ответственность</i>
35	нравственность	131	<i>мораль, порядочность, правила, качество</i>
36	агрессия	127	<i>зло, жестокость, злость, нападение</i>
37	понимание	126	<i>сострадание, сочувствие, уважение, дружба</i>
38	черствость	121	<i>грубость, равнодушие, жестокость, характер</i>
39	воспитанность	119	<i>уважение, вежливость, родители, семья</i>
40	сдержанность	114	<i>скромность, терпение, спокойствие, воспитанность</i>
Итого		7712	

Ранжирование стимулов по количеству реакций показало, что содержание центральных зон ассоциативных полей (АП) стимулов **намыс, гостеприимство, уважение, толерантность, честь** пересекаются: наиболее частыми являются ассоциаты *уважение, намыс, терпимость, терпение, уважение к старшим*, что вполне предсказуемо: они в совокупности составляют этнокультурную основу мировоззренческой парадигмы кабардинцев и балкарцев.

Так как объем статьи не позволяет рассмотрение всех ассоциативных полей, обратимся к тем позициям, по которым получено наибольшее количество реакций.

Ассоциативное поле стимула **намыс**. Основой толерантности, регламентирующей «позитивное взаимодействие людей», как мы отмечали в предыдущих работах, является категория ‘намыс’ [Башиева, Геляева, Мокаева 2010: 153–159], что подтверждено и результатами свободного ассоциативного эксперимента. Устойчивыми признаками

стимула в языковом сознании испытуемых являются ассоциаты *уважение* (58), *хабзе* (57), *адет* (54), *честь* (49), *достоинство* (47), которые вместе с другими реакциями (*воспитанность* (26), *воспитание* (18), *скромность* (14), *стыд* (14), *честность* (14), *нравственность* (13), *традиции* (10), *уважение к старшим* (10), *добропорядочность* (8), *должное поведение* (8), *Кавказ* (2), *сдержанность* (2), *доброта* (1), *культура* (1), *мораль* (1), *норма* (1), *обычаи* (1), *приличие* (1) и др.) согласуются с лексикографическими дефинициями слова *намыс*: ‘скромность, приличие, почет’ [Кабардино-русский словарь 1957: 276], ‘приличие, пристойность..., почет, уважение’ [Словарь... 1999: 533]; ‘1) честь, достоинство, совесть; 2) авторитет, влияние, престиж; 3) уважение, почтение; приличие, учтивость’ [Толковый словарь... 2002: 978]; ‘учтивость, честь, уважение’ [Русско-карачаево-балкарский словарь 1965: 678].

Следует отметить, что понятие ‘намыс’ (нэмыс, намус) широко используется народами Кавказа и Средней Азии как номинация нравственной категории, интегрирующей в себе важные универсальные ценности (‘уважение’, ‘приличие’, ‘нравственность’, ‘пристойность’, ‘совесть’, ‘честь’, ‘достоинство’ и др.), которые базируются на толерантности. Оно отражает специфику бытия этносов, обусловленного историческим опытом социального взаимодействия, стратегию толерантного сосуществования в полинациональной среде, исключающую негативное поведение человека в любых ситуациях. В концентрированном виде содержание слова *намыс* представлено в пословицах *ел намысы – эр намысы* ‘честь народа – честь героя’ (казах.); *батыр намыс учун туулуп, намыс учун ёлет* ‘герой рождается для оказания уважения (намыса), умирает за намыс’ (кирг.); *нэмыс здэщымылэм насып цылэкъым* ‘где нет намыса, там нет и счастья’; *намысым насып къыдоклуз* ‘за намысом следует счастье’ (каб.-черк.), выступающих в качестве индикатора толерантно ориентированной коммуникации людей. В карачаево-балкарском и кабардино-черкесском языках широко используются устойчивые сочетания слов, которые характеризуют человека, придерживающегося стратегии уважительного отношения к другому члену социума даже при неприязни к нему (*намыс этерге* ‘оказывать уважение (намыс)’ (кар.-балк.), *нэмыс хэльын* ‘быть учтивым, благопристойным’, (каб.-черк.).

Ассоциативное поле стимула **гостеприимство**. Центр АП составляют реакции *гость* (62), *уважение* (59), *доброжелательность* (57), *вежливость* (55), *доброта* (48), которые обусловлены этническими ценностными установками кабардинцев и балкарцев. На первом месте в ассоциативном поле представлена предсказуемая реакция *гость*, так как существует поверье, что гость – посланник Бога ‘кьонакь – аллахны келечисиди’ (балкарская пословица), поэтому если порог дома переступил даже враг, его необходимо встретить как гостя. Отношение к традиции гостеприимства отражено и в пословицах *дзэкIэ мацIэу, хьэщIэкIэ куэду* ‘меньше воинов, да больше гостей’; *хьэщIэ цIалэ цылэкъым* ‘гость молодым не бывает’ (кабардинские пословицы); *кьонакь Тейрини атындан келеди* ‘гость приходит от имени Тейри’ (балкарская пословица). Этой этической нормой обусловлено и то, что другие ассоциаты центральной зоны – *уважение, доброжелательность, вежливость, доброта* – семантически отражают ситуацию приема гостя. Остальные ассоциаты можно распределить по тематическим группам: территориальная зона (*Кавказ, дом*); эмоции, психологическая атмосфера (*веселье, великодушие, добродушие, дружелюбие, любовь, радость, радушие, улыбка*); пища и процедуры, связанные с ее приготовлением и приемом (*булочки, готовка, лакомства, обед, хычины, хлеб, чай*); уход за гостем (*внимание, забота*); оценка (*тепло,*

хорошо, семья хорошо); обычаи (*мораль, традиции, хабзе*); качества (*общительность, нравственность, учтивость, щедрость*); участники церемонии (*бабушка, друзья, люди, родственники, семья, тети, хозяйева*). Все ассоциаты отражают толерантное отношение к гостю независимо от его возраста и социального положения, что позволяет говорить о гостеприимстве как важном компоненте ценностной системы кабардинцев и балкарцев.

Ассоциативное поле стимула **уважение** представлено следующими реакциями: *уважение к старшим (76), намыс (67), толерантность (54)* – в центральной зоне; *почитание (23), родители (17), любовь (16), авторитет (15), нравственность (14), честь (12)* – в ближней периферии; *вежливость (8), к пожилым людям (7), респект (3), совесть (3), человек (3), отношение (2), главное качество (2), хорошее отношение (2), доброта (2), внимание (2), признание (2), понимание (2), семья (2), почтительное отношение (2)* – в дальней периферии; *бесконфликтность (1), близкий любимый человек (1), восхищение (1), доверие (1), достоинство (1), дружба (1), забота (1), обязанность (1), сильные духом люди (1), терпение (1), умение уступать (1), этикет (1)* и др. – в крайней периферии. Большинство ассоциатов репрезентируют уважительное отношение к другому (*взаимопонимание, внимание, принятие, понимание, почтительное отношение, признание, уважение к старшим, умение уступать, хорошее отношение*); чувство (*любовь*); качества человека (*достоинство, нравственность, совесть, честь*); черты характера (*вежливость, доброта, милосердие, храбрость*); способности человека (*мудрость, терпение*) и т.д.

Ассоциативное поле стимула **толерантность**. Центр АП включает ассоциаты *намыс (57), уважение (42), терпимость (41), терпение (32)*; ближняя периферия – ассоциаты *хабзе (17), гостеприимство (15), понимание (15), адет (13)*; дальняя периферия – ассоциаты *милосердие (4), мир (4), принятие (4), аккуратность (3), дружелюбие (3), равенство (3), вежливость (2), либеральность (2), образованность (2), открытость (2), прощение (2), религия (2), свобода (2)*; крайняя периферия – *внимательность (1), воспитанность (1), допустимость (1), дружба (1), женщины (1), запад (1), мировоззрение (1), нация (1), нормальный (1), образ жизни (1), расы (1), согласие (1), сострадание (1), справедливость (1), США (1), талант (1), умение (1), умение сдерживать себя (1), человеколюбие (1)* и др. Количество реакций свидетельствует о том, что диапазон понимания содержания толерантности гораздо глубже лексикографических дефиниций, значительно шире синонимического ряда, представленного в словарях лексемами *либерализм, терпение, мягкость, терпимость, либеральность, невзыскательность, нетребовательность, снисходительность, снисхождение*.

Обращает на себя внимание то, что в ассоциативном поле стимула **толерантность** реакции *терпимость, терпение* занимают, как и ассоциация *уважение*, приоритетную позицию. Если исходить из дефиниции глагола *терпеть* – ‘нуждаться, страдать, быть кротким, смиряться’ [Даль 1998, т.4: 40], то терпение в мировоззрении кабардинцев и балкарцев исключает взаимодействие как показатель толерантного поведения, нормы которого закреплены в национальных этических кодексах Адыгэ хабзе и Тау адет. Актуализацию реакции *терпимость* в языковом сознании испытуемых можно объяснить влиянием русского языка как языка обучения, воспитания в школе и вузе.

К этнокультурным ассоциатам стимула **толерантность**, кроме слова *намыс*, относятся также *хабзе, адет*, о значимости которых в системе ценностей свидетельствуют пословицы *адетсиз эл эл туююл* ‘село без обычаев – не село’ (кар.-балк.), *хабзе зы-*

мышIэрэр жантIэм чIэтIысхьэ ‘тот, кто не знает хабзе, садится на место старших’ (каб.-черк.).

В комплексе ассоциаты овнешняют в картине мира студентов толерантность как нравственное качество, что закономерно, так как в этических кодексах Адыгэ хабзе и Тау адет кабардинцев и балкарцев уважение выступает как норма морали, о чем свидетельствуют результаты эксперимента. Реакции участников эксперимента на стимулы **уважение, намыс**, в той или иной мере репрезентирующие толерантность, подтверждают, что уважительность является определяющим показателем отношения современного молодого поколения Кабардино-Балкарии к членам общества вне зависимости от их половозрастных, этнических и статусно-ролевых особенностей. Таким образом, взаимообусловленность толерантности и уважения, которые в кабардино-черкесском и карачаево-балкарском языках обозначаются полисемантической этномаркированной лексемой *намыс*, образует национально-специфический признак толерантности и объективирует роль традиционной культуры в умении понять и принять позицию другого человека.

Ассоциат уважение встречается и в реакциях на стимулы **воспитанность, вежливость, доброта, семья, дружба, внимание к людям, бесконфликтность, День памяти адыгов, гостеприимство, понимание, честь, компромисс, нравственность, мир, сдержанность, совесть, согласие**, которые репрезентируют нравственно-этические ценности, консолидирующие социум. Следует отметить, что в реакциях на слова-стимулы **хиджаб, уважение, внимание к людям, вежливость, воспитанность, сдержанность** испытуемые дали также реакцию *толерантность*, однако в центральную зону она не вошла.

Поскольку толерантность является одной из составляющих этнического мировоззрения, студентам были предложены стимулы, отражающие памятные даты в истории кабардинцев и балкарцев, – **21 мая, День памяти адыгов, 8 марта, День депортации балкарцев**¹. Полученные реакции содержат эмоционально-экспрессивную информацию, репрезентированную в словах *траур (26), смерть (22), геноцид (19), память (17), война (16), горе (16), жертвы (13), кровь (13), печаль (11), боль (10), несправедливость (10), выселение (8), сожаление (6), грусть (4), жестокость (4), сочувствие (4), страх (2), утрата (2), вражда (1), горечь (1) дискриминация (1), злость (1), насилие (1), неравенство (1), переселение (1), потеря (1), сочувствие (1)*; экстралингвистическую информацию: *День депортации балкарского народа (48), День памяти (2), Кавказская война (2), жертвы Кавказской войны (1), КБР (1), флаг (1) Чёрное море (1)*; индивидуально-субъективную информацию: *день рождения (2)*. Ассоциаты на стимул **8 Марта** актуализируют атрибутику праздника: *цветы (25), праздник (22), подарки (11), тюльпаны (2), день цветов (1), конфеты (1), торт (1)*; гендерный характер праздника – *женский день (19), женщина (13), мама (2), феминизм (2), бабушка (1), девушка (1), уважение к женщинам (1), эмансипация (1)*; позитивный эмоциональный настрой – *весна (3), радость (2), счастье (1), улыбки (1), хорошее настроение (1)*; события, связанные с насильственным выселением балкарского народа – *День депортации балкарского народа (48), траур (4), выселение балкарцев (2), геноцид (1), день памяти депортации балкарцев (2), боль (1), война (1), голод (1), злость (1), слёзы (1), трагедия (1), холод (1)*, которые коррелируют с реакциями, полученными на стимул **День депортации балкарцев: 8**

¹ 8 марта (День депортации балкарцев) – отмечается как день памяти в связи с депортацией балкарского народа 8–9 марта 1944 года; 21 мая – День памяти адыгов (черкесов) – жертв Русско-Кавказской войны.

марта (19), горе (12), траур (11), слезы (10), боль (8), скорбь (8), жестокость (7), смерть (5), голод (4), грустно (4), память (4), разлука (3), война (2), вражда (2), горечь (2), горы (2), день (2), жалость (2), жаль (2), жертвы (2), изгнание (2), обида (2), печаль (2), платки (2), потери (2), предательство (2), насилие (2), ссылка (2), холод (2), беда (1), конфликт (1), насильственный (1), несправедливость (1), плач (1), плохо (1), потеря (1), разруха (1), сожаление (1), сочувствие (1), ссора (1), Сталин (1), ужас (1). В целом в языковом сознании испытуемых ассоциативные поля **21 мая, День памяти адыгов, 8 марта, День депортации балкарцев** предстают как негативные фрагменты истории обоих народов.

На выявление уровня религиозной толерантности был ориентирован стимул **хиджаб** – одежда, покрывающая мусульманку с головы до пят. Большинство испытуемых связывают это слово с религиозной культурой: *религия (36), вера (25), ислам (25), мусульмане (20), намаз (14), мусульманка (13), Аллах (12), богобоязненность (10), покорность (2), мечеть (1)*, хотя встречаются и такие ассоциаты, как *не имеет смысла (1), одежда – не религия (1)*. Некоторые реакции указывают на ценностную составляющую стимула: *скромность (8), чистота (4), уважение (3), доброта (2), спокойствие (2), честь (2), толерантность (1)*. Результаты эксперимента показывают, что восприятие хиджаба как атрибута исламской традиции оказалось относительно высоким.

Ассоциативное поле стимула **интолерантность**. Интерпретация понятия ‘интолерантность’ отражает негативное отношение испытуемых к деструктивному поведению (*агрессия (56), ущемление других (8), дискриминация (1) жестокость (1)*), неспособности принимать чужое мнение (*нетерпимость (54), эгоизм (13)*), концепциям о неполноценности некоторых рас, превосходстве одних народов над другими (*расизм (3), национализм (3)*), неумению вести себя (*невоспитанность (15), некультурность (6), хамство (1)*) и др. А такие ассоциаты, как *медицина (2), предубеждение (2), вежливость (1), качество (1), ложь (1)*, свидетельствуют о том, что понятие ‘интолерантность’ утвердилось в когнитивной базе некоторых студентов не в полной мере.

Сопоставление ассоциативных полей стимулов **интолерантность, агрессия, месть, жестокость, черствость, вражда** показывает, что полученные реакции репрезентируют пересекающиеся, связанные с ассоциатами стимула **интолерантность** смыслы, в частности такие, как ‘беда’, ‘несчастье’ – *зло (39)*; ‘враждебное настроение’ – *злость (5)*; ‘безжалостное обращение с кем-либо’ – *жестокость (6)*; ‘неприятные отношения’ – *вражда (2), ненависть (1)*; ‘эмоциональное состояние’ – *нервы (4), ярость (3), всплеск эмоций (2), несдержанность (2), обида (2), раздражение (2), гнев (1), импульсивность (1), неуравновешенность (1), приступ (1), чувство (1), ‘вражда’ – ссора (1)*; ‘деспотичность’ – *тиранство (1)*; ‘физическое воздействие на кого-либо’ – *нападение (4), атака (1), насилие (1)*; ‘серьезное разногласие’ – *война (2), конфликты (2), борьба (1), деструктивное поведение (1)*; ‘ущерб’ – *вред (1)*; ‘несовместимость’ – *отторжение, непонимание (1)*; ‘безучастность’ – *апатия, усталость, равнодушие (1)*, живой мир – *мужчина (2), бык (1), животные (1), люди (1), человек (1)*. В комплексе они создают смысловую общность, так как в основе интолерантности лежат *агрессия (56), нетерпеливость (55), нетерпимость (54)*.

Языковому сознанию кабардинцев и балкарцев присуще отрицательно оценочное отношение к стимулам **агрессия, месть, вражда, жестокость, черствость**, наиболее частыми реакциями на которые являются *зло, боль, грубость, ненависть, жестокость*, характеризующие не внутренний мир испытуемых, а внешний мир, ведь «цен-

ностные ориентации членов социума создаются в их сознании, когда человеческая деятельность приобретает социальную определенность, которая формируется в ходе соотношения целей деятельности с качеством получаемого результата деятельности» [Дмитрюк 2014: 76]. Таким образом, можно утверждать, что реакции на слова-стимулы отражают не только особенности этнической картины мира, но и социальную жизнь испытуемых, их повседневные связи с окружающей действительностью, что обуславливает характер информации, репрезентированной в ассоциатах.

Резюме

Результаты рецептивного, свободного ассоциативного экспериментов, показали, что смысловой объем понятия 'толерантность' отражает в языковом сознании студенческой молодежи Кабардино-Балкарии способ позитивных правил поведения, признание людей независимо от этнической, расовой принадлежности, социального статуса, неприятие интолерантности. Они в комплексе формируют модель многомерной ментальной структуры, центральную зону которой образуют как базовые общечеловеческие ценности, так и этнические ценности, обусловленные особенностями социально-исторического опыта кабардинцев и балкарцев.

Литература

Абдулкаримов Г.Г. Толерантность в межнациональных отношениях в Уральском регионе: социологический анализ: дис. ... канд. социол. наук. Екатеринбург, 2004. 196 с.

Аболин Б.И. Концепт «толерантность» в когнитивно-дискурсивном аспекте: дис. ... канд. филолог. наук. Екатеринбург, 2009. 216 с.

Башиева С.К., Геляева А.И. Толерантность и норма как основа этнического миропонимания народов Кавказа (лингвокультурологический аспект) // Известия Международной академии наук высшей школы. № 4 (22). М., 2002. С. 101–107.

Башиева С.К., Геляева А.И., Мокаева И.Р. Концепт «толерантность» как составляющая нравственной категории «намыс» в северокавказском лингвокультурном пространстве // Вестник Северо-Осетинского государственного университета им. К. Хетагурова, 2010. № 1. С. 152–159.

Валитова Р.Р. Толерантность как этическая проблема: автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 1997. 20 с.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 томах. – М.: Русский язык, 1998.

Дмитрюк Н.В. Ценностные ориентиры в языковом сознании казахстанского социума: постановка проблемы // Science and world. 2014. № 4(8). Vol. II. С. 76–77.

Кабардино-русский словарь / Под общ. ред. Б.М. Карданова. М.: Издательство иностранных и национальных словарей, 1957. 576 с.

Крысин Л.П. Толерантность как социолингвистическая категория // Культурные практики толерантности в речевой коммуникации: коллект. моногр. / Отв. ред. Н.А. Купина и О.А. Михайлова. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2004. С. 27–32.

Мидова Д.Х. Толерантность как лингвокультурный феномен: автореферат дис. ... кандидата филологических наук. Нальчик, 2012. 22 с.

Новая философская энциклопедия: В 4 т. / Ин-т философии РАН, Нац. общ. науч. фонд – М.: Мысль, 2001. 605 с.

Русско-карачаево-балкарский словарь. М.: Советская энциклопедия, 1965. 704 с.

Словарь кабардино-черкесского языка. М.: Дигора, 1999. 852 с.

Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности. М.: Смысл, 1998. 389 с.
Стернин И.А. Коммуникативная толерантность и её формирование // Педагогика толерантности: проблемы теории и практики. Екатеринбург, 2003. С. 24–31.

Стернин И.А. Толерантность и коммуникация // Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности: Коллективная монография / Отв. ред. Н.А. Купина и М.Б. Хомяков. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005. С. 324–337.

Тарасов Е.Ф. Проблема анализа содержания общечеловеческих ценностей // Вопросы психолингвистики. 2012. № 1. С. 8–17.

Тарасов Е.Ф. Языковое сознание // Вопросы психолингвистики. 2004. №. № 2. С. 34–47.

Толковый словарь карачаево-балкарского языка. Нальчик: Эль-Фа, 2002. Т.2. 978 с.

Тхагапсоев Х.Г. Кавказская культура: особенности генезиса и тенденция развития. СПб.: Астерион, 2008. 224 с.

TOLERANCE AND INTOLERANCE IN THE LANGUAGE CONSCIOUSNESS OF MODERN STUDENTS

Svetlana K. Bashieva

Doctor of Philology, Professor,
Head of the Department of Russian Language and General Linguistics, Kabardino-Balkarian State University n. a. H.M. Berbekov
bfo-pdo@mail.ru

Ariuka I. Gelyaeva

Doctor of Philology, Professor of the Russian Language and General Linguistics
Department,
Kabardino-Balkarian State University n. a. H.M. Berbekov
gariuka@mail.ru

Irina R. Tabaksoeva

Candidate of Philology, Associate Professor of the Russian Language and General
Linguistics Department,
Kabardino-Balkarian State University n. a. H.M. Berbekov
imokaeva@yandex.ru

The article is devoted to the study of tolerance and intolerance in the linguistic consciousness of modern student youth. The relevance of the problem is due to the increased attention to such a multi-ethnic, multi-confessional area as the North Caucasus region. The purpose of the study is to identify the degree of formation of tolerant consciousness of students born and raised in the post-Soviet period in the Kabardino-Balkarian Republic, in one of the polylingual subjects of the Russian Federation. In the article, tolerance is considered as a value significant in the life of society and ensuring positive interaction. Its semantic core in the linguistic consciousness of students, according to the quantitative and qualitative characteristics obtained, is made up of such associations as *respect*, *tolerance*, as well as the sets of unwritten moral and ethical standards of behavior such as *namys*, *habze*, *adet*, which integrate the complex of important, value-oriented components of universal human

and national traditions. The work has been carried out on the basis of the receptive and free associative experiments data, which, on the one hand, verify the maintenance of dictionary definitions, and on the other – show verbal associative reactions representing rather deep understanding of the essence of the concepts ‘tolerance’ and ‘intolerance’ by the respondents. The latter demonstrates the fixedness in the above-mentioned concepts in the conceptual system of the student’s youth.

Keywords: tolerance, intolerance, values, respect, khabze, adet, namys, receptive experiment, an associative experiment

References

Abdulkarimov G.G. Tolerantnost’ v mezhnacional’nyh otnosheniyah v Ural’skom regione: sociologicheskij analiz [Tolerance in interethnic relations in the Ural region: sociological analysis]: dissertation for the degree of candidate of social Sciences. Ekaterinburg, 2004. 196 s. (In Russian).

Abolin B.I. Koncept ‘tolerantnost’ v kognitivno-diskursivnom aspekte [The concept of ‘tolerance’ in the cognitive-discursive aspect]: dissertation for the degree of candidate of philological sciences. Ekaterinburg, 2009. 216 s. (In Russian).

Bashieva S.K., Gelyaeva A.I. Tolerantnost’ i norma kak osnova etnicheskogo mirovideniya narodov Kavkaza (lingvokul’turologicheskij aspekt) [Tolerance and norm as the basis of the ethnic worldview of the peoples of the Caucasus (linguoculturological aspect)]. // *Izvestiya Mezhdunarodnoj akademii nauk vysshej shkoly* [News of the International Academy of Sciences of Higher School]. № 4 (22). 2002. S. 101–107. (In Russian).

Bashieva S.K., Gelyaeva A.I., Mokaeva I.R. Koncept «tolerantnost’» kak sostavlyayushchaya нравственной категории «namys» v severokavkazskom lingvokul’turnom prostranstve [The concept of ‘tolerance’ as a component of the moral category ‘namys’ in the North Caucasian linguocultural space] // *Vestnik Severo-Osetinskogo gosudarstvennogo universiteta im. K. Hetagurova* [Bulletin of the North Ossetian State University named after K. Khetagurova]. № 1. 2010. S. 152–159. (In Russian).

Valitova P.P. Tolerantnost’ kak eticheskaya problema [Tolerance as an ethical problem]: abstract of the dissertation for the degree of candidate of philosophical sciences. Moscow, 1997. 20 s. (In Russian).

Dal’ V.I. Tolkovyj slovar’ zhivogo velikorusskogo yazyka [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. Moscow: Russian language, 1998. Vol. 4. (In Russian).

Dmitryuk N.V. Cennostnye orientiry v yazykovom soznanii kazahstanskogo sociuma: postanovka problemy [Value guidelines in the linguistic consciousness of the Kazakh society: problem statement] // *Science and world*. 2014. № 4(8). Vol. II. S. 76–77. (In Russian).

Kabardino-russkij slovar’ [Kabardino-Russian dictionary]. Moscow: Publishing house of foreign and national dictionaries, 1957. 576 s. (In Russian).

Krysin L.P. Tolerantnost’ kak sociolingvisticheskaya kategoriya kommunikacii [Tolerance as a sociolinguistic category] // *Kul’turnye praktiki tolerantnosti v rechevoj* [Cultural practices of tolerance in speech communication]. Ekaterinburg: Publishing house of the Ural University, 2004. S. 27–32. (In Russian).

Midova D.H. Tolerantnost’ kak lingvokul’turnyj fenomen [Tolerance as a linguocultural phenomenon]: abstract of the dissertation for the degree of candidate of philological sciences. Nal’chik, 2012. 22 s. (In Russian).

Novaya filosofskaya enciklopediya [New philosophical encyclopedia]: In four volumes. Moscow: Mysl, 2001. 605 s. (In Russian).

Russko-karachaevobalkarskij slovar' [Russian-Karachai-Balkarian dictionary]. Moscow: Soviet encyclopedia, 1965. 704 s. (In Russian).

Slovar' kabardino-cherkesskogo yazyka [Dictionary of the Kabardino-Circassian language]. Moscow: Digora, 1999. 852 s. (In Russian).

Soldatova G.U. Psihologiya mezhetnicheskoj napryazhennosti [The psychology of interethnic tension]. Moscow: Smysl, 1998. 389 s. (In Russian).

Sternin I.A. Kommunikativnaya tolerantnost' i ego formirovanie [Communicative tolerance and its formation] // Pedagogika tolerantnosti: problemy teorii i praktiki [Pedagogy of tolerance: problems of theory and practice]. Ekaterinburg, 2003. S. 24–31. (In Russian).

Sternin I.A. Tolerantnost' i kommunikaciya [Tolerance and communication] // Filosofskie i lingvokul'turologicheskie problemy tolerantnosti [Philosophical and linguoculturological problems of tolerance]. Moscow: OLMA-PRESS, 2005. S. 324–337. (In Russian).

Tarasov E.F. Problema analiza sodержaniya obshchechelovecheskih cennostej [The problem of analyzing the content of universal values] // Voprosy psiholingvistiki [Questions of psycholinguistics]. 2012. № 1. S. 8–17. (In Russian).

Tarasov E.F. Yazykovoe soznanie [Language consciousness] // Voprosy psiholingvistiki [Questions of psycholinguistics]. 2004. № 2. S. 34–47. (In Russian).

Thagapsoev H.G. Kavkazskaya kul'tura: osobennosti genezisa i tendenciya razvitiya [Caucasian culture: features of genesis and development trend]. Saint Petersburg: Asterion, 2008. 224 s. (In Russian).

Tolkovyj slovar' karachaevobalkarskogo yazyka [Explanatory dictionary of the Karachay-Balkarian language]. Nal'chik: El'-Fa, 2002. Vol. 2. 978 s. (In Russian).

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КОНЦЕПТА 'СМЫСЛ КОММУНИКАЦИИ'

Гринева Ольга Михайловна

доктор психол. наук,

доцент кафедры теоретической и консультативной психологии
факультета психологии

Национального педагогического университета им. М.П. Драгоманова
04111, Украина, г. Киев, ул. Саратовская, 20
olga_grinova@rambler.ru

Статья посвящена исследованию психолингвистических аспектов феномена смысла в речевом общении. Теоретический анализ положений психолингвистической науки по проблеме исследования дал возможность раскрыть особенности трансформаций личностью индивидуальных смыслов в понятия в условиях коммуникации. В речевом взаимодействии актуализация механизмов идентификации, индукции, рефлексивной оценки смыслов коммуникантов обеспечивает процессы конструирования адресатом собственных смысловых структур и их дальнейшего встраивания в речевую картину мира. При этом адресант, как активный субъект смыслообразования, конструирует собственные сообщения для наиболее точной передачи своих смыслов адресату, организации совместной деятельности, влияния на его поведение. Целью экспериментального исследования было выявление особенностей смыслов коммуникации у лиц юношеского возраста. Наиболее выраженными ассоциациями исследуемого концепта стали *общение, дружба, взаимопонимание, доверие, интересы*. Анализ ассоциативного поля показал, что респонденты рассматривают смысл собственной коммуникации преимущественно в эмоционально тесных отношениях с ровесниками. Приоритетными ценностями выстраивания таких отношений для них являются искренность, партнерство, возможность доверять другому человеку, рассчитывать на его помощь в трудных жизненных ситуациях. В жизненной транспективе респонденты преимущественно проектируют смыслы коммуникации в настоящем времени. Смыслы, пролонгированные в будущее, представлены только в ассоциативной зоне учебно-профессионального и профессионального общения, формирование которой открыто и не завершено. Приоритетными зонами семантического поля исследуемого концепта являются: зона собственно межличностного взаимодействия, зона конструирования взаимоотношений и зона понимания и интерпретации сообщений собеседника. Специфику развития современной личности в поздней юности отображает содержание ассоциативных зон самовыражения, самоорганизации собственной деятельности и средств организации общения.

Ключевые слова: смысл, значение, сообщение, речевое общение, речевое сознание, коммуникация, идентификация, личность, юношеский возраст, ассоциативное поле

Введение

Значение речевого общения для обеспечения процессов смыслообразования человека и реализации им личностных смыслов сложно переоценить, поскольку «... смысл

лообразование при восприятии текста коммуникативно» [Нистратов, Тарасов 2017: 131]. Именно смыслы сообщений передают индивидуальность адресанта в процессе коммуникации. Смыслы текстов сообщений дают возможность реципиентам познать личность их автора даже в тех случаях, когда непосредственное общение с ним невозможно. Смыслы, которые вкладывает человек в собственные действия и поступки, не только отображают его личностные свойства, но и направляют жизненную активность, определяют дальнейшие жизненные цели.

Жизненная активность человека, как правило, не является изолированной. Она происходит в условиях прямой или опосредствованной коммуникации с другими людьми. Это определяет необходимость понимания адресатом не только значений, но и смыслов сообщений адресанта. Понимание человеком смыслов сообщений другого коммуниканта обеспечивает не только возможности организации совместной деятельности с ним, но и способствует обогащению его жизненного опыта, расширению языковой картины мира, становлению речевого сознания в целом.

Все это определяет высокую актуальность и социальную значимость изучения концепта смысла в условиях речевого общения человека.

Цель статьи: теоретически проанализировать и эмпирически исследовать психолингвистические особенности феномена смысла в межличностном взаимодействии личности.

Теоретический анализ проблемы исследования

Изучению феномена смысла в классической и современной психолингвистике уделяется значительное внимание. Смысл как сложное структурное образование включает различные зоны. Наиболее устойчивой зоной смысла внутренней речи человека является значение, которое остается тождественным даже если коммуникант целенаправленно изменяет смысл своего сообщения. Смысл является широким интеллектуальным и аффективным образованием сознания человека, которое, кроме значения, включает ряд других более динамичных зон и может изменяться в зависимости от контекста всего сообщения [Выготский 1956].

В речевом общении адресат интерпретирует сообщения адресанта, трансформируя воспринятые значения в конструкты индивидуальных смыслов. При этом осознание адресатом неполноты собственного понимания смыслов адресанта сообщения побуждает его к дальнейшему поиску этих смыслов. Именно это «понимание собственного непонимания» смыслов других коммуникантов является одной из важнейших движущих сил познания человеком предметного и социального мира [Зинченко 1997]. В процессе образования индивидуальных смыслов коммуникант не только интерпретирует отдельные понятия, но и сопоставляет и актуализирует взаимосвязи каждого понятия с другими, уже имеющимися в его речевой картине мира. Выработанный личностью способ логико-смысловой конфигурации понятий обуславливает выбор того или иного значения из ряда диалектически родственных для дальнейшего воплощения собственных смыслов [Смирнов 2001]. В речевом общении происходят процессы не только взаимовлияния и взаимоизменения, но и интеграции явлений значения и смысла. В структуре слова как символа собственных сообщений личности «... одна составляющая касается речевых систем, а другая – ситуативных ассоциаций, которые составляют “динамическое смысловое целое”» [Ахутина 2016: 18].

Процессы становления смыслов личности, а также метакогнитивные механизмы образования динамических смысловых систем, логико-смысловой трансформации понятий как социально, так и личностно детерминированы. В процессе социализации на ранних этапах взросления человек становится носителем социально типичных способов формулирования смыслов. Дальнейшее развертывание смыслового содержания структур сознания интенцирует направленность его жизненной активности на конструирование и реализацию своих смысловых когниций [Калмыков 2016]. В процессе смыслообразования индивидум совершает избирательное познание социального мира. Личность, как активный, действующий его субъект, конструирует собственную «семантическую прослойку» жизненного опыта, которая включает смыслы разного уровня сложности. Именно поэтому смыслы являются не «следами» пассивного восприятия человеком явлений социума, а воплощают его субъективное, эмоционально окрашенное отношение к миру [Артемьева 2007].

В социальном взаимодействии человека механизм идентификации обеспечивает регуляцию процессов смыслообразования, а именно – его способность принимать смысловые ориентации, типичные для референтной группы. Однако в том случае, если индивидуальные и социальные смыслы имеют значительные различия, личность может как использовать механизм индукции смыслов (и, таким образом, нивелировать собственные смыслы), так и актуализировать процесс борьбы смыслов в процессе определения и дальнейшего отстаивания в социуме своей жизненной позиции [Леонтьев 2016]. Таким образом, индивидум занимает активную, преобразующую позицию по отношению к собственным смыслам. Определяя приоритет того или иного механизма смыслообразования (идентификации, индукции, борьбы смыслов и др.), он определяет динамику становления индивидуальных смыслов.

Средствами вербализации собственных смысловых конструктов в речевой деятельности личность утверждает собственное «Я». Она не только превращает собственное «бытие в возможности» в уже реальное, свершившееся существование в пространстве языкового бытия, но и задает дальнейшие векторы развития собственной картины мира [Владиминова 2019: 43]. Особенности выбора и структурирования коммуникантом своих сообщений, текстов отображают индивидуальные особенности становления его смысловых структур. Концепт смысла – это «ненаблюдаемая ментальная сущность». Следовательно, изучение феномена смысла, особенно эмпирическое, возможно посредством исследования этого явления в средствах его выражения, а именно – в речевой деятельности человека [Виноградов 2014: 158]. Именно текст сообщения представляет собой его вербализованный «... субстрат, на основе которого может реализовываться смысл, без соотнесения с которым смысла не существует» [Пешкова 2019: 107].

Направленность личности на реализацию собственной индивидуальности в условиях коммуникации обуславливает ее стремление не только выразить и транслировать собственные смысловые конструкты другим, но передать их наиболее точно. Подчеркивая высокую значимость изучения интерактивной стороны речевого общения человека, А.А. Нистратов и Е.Ф. Тарасов отметили, что речь «имеет статус действия...» и состоит из «слов – носителей смысла». В процессе речевого высказывания его автор влияет на адресанта сообщения, адресуя ему собственные смыслы [Нистратов, Тарасов 2017: 124]. Адресат сообщения осознает различия собственных смыслов и смыслов адресанта, которые интерпретируются при помощи одного и того же понятия. адре-

сат актуализирует тот смысл, который вкладывал в это сообщение адресант, однако влияние явления коммуникативного шума делает понимание этого смысла нечетким, диффузным [Селиванова 2012].

Нередко адресант стремится не только как можно точнее передать собственные смыслы, но и спрогнозировать ситуацию и повлиять на поведение адресата, подбирая для вербализации своих смыслов такие понятия, которые наиболее вероятно актуализируют у последнего желаемые смыслы. Адресат, в свою очередь, стремится расшифровать не только глубинные смыслы, но и скрытые намерения адресанта [Калмыкова, Волженцева, Харченко 2019].

Анализ психолингвистической литературы по проблеме исследования показал, что процессы становления, взаимодействия и взаимовлияния смысловых конструктов личности происходят в условиях коммуникации. Средствами речевого общения индивидуум трансформирует собственные смыслы в понятия и передает их другим коммуникантам. Адресат, расшифровывая воспринятые сообщения сквозь призму собственной индивидуальности, конструирует автономные личностные смыслы, которые, в свою очередь, обогащают его языковую картину мира и задают векторы дальнейшего развития личности. В процессе онтогенеза личность все больше занимает активную, преобразующую позицию по отношению как к созданию смыслов, так и к их распространению. Передавая свои смыслы другим коммуникантам, адресант стремится утвердить собственное «Я» в референтной группе, установить родство собственных смыслов смыслам других людей, повлиять на поведение адресатов.

В целом, в работах ученых уделяется значительное внимание проблемам становления, трансляции и трансформации смыслов личности в условиях коммуникации, а также изучению ее субъектной позиции по отношению к конструированию своих смыслов. Однако проведенное теоретическое исследование не выявило специальных работ, посвященных изучению тех смыслов, которые личность вкладывает в сами процессы своего общения. При этом специфика становления именно этих смысловых конструктов определяет избирательность организации человеком своего межличностного взаимодействия, а, следовательно, и влияет на особенности всех смысловых когний, становление которых происходит в условиях коммуникации. В возрастном аспекте проблема смысловых конструктов личности и их трансляции в ее речевом общении приобретает особое значение в юношеском возрасте. В ювенальном периоде жизненного пути человека, в условиях коммуникации и множественных идентификаций собственного «Я» со значимыми другими происходит приобретение идентичности, его личностное и профессиональное самоопределение [Van Hoof 1999; Kroger 2007]. Дальнейшее развитие потребности в эмоционально значимом, искреннем интимно-личностном общении приводит к активизации потребности юношей и девушек в переосмыслении своего опыта межличностного взаимодействия с ровесниками, проектирования этих отношений в дальнейшей жизненной перспективе [Помыткина 2013; Чернобровкина 2012]. Осознание и переживание необходимости реализации первых автономных жизненных выборов сопровождается возрастанием экзистенциальной тревожности и потребностью в эмоциональной поддержке значимыми другими [Кон 2005; Levesque 2011]. Все это определяет высокую значимость исследования смыслов коммуникации личности в юношеском возрасте.

Методы исследования

Для эмпирического исследования был использован метод направленного ассоциативного эксперимента. В экспериментальной работе приняли участие 113 юношей и девушек в возрасте от 17 до 21 года. Экспериментальное исследование было проведено на базе Национального педагогического университета имени М.П. Драгоманова и Перемышлянского государственного педагогического университета имени Г. Сковороды в 2020 г. Стимулом ассоциативного эксперимента стало выражение *смысл коммуникации*. Респондентам было предложено вербализировать все ассоциации, даже наиболее нелогичные, которые возникают у них с этим понятием. Каждый участник исследования предложил не менее одной ассоциации. Использование метода моделирования ассоциативного поля значительно расширило возможности проведения качественного анализа и выявления особенностей становления смысловых конструкторов исследуемого феномена.

Обсуждение результатов эмпирического исследования

По результатам исследования, на стимул **смысл коммуникации** юноши и девушки дали 247 реакций. Наиболее выраженными концептами исследуемого ассоциативного поля стали **общение, дружба** и **взаимопонимание**. Смысловое поле ассоциации **общение** (15 ассоциаций, ранг 1) составляли такие ассоциаты, как *искренность, честность, прямота, никто ничего не скрывает, отсутствие манипуляций, партнерство* и др. В отличие от предыдущих возрастных этапов, в которых индивидуум проявляет выраженную направленность на самовыражение, стремится быть в центре внимания ровесников, приобрести популярность как в реальной группе, так и в интернет-коммуникации, личность поздней юности переориентируется с количества социальных контактов на их качество. Молодые люди стремятся построить продолжительные во времени глубокие, лично значимые взаимоотношения. Как правило, они уже имеют опыт построения подобных взаимоотношений и разочарований в них, поэтому смыслом их общения с ровесниками становятся искренность, бескорыстие, отсутствие манипуляций во взаимоотношениях.

Контекстуально близким к феномену общения личности юношеского возраста является и концепт **дружба** (13 ассоциаций, ранг 2). **Дружбу**, в свою очередь, участники эксперимента интерпретировали как *верность, поддержку, готовность защищать мои интересы, помогать другу в любой жизненной ситуации, верить друг другу, уделять время*. В отличие от концепта **общение**, ассоциативное поле концепта **дружба** они пояснили при помощи преимущественно смыслов, отражающих деятельностную сторону взаимоотношений: стремления к взаимодействию, альтруизма, готовности жертвовать своими интересами ради друга.

Структура концепта **дружба** юношей и девушек включала и аспекты, которые отображают их понимание социальных ролей человека в отношениях дружбы, в частности, *поддерживать друг друга в компаниях, не портить друг другу настроение, говорить о друге только хорошее* и др.

Семантический конструктор **взаимопонимание** для респондентов также имеет высокую личностную значимость (11 ассоциаций, ранг 3). Молодые люди интерпретировали его преимущественно в контексте собственных неформальных взаимоотношений как *подтекст, внимательность, точность, смысл, правильность, уловить*. Анализ приведенных ассоциаций дает возможность констатировать, что они не только высоко

ценят искренность во взаимоотношениях, но и уже задумываются над скрытыми намерениями других коммуникантов, стремятся распознать манипулятивные влияния и избежать их. Респонденты прилагают специальные усилия для развития информативной стороны собственного речевого общения средствами анализа смыслов и сообщений адресантов в их взаимодействии. Они стремятся развивать собственные коммуникативные способности.

Для более детального анализа структуры семантического поля смысла коммуникации использован метод моделирования ассоциативного поля. Основные зоны исследуемого феномена были определены при помощи соответствующих критериев. Критерий целостности подразумевает, что содержание каждой зоны отображает специфику взаимодействия юношей и девушек в определенной области социального мира высокой личностной значимости. В процессе интеграции смысловых интенций каждой зоны, воплощающих конкретные социальные отношения личности, происходит становление обобщенной стратегии ее направленности в этом домене жизненного мира. Критерий специфичности предполагает наибольшее соответствие в языковом сознании человека всех смысловых единиц, составляющих содержание этой зоны, ее ядерному образованию, а также приоритетным ценностям и целям его жизнедеятельности в этой области социальных отношений. Критерий тождественности подразумевает свойство ассоциаций каждой зоны отображать ключевые приоритеты жизненной активности личности юношеского возраста в соответствующей области социального взаимодействия.

Выявленные в результате проведенного экспериментального исследования семантические зоны концепта 'Смысл коммуникации' представлены в Таблице 1.

Таблица №1

Семантические зоны концепта 'Смысл коммуникации' в языковом сознании личности юношеского возраста

№	Семантическая зона	Количество реакций респондентов
1	собственно межличностного взаимодействия	56
2	конструирования взаимоотношений	45
3	понимания и интерпретации сообщений собеседника	33
4	средств организации общения	28
5	учебно-профессиональной и профессиональной деятельности	24
6	самовыражения	21
7	эмоциональных реакций	16
8	самоорганизации собственной деятельности	15
9	ценностного отношения к Другому в процессе межличностного взаимодействия	10

Как видно из таблицы 1, наиболее развернутой оказалась **зона 1 – собственно межличностного взаимодействия**. Реакции участников эксперимента, размещенные в этой зоне, выявили их направленность на взаимодействие как самоцель, а не средство

реализации других потребностей или достижения других целей. В этой зоне (всего 56 реакций) были представлены такие простые ассоциации респондентов, как *общение* (15), *взаимодействие* (5), *информация* (5), *выговориться* (4), *искренность* (4), *честность* (3), *оратор* (2), *партнерство* (2), *уверенность* (2), *слушать* (2), *слышать* (1), *прямота* (1), *отвлечься* (1); вербальные реакции развертывания: *хороший собеседник* (2), *мастер коммуникации* (1), *коммуникативные умения* (1), *понимание потребностей других* (1), а также реакции-дефиниции, а именно: *иметь с кем поговорить* (1), *поделиться новостями, впечатлениями* (1), *уютно общаться обо всем на свете, никто ничего не скрывает* (1), *отсутствие манипуляций* (1).

Как видно из приведенных высказываний, семантическое поле этой зоны отображает высокую значимость для молодых людей информационных аспектов коммуникации, а также их направленность на развитие собственных коммуникативных компетентностей. В поздней юности реализация стремления личности к самоутверждению, самовыражению, точной передаче содержания своего мнения другим людям определяет стремление к развитию собственных коммуникативных, ораторских способностей. Этим объясняется высокий интерес современной молодежи к участию в разнообразных коммуникативных тренингах, вебинарах, изучению книг-бестселлеров по развитию коммуникативного мастерства. Становление коммуникативных умений в поздней юности достигает уровня метакогнитивных явлений, который характеризуется направленностью молодых людей на изучение собственных механизмов межличностного взаимодействия и их совершенствования.

Содержание **зоны 2 – конструирования взаимоотношений** (45 реакций) составляли преимущественно простые высказывания: *дружба* (13), *доверие* (5), *поддержка* (5), *взаимоотношения* (5), *верность* (5), *партнер* (2), *страсть* (1), а также некоторые сложные вербальные реакции, в том числе: *взаимная поддержка* (2), *готовность защищать мои интересы* (2), *быть услышанным* (1), *уделять время* (1), *помогать другу в любой жизненной ситуации* (1), *возможность положиться на другого человека* (1), *верить друг другу* (1).

Среди приведенных высказываний почти отсутствовали реакции, отражающие специфику романтических взаимоотношений юношей и девушек. Очевидно, молодые люди имеют более длительный опыт конструирования отношений дружбы, чем любви. Поэтому они более четко и реалистично осознают содержание взаимоотношений дружбы, более определенно прогнозируют дальнейшее развитие этих отношений и осуществляют целенаправленную организацию деятельностных аспектов дружбы, а не фиксируются преимущественно на ее эмоциональных составляющих.

Диалектически родственной отмеченным выше зонам является **зона 3 – понимания и интерпретации сообщений собеседника** (33 реакции). Простыми реакциями, презентуемыми респондентами в этой зоне, стали *взаимопонимание* (11), *внимательность* (4), *подтекст* (4), *смысл* (2), *понимание* (1), *точность* (1), *правильность* (1), *уловить* (1), а также такие более сложные реакции развертывания, как *правильное понимание* (1), *точное осознание* (1), *понятно все сообщение* (1) и некоторые реакции-дефиниции: *понимать, чего от меня хотят* (1), *понимать, зачем мне это говорят* (1), *понять, что это значит для меня* (1), *найти собственные смыслы* (1), *найти важное для себя* (1).

Анализ приведенных респондентами вербальных реакций дает возможность констатировать, что им важно установить правильность понимания смыслов и намере-

ний коммуникантов. Точность понимания и дальнейшей передачи сообщений является важным условием целенаправленной организации респондентами собственных сообщений. При этом анализ содержания их сложных реакций показал, что юноши и девушки ориентируются как на текст, так и на подтекст сообщений адресантов, стремятся понимать скрытые смыслы других людей и достигать собственных целей в общении с ними.

Специфической для современной молодежи является и новая семантическая зона концепта ‘Смысл коммуникации’: **зона 4 – средств организации общения**. Содержание этой зоны (28 реакций) включало исключительно простые вербальные реакции, а именно *смс* (5), *фейсбук* (4), *мобильный* (4), *чат* (3), *онлайн* (2), *телефон* (1), *вайбер* (1), *свобода* (1), *сайт* (1), *инстаграмм* (1), *телеграмм* (1), *ватсап* (1), *www* (1), *другое бытие* (1), *вирт* (1), *перевоплощение* (1).

Вербальные реакции, которые раскрывают содержание этой зоны, не только свидетельствуют об эффективности современных информационно-коммуникативных технологий, но и ярко демонстрируют привлекательность для молодежи общения средствами электронных устройств как специфического вида межличностного взаимодействия. Стремление молодых людей к такому общению определяется его безопасностью, анонимностью, чрезвычайно широкими возможностями для самораскрытия и самопрезентации, выбора партнеров, контекста и содержания общения.

Высокую значимость для личности возраста поздней юности имеет учебно-профессиональная и дальнейшая профессиональная деятельность, а также возможности проектирования успешной карьеры. Хотя концепты ‘Смысл коммуникации’ и ‘Смысл профессионализации’ как психологические явления не слишком тесно взаимосвязаны, однако именно высокая субъективная значимость конструирования профессиональных составляющих собственного жизненного пути для молодых людей, вероятно, и стала причиной конструирования ими в структуре смысла коммуникации семантического поля **зоны 5 – учебно-профессиональной и профессиональной деятельности** (24 реакции). Ассоциации, которые образуют эту зону, были как простыми (*учеба* (3), *работа* (3), *трудоустройство* (3), *профессионализм* (2), *университет* (2), *готовность* (1), *компетентность* (1), *мастерство* (1), *ловкость* (1), *познание* (1), *опыт* (1), *пары* (1), так и сложными, а именно: *зарабатывать деньги* (3), *гарантированная работа* (1), *широкие возможности трудоустройства* (1).

Содержание семантического поля этой зоны выявило направленность респондентов в процессе профессиональной подготовки на формирование своих профессиональных компетентностей как средство дальнейшего успешного трудоустройства и повышения материального благополучия. Реакции, которые отображают направленность на реализацию культурных, социальных и других неформальных возможностей студентов в процессе профессионального образования, у участников эксперимента отсутствовали.

В отличие от предыдущих зон, содержание **зоны 6 – самовыражения** (21 реакция) у респондентов включало преимущественно сложные конструкты. Такими ассоциациями стали дефиниции: *проявить себя* (3), *быть в центре внимания* (3), *получать уважение от других* (2), *рассказать о достижении* (1), *научить других* (1), *быть высоко оцененным другими* (1), *быть понятым* (1), *показать себя миру* (1), *признание другими моих достижений* (1), *показать мою индивидуальность другим* (1).

Простых реакций было выявлено значительно меньше (6), а именно: *лидерство* (3), *самовыражение* (1), *самораскрытие* (1), *самоосуществление* (1).

Субъективная значимость для респондентов той или иной зоны исследуемого явления определяется не только количеством приведенных ассоциаций, но и соотношением простых и сложных реакций. Значительное количество сложных вербальных конструктов в зоне 6 свидетельствует о сильном и устойчивом стремлении юношей и девушек к признанию другими как их личностного потенциала, так и уже имеющихся достижений, а также усилий, прилагаемых ими для реализации жизненных целей.

О личностной значимости эмоциональных аспектов смысла речевого общения для юношей и девушек свидетельствуют ассоциации **зоны 7 – эмоциональных реакций** (16 высказываний). Содержание семантического поля этой зоны составляют преимущественно простые реакции: *любопытство* (7), *хайп* (1), *удовольствие* (2), *эмоции* (1), *радость* (1), *переживание* (1), *небезразличие* (1), *обеспокоенность* (1), а также некоторые сложные, а именно: *приятное событие* (1), *вместе весело* (1), *снять стресс* (1).

Приведенные высказывания отображают ожидание респондентами исключительно позитивных эмоций и интересного содержания межличностного взаимодействия. При этом смыслы собственного взаимодействия они рассматривают преимущественно в неформальных взаимоотношениях с ровесниками. Однако такое сужение рамок смысла взаимодействия значительно ограничивает возможности молодежи для осмысления собственных взаимоотношений с коммуникантами других возрастных групп, а также развития умений конструирования смыслов коммуникации в эмоционально сложных, конфликтных ситуациях, что, в свою очередь, способствовало бы повышению их жизнестойкости.

Анализ семантического поля **зоны 8 – самоорганизации собственной деятельности** (15 реакций) выявил направленность юношей и девушек в межличностном взаимодействии на достижение своих целей, планирование желаемого будущего и реализацию этих планов. Среди простых высказываний респонденты отмечали *цели* (1), *будущее* (1), *планы* (1), *ориентиры* (1), *стремление* (1), *эффективность* (1), *самоуправление* (1), *тайм-менеджмент* (1). Сложными реакциями стали такие высказывания, как: *знать, как все успевать* (1), *уметь влиять* (1), *брать пример* (1), *извлекать уроки* (1), *делать выводы для себя* (1), *владеть собой и обстоятельствами* (1).

Отмеченные реакции свидетельствуют о желании молодых людей эффективно управлять своей жизнью. Эти стремления являются еще недостаточно конкретизированными, поскольку их вербальные реакции являются преимущественно простыми, абстрактными по содержанию.

Наиболее узким, по результатам проведенного исследования, стало содержание **зоны 9 – ценностного отношения к Другому в процессе межличностного взаимодействия**. Коммуникативное поле этой зоны составили следующие 10 реакций: *беспокоиться* (1), *заботиться* (1), *помогать* (1), *переживать за другого* (1), *способствовать* (1), *поддерживать* (1), *ценить момент* (1), *творить добро* (1), *проявлять человечность* (1), *беспокоиться не только о себе* (1).

Содержание этой зоны дает возможность констатировать наличие альтруистичных смыслов в процессе коммуникации юношей и девушек, их направленность на развитие и благополучие других людей. Авторами таких высказываний были отдельные респонденты, которые, по их собственным словам, в последнее время пережили эмоционально напряженные неблагоприятные жизненные ситуации, которые «учат ценить жизнь».

Анализ и обобщение результатов проведенного ассоциативного эксперимента дают возможность констатировать, что в поздней юности личность уже приобретает способ-

ность создавать собственный нарратив средствами анализа и творческого реконструирования широкого поля социальных смыслов. Все респонденты интерпретировали выявленные смыслы коммуникации как лично значимые в контексте своей жизни. В структуре семантического поля исследуемого феномена наиболее широко представлены вербальные реакции молодых людей, которые воплощают их направленность на саморазвитие умений эффективной коммуникации, точного понимания смыслов коммуникантов, а также стремление к взаимодействию в контексте преимущественно неформальных взаимоотношений дружбы с ровесниками в настоящем времени жизни.

Отдельной составляющей семантического поля исследуемого концепта у юношей и девушек стали смыслы взаимоотношений в учебно-профессиональной и профессиональной деятельности. Реакции респондентов в этом ассоциативном поле выявили их стремление к эффективному использованию возможностей профессиональной коммуникации в настоящем для реализации перспективных смыслов конструирования своей карьеры.

Личностно значимыми для участников эксперимента стали и эмоциональные составляющие смысла межличностного взаимодействия. Они стремятся переживать позитивные эмоции радости, удовольствия, интереса в своих взаимоотношениях.

Менее выраженными составляющими этого семантического поля, которые только начинают формироваться у молодых людей, являются зоны смыслов самоорганизации собственной деятельности и ценностного отношения к другому в межличностном взаимодействии.

Выводы

Проведенный анализ результатов эмпирического исследования смыслов коммуникации личности в поздней юности дал возможность констатировать, что ассоциативное поле этого концепта является широким. Наиболее выраженной в нем является зона собственно межличностного взаимодействия. Содержание этой зоны отображает направленность молодых людей на общение как самоцель, что, в свою очередь, может свидетельствовать о концентрации их жизненной активности в настоящем времени и недостаточности становления жизненной перспективы. Ассоциаты, отображающие перспективные смыслы направленности юношей и девушек в будущее, представлены респондентами только в зоне учебно-профессионального и профессионального общения, которая является лишь пятой по количеству представленных ассоциаций.

Исследование содержания приоритетной зоны конструирования взаимоотношений, а также зоны понимания и интерпретации сообщений собеседника дало возможность выявить направленность молодых людей на реализацию смыслов глубоких, искренних, эмоционально значимых отношений. При этом респонденты осознают, что смыслы общения других коммуникантов могут быть иными и поэтому прилагают усилия для развития своих коммуникативно-аналитических умений распознавать скрытые смыслы и намерения коммуникантов. Высокую значимость для респондентов имеет и зона организации средств общения, содержание которой выявило их направленность на виртуальное общение как специфический вид взаимодействия. Однако приоритетным для юношей и девушек остается непосредственное речевое общение. Стремление молодых людей к самоопределению и самоутверждению в референтной группе как новообразование юности обуславливает становление у них ассоциативной зоны самовыражения. В отличие от других зон, содержание этой зоны представлено преи-

мущественно сложными ассоциациями, что дает возможность констатировать субъективную сложность и высокую личностную значимость смысловых конструкторов, представленных в этой зоне.

Генерализированный процесс поиска личностью смысла своей жизни в поздней юности конкретизируется на уровне альтруистических смысло-жизненных ориентаций, представленных в зоне ценностного отношения к Другому. Выявление этих смыслов дает возможность констатировать стремление молодых людей прилагать собственные усилия для повышения благополучия других. Процессы осмысливания и дальнейшего структурирования респондентами жизненного пути в пространственно-временном континууме способствуют развитию их метакогнитивных умений субъектной организации своей жизнедеятельности. Такие стремления участники эксперимента обозначили при помощи смысловых конструкторов в зоне организации собственной жизнедеятельности. Однако содержание этих ассоциативных зон представлено небольшим количеством преимущественно простых ассоциаций, что свидетельствует об открытости и незавершенности становления соответствующих сегментов ассоциативного поля концепта ‘Смысл коммуникации’.

Литература

- Артемьева Е.Ю.* Психология субъективной семантики. М.: ЛКИ, 2007. 136 с.
- Ахутина Т.В.* Смысл, смысловое поле и модель ситуации текста // Психолінгвістика. 2016. № 20 (1). С. 15-26.
- Виноградов С.Н.* К онтологии и описанию смысла текста // Вопросы психолінгвістики. 2014. № 2(20). С. 153–162.
- Владимирова Т.Е.* Экзистенциальная картина бытия как актуальная исследовательская парадигма // Вопросы психолінгвістики. 2019. №2 (40). С. 41–53.
- Выготский Л.С.* Мышление и речь. Избранные психологические исследования. М.: Изд. Академии педагогических наук РСФСР, 1956. 388 с.
- Зинченко В.П.* Работа понимания // Психологическая наука и образование. 1997. № 3. С. 42–52.
- Калмиков Г.В.* (2018). Мовленнєва особистість психолога // Психолінгвістика. 2015. № 18(1). С. 38–49.
- Калмикова Л.О., Волженцева І.В., Харченко Н.В.* Без мотиву не буває цілеспрямованої мовленнєвої активності: своєрідність дитячих монологічних висловлювань // Психолінгвістика. 2019. № 25(1). С. 107–146.
- Кон И.С.* Дружба. 4-е изд. СПб.: Питер, 2005. 330 с.
- Леонтьев Д.А.* Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. М.: Смысл, 2003. 487 с.
- Нистратов А.А., Тарасов Е.Ф.* Психосемантический эксперимент как инструмент анализа смысла и значения слова // Вопросы психолінгвістики. 2017. №2 (32). С. 124–134.
- Пешкова Н.П.* Об интерпретативности как способе воплощения смысла текста // Вопросы психолінгвістики. 2019. №4 (42). С. 106–118.
- Помиткіна Л.В.* Психологія прийняття особистістю стратегічних життєвих рішень: монографія. К.: Кафедра, 2013. 381 с.
- Селіванова О.О.* Світ свідомості в мові. Мир сознания в языке: Монографічне видання. Черкаси: Ю. Чабаненко, 2012. 488 с.

Смирнов А.В. Логика смысла. Теория и ее приложение к анализу классической арабской философии и культуры. М.: Языки славянской культуры, 2001. 504 с.

Чернобровкіна В.А. Психологія особистісної свободи: монографія. Луганськ: Вид-во ДЗ “ЛУ імені Тараса Шевченка”, 2012. 458 с.

Kroger, J. (2007) *Identity Development during Adolescence*. California: Sage Publications.

Levesque, R.J.R. (2011) *Encyclopedia of adolescence*. New York: Springer Science+Business Media.

Van Hoof, A. (1999) The identity status field re-reviewed: An update of unresolved and neglected issues with a view on some alternative approaches // *Developmental Review*. 1999. Vol. 19. P. 497–556.

PSYCHOLINGUISTIC ANALYSIS OF THE CONCEPT ‘THE SENSE OF COMMUNICATION’

Olga M. Grinova

Doctor of Psychology,
Associate Professor

Department of Theoretical and Counseling Psychology
Faculty of Psychology

Dragomanov National Pedagogical University
20, Saratovskaya str., Kyiv, Ukraine, 04111

olga_grinova@rambler.ru

The article is dedicated to studying the psycholinguistic aspects of the phenomenon of sense in verbal communication. The theoretical analysis of psycholinguistics patterns regarding the subject of the research has allowed for revealing the peculiarities of transforming certain senses into notions by an individual in the course of communication. In verbal communication, the updates of identification, induction, and reflexive evaluation mechanisms of the communicants' senses provide for the processes of constructing the addressee's own notional structures along with their further embedment into the linguistic world picture. The addresser, being an active subject of sensemaking, constructs his own messages for the most accurate sense transmission to the addressee, to organize the joint activity and affect the behavior. The purpose of the experimental research was to identify the peculiarities of the senses of communication in adolescent individuals. The most prominent associations of the concept under research have become *communication, friendship, mutual understanding, trust, interests*. The analysis of the associative field has demonstrated that the respondents view the sense of their own communication mainly in the emotionally close relationship with their agemates. The foreground values in building such relationship are honesty, partnership, a possibility to trust another person, to rely on his/her help when facing hardships. In life-long transpective, the respondents predominantly project the senses of communication in the present time. The senses prolonged into the future are observed only in the association area of the professional academic and professional communication, the formation of which is open and has not been finalized. The priority areas of the semantic field of the concept under research are as follows: **the area of the interpersonal interaction proper, the relationship design**

area, and the area of understanding and interpreting the interlocutor’s messages. The specifics of the development of a contemporary personality in late years of adolescence is represented by the contents of the association areas of self-expression, self-management of one’s own activity, and the communication organization means.

Keywords: sense, meaning, notice, verbal communication, verbal consciousness, communication, identification, personality, youth age, associative area

References

- Artem’eva E.Ju.* Psihologija sub’ktivnoj semantiki [Psychology of Subjective Semantics]. M.: LKI, 2007. 136 p. (In Russian).
- Ahutina T.V.* Smysl, smyslovoe pole i model’ situacii teksta [Sense, semantic field and the model of text situation] // Psiholingvistika [Psycholinguistics]. 2016. Issue 20 (1). P. 15–26 (In Russian).
- Vinogradov S.N.* K ontologii i opisaniju smysla teksta [On ontology and description of text sense] // Voprosy psiholingvistiki [Journal of Psycholinguistics]. 2014. Issue 2(20). P. 153–162 (in Russian).
- Vladimirova T.E.* Jekzistencial’naja kartina bytija kak aktual’naja issledovatel’skaja paradigma [Existential picture of being as an actual research paradigm] // Voprosy psiholingvistiki [Journal of Psycholinguistics]. 2019. Issue 2(40). P. 41–53 (in Russian).
- Vygotskij L.S.* Myshlenie i rech’. Izbrannye psihologicheskie issledovanija [Thinking and Speech. The collected works]. M.: Izdatel’stvo Akademii pedagogicheskikh nauk RSFSR, 1956. 388 p. (In Russian).
- Zinchenko V.P.* Rabota ponimanija [Work of understanding] // Psihologicheskaja nauka i obrazovanie [Psychological Science and Education]. 1997. Issue 3. P. 42–52 (in Russian).
- Kalmykov H.V.* (2018). Movlennieva osobystist psykholooha [Vocal Personality of a Psychologist] // Psykholinhvistyka [Psycholinguistics]. 2015. Issue 18(1). P. 38–49 (In Ukrainian).
- Kalmykova L.O., Volzhentseva I.V., Kharchenko N.V.* (2019) Bez motyvu ne buvaie tsilespriamovanoi movlennievoi aktyvnosti: svoieridnist dytiachykh monolohichnykh vyslovliuvan [There is no target oriented speaking activity without motivation: peculiarities of children’s monologues expressions] // Psykholinhvistyka [Psycholinguistics]. 2019. Issue 25(1). P. 107–146 (In Ukrainian).
- Kon I.S.* Druzhiba [Friendship]. 4–e izd. SPb.: Piter, 2005. 330 p. (in Russian).
- Leont’ev D.A.* Psihologija smysla: priroda, stroenie i dinamika smyslovoj real’nosti [Psychology of sense: nature, structure, and dynamics of sense reality]. M.: Smysl, 2003. 487 p. (In Russian).
- Nistratov A.A., Tarasov E.F.* Psihosemanticheskij jeksperiment kak instrument analiza smysla i znachenija slova [The psychosemantic experiment as a tool to analyze the meaning and sense of a word] // Voprosy psiholingvistiki [Journal of Psycholinguistics]. 2017. Issue 2(32). P. 124–134 (In Russian).
- Peshkova N.P.* Ob interpretativnosti kak sposobe voploshhenija smysla teksta [Interpretiveness as a means of text sense implementation] // Voprosy psiholingvistiki [Journal of Psycholinguistics]. 2019. Issue 4(42). P. 106–118 (In Russian).
- Pomytkina L.V.* (2013) Psykholoohiia pryiniattia osobystistiu stratehichnykh zhyttievnykh rishen: monohrafiia [Psychology of Personality Making Strategic Life Decisions: Monograph]. K.: Kafedra, 2013. 381 p. (In Ukrainian).

Selivanova O.O. (2012) *Svit svidomosti v movi. Myr soznanyia v yazike: Monohrafichne vydannia* [World of Consciousness in Language: monograph]. Cherkasy: Yu. Chabanenko, 2012. 488 p. (In Ukrainian).

Smirnov A.V. *Logika smysla. Teorija i ee prilozhenie k analizu klassicheskoi arabskoi filosofii i kul'tury* [Logic of Sense: Theory and its Application in the Analysis of Classical Arabic Philosophy and Culture]. M.: Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2001. 504 p. (In Russian).

Chernobrovkina V.A. (2012) *Psykhologhiiia osobystisnoi svobody: monohrafiia* [Psychology of Personal Freedom: monograph]. Luhansk: Vyd-vo DZ "LU imeni Tarasa Shevchenka", 2012. 458 p. (In Ukrainian).

Kroger, J. (2007) *Identity Development during Adolescence*. California: Sage Publications.

Levesque, R.J.R. (2011) *Encyclopedia of adolescence*. New York: Springer Science+Business Media.

Van Hoof, A. (1999) The identity status field re-reviewed: An update of unresolved and neglected issues with a view on some alternative approaches // *Developmental Review*. 1999. Vol. 19. P. 497–556.

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ФРАГМЕНТОВ КАРТИНЫ МИРА КИТАЙЦЕВ

Дубкова Ольга Владимировна

кандидат филологических наук, доцент, профессор Сианьского университета иностранных языков, Институт русского языка, иностранный специалист, Сианьский университет иностранных языков, Сиань, КНР
710128, КНР, пров. Шэньси, г. Сиань, р-н Чанъаньцзюй, Сианьская экономическая зона развития образования, науки, техники и промышленности «Году», ул. Вэньюаньнаньлу, 1
linuan12@mail.ru

В настоящее время фрагменты картины мира китайцев изучаются на основе разработанных московской психолингвистической школой теоретических и практических исследований. В российской и китайской психолингвистике накоплен достаточный материал для определения основных преимуществ свободного ассоциативного эксперимента (САЭ). Очевидны и проблемы выделения слов-стимулов и интерпретации реакций, отражающих китайскую картину мира. САЭ позволяет определить глубинные ментальные связи фонетического и графического облика китайского слова, которое представлено отличными от русского языка графемами, имеющими собственное лексическое значение и дополнительное «графическое» значение. Трудности изучения языков разного типологического строя связаны с проблемами составления словника слов-стимулов и возможностью многозначной интерпретации реакций реципиентов-китайцев, отражающих образы китайского сознания. В силу этого недопустимо переносить «овеществление» фрагментов картины мира русских на фрагменты картины мира китайцев. При составлении словника слов-стимулов следует учитывать структурные и грамматические особенности китайского слова, структуру китайских иероглифов и их происхождение, их частотность в речи носителей языка и т.д. Для интерпретации реакций САЭ помимо двуязычных словарей целесообразно использовать различные словари китайского языка, включая этимологические. На основе сложившейся традиции анализа результатов САЭ типологизируются реакции носителей китайского языка, что позволяет установить динамику картины мира китайцев.

Ключевые слова: свободный ассоциативный эксперимент, картина мира китайцев, иероглиф, стимул, реакция, образ сознания, типологизация реакций

Введение

В последние два десятилетия в отечественной и зарубежной синологии особое внимание уделяется изучению национальной (этнической) картины мира, выявлению и определению ее особенностей у китайцев, а также изменений в картине мира, связанных, с одной стороны, с тенденцией глобализации, а с другой, – со стремлением сохранить самобытность китайского этноса. В условиях, когда государство одновременно стремится войти в мировое сообщество и борется за воплощение китайской мечты о великом возрождении китайской нации, особенно важно установить содержательную специфику и особенности функционирования базовых культурных концептов (этниче-

ских ценностей), характер и направление их изменений и взаимодействия универсального и национально специфичного в их содержании.

Исследования картины мира китайцев

Картина мира китайцев уже неоднократно являлась предметом психолингвистических исследований. Отметим, что в изучении языковой картины мира китайцев обычно используется свободный ассоциативный эксперимент. Как отмечает Н.В. Уфимцева, «... с помощью ассоциативного эксперимента можно выявить ... системность тех знаний, которые та или иная культура транслирует всем своим членам через значение (в психологическом смысле)» [Уфимцева 2003: 109]. Благодаря такому подходу в настоящее время значительные результаты достигнуты в изучении китайской картины мира, которые отражаются в статьях и диссертационных исследованиях российских и китайских авторов на русском и китайском языках. К таким исследованиям относятся работы Ван Биндуна [Ван Биндун 2004], Ван Чжэ [Ван Чжэ 2012], Чжао Цюе [Чжао Цюе 2012, 2013], Е.В. Тихоновой [Тихонова 2013, 2014], Л.Б. Кацюбы, Ван Лимина [Кацюба, Лимин 2015], Чжао Кунь [赵坤 2015], Хуан Тяньдэ [Хуан Тяндэ 2015, 2016], Ян Си [Ян Си 2016], Чжан Я [Чжан Я 2016], Чжао Айго [赵爱国 2016], И.А. Арсеньевой и Л.В. Тимашовой [Арсеньева, Тимашова 2017], Гао Лиянь [高丽彦 2017], Ли Сяотун [李晓彤 2017], Яо Чжипэна [Яо Чжипэн 2018, 2019], Е.В. Голубевой [Голубева 2018], Н.В. Кольцовой, Н.Л. Чулкиной [Кольцова, Чулкина 2018], Е.В. Харченко, Цзинь Чжи [Харченко, Цзинь Чжи 2018], Ян Мин, Чжан Чжицзюнь [杨茗 2016], [张志军, 杨茗 2018], Чжан Цзиньчао, Чэнь Дунгуй [张金桥, 陈冬桂 2018], Гао Гоцуй и Чжоу Яньянь [高国翠, 周言艳 2019], Пэй Цайся [Пэй Цайся 2019] и др. Данные исследования, если говорить словами А.А. Залевской, позволяют «... строить гипотезы о тех или иных стратегиях и опорах, обеспечивающих выход на образ мира, и о наиболее «рельефных» для определенных категорий носителей языка и культуры эмоционально-оценочных переживаниях» [Залевская 2007: 11].

Наличие опыта и результатов психолингвистических исследований картины мира китайцев, на наш взгляд, уже дает возможность анализировать и сопоставлять результаты, полученные носителями языков разного типологического строя. Целесообразно привести некоторые выводы и замечания, сделанные Хуан Тяньдэ по результатам анализа психолингвистических исследований в Китае. Автор отмечает, что в Китае психолингвистические исследования опираются на теоретическую основу российской (московской) психолингвистической школы, однако небольшое количество исследователей и публикаций, недостаток совместных российско-китайских работ или взаимного изучения результатов не позволяет в полной мере осуществлять контрастные исследования русского и китайского языков [Хуан Тяньдэ 2019: 119]. Действительно, исследование научного контекста проблемы обнаруживает недостаточное количество работ по изучению сущностных характеристик картины мира китайцев. Кроме того, фундаментальных среди них практически нет: все они повторяют методики русскоязычных исследований и серьезно не акцентируют внимания на проблемы, возникающие в связи с разной типологией языков и несопоставимостью лексем-стимулов.

Н.В. Уфимцева считает, что «...подход с позиций московской психолингвистической школы предполагает исследование прежде всего содержания ценностей, т.е. общественно выработанных значений, и их отражения в обыденном сознании носителя языка / культуры» [Уфимцева 2017: 116]. В силу этого необходимо, с одной стороны, акцентировать внимание на исследовании базовых ценностей китайцев и на их интер-

претацию в соответствии с методами исследования, разработанными московской психолингвистической школой; с другой стороны, определить существующие трудности и противоречия, связанные с анализом языка иного типологического строя.

Преимущества САЭ для изучения картины мира китайцев

С одной стороны, преимущества свободного ассоциативного эксперимента очевидны:

1. Время, отводимое на ассоциирование, строго ограничено, что исключает возможность обдумывания и отбор ответов и позволяет говорить о непосредственности реакции и ее способности «... вскрыть объективно существующие в психике носителя языка семантические связи слов» [Славянский ассоциативный словарь 2004: 4], что очень важно для установления психологически актуального содержания картины мира. Таким образом, САЭ дает возможность исследовать глубинные уровни сознания китайцев и изменения картины мира в диахронии.

2. В условиях САЭ практически устраняется влияние «группового» мышления, экспериментатор получает индивидуальные реакции, позволяющие дифференцированно подходить к достижению поставленной в эксперименте цели, что особенно важно для характеристики китайской картины мира, существенно детерминированной иероглифической системой ее репрезентации.

3. САЭ позволяет обнаруживать глубинные ментальные связи фонетического и графического облика китайского слова и, хотя бы отчасти, исключить влияние особенностей китайского письменного текста, который строится по традиционной китайской модели, восходящей к письменному языку 文言 / вэньян.

4. САЭ выявляет операциональные (автоматические, неосознаваемые) связи между стимулом и реакцией, что позволяет установить действительные, психологически актуальные для индивида ассоциативные связи компонентов ассоциативно-вербальной цепи и, в свою очередь, установить «... умственные и чувственные знания, которыми обладает конкретный этнос» [Славянский ассоциативный словарь 2004: 5].

С другой стороны, очевидны проблемы, возникающие в процессе подготовки к САЭ при создании словника, а также при анализе результатов ассоциативного эксперимента. Мы полагаем, что картина мира китайцев имеет ряд особенностей, связанных с использованием языка иного типологического строя, который воплощается непривычным для европейских языков способом. В данном случае считаем целесообразным отметить, что слова-стимулы и слова-реакции представлены иероглифами, письменными знаками, которые не только имеют собственное лексическое значение, но и дополнительное «графическое» значение, содержащееся в самой структуре иероглифа. В силу этого возникает ряд проблем, связанных с отбором слов-стимулов, интерпретацией реакций и типологизацией полученных результатов.

Проблемы использования САЭ при изучении картины мира китайцев

Среди основных проблем использования САЭ в современных психолингвистических исследованиях картины мира китайцев целесообразно отметить следующее:

1. Свободный ассоциативный эксперимент проводится обычно в студенческой аудитории, которая, как правило, изучает один или несколько иностранных языков и подвергается воздействию различных культур через СМИ и Интернет, что влияет на результаты эксперимента. Так, наличие в реакциях на слово-стимул 命运 / судьба 17 реакций, не характерных для китайской культуры (*Бетховен, Потомки солнца, корейская драма* и др.) связывается авторами с влиянием «иной культуры» и оценивается

отрицательно [张志军, 杨茗 2018]. Однако вопрос о том, насколько возможно избежать указанного влияния и не могут ли реакции подобного типа, напротив, помочь в ответе на вопрос о сохранении национальной идентичности и влиянии глобализации, остается открытым.

2. При составлении словника не учитывается структура китайского слова. В проанализированных нами исследованиях на русском и китайском языках для ассоциативного эксперимента используются двух- и трехкомпонентные сложные слова или словосочетания из трех и более компонентов. Представленные в исследованиях реакции показывают, что респонденты могут реагировать на каждый компонент слова-стимула, а не на слово в целом, и это необходимо учитывать на предварительном этапе анализа ассоциатов. Например, по результатам САЭ, проводимого Яо Чжипэном, в ассоциативное поле стимула 礼貌(的) / **вежливый** входят слова 礼节 / *этикет*, 敬礼 / *уважение*, 文明 / *культура, цивилизация*, 善心 / *милосердие* и т.д. [Яо Чжипэн 2019: 83]. Понятно, что слово *вежливый* в китайском языке является производным; предложенное для эксперимента слово состоит из трех компонентов: 礼 [lǐ] / *этикет, вежливость, правила приличия, культура* и т.д., 貌 [mào] / *облик, внешний вид, наружность* и др. и 的 [de] (грамматический показатель). Представленные автором реакции, скорее всего, свидетельствуют о наличии связей с первым иероглифом. Для решения данной проблемы, чтобы свести к минимуму влияние на результаты САЭ одного из компонентов слова-стимула, представляющего собой сложное слово, на наш взгляд, слова-стимулы должны состоять из близких по семантике иероглифических знаков.

3. Проблема отбора вербальных стимулов для эксперимента – одна из самых сложных. Особенно это актуально для китайско-русских и русско-китайских сопоставительных исследований. Слово-стимул, как правило, переводится при помощи двуязычных словарей, при этом не учитывается степень адекватности / эквивалентности перевода и актуальность слова для носителей языка. Например, Хуан Тяньдэ, анализируя образ 自己的 / *свой* в языковом сознании современных китайских и русских студентов [Хуан Тяньдэ 2016], предполагает, что данные понятия являются эквивалентными, однако помимо представленного в эксперименте китайского слова 自己的 для обозначения ‘своего’, отличного от ‘чужого’, в китайском языке используются слова 亲自, 个人的 и др. Согласно анализу словарей китайского языка, понятие ‘свой’ передается иероглифом 自, который восходит к пиктограмме ‘нос’ [繁体字网http]. Таким образом, вероятно, следует проанализировать лексические единицы китайского языка, имеющие значение, сопоставимое со словом *свой*, и объяснить выбор слова 自己的 в качестве эквивалента русскому значению лексемы *свой*. Кроме того, автором проводится сопоставительное исследование образа 敌人 / *враг* в русском и китайском языке, при этом изначально предполагается, что данные образы сопоставимы в китайской и русской лингвокультурах и связаны с определенными классификационными культурно-когнитивными признаками [Хуан Тяньдэ 2015]. Целесообразно отметить, что слово *враг* в китайском языке состоит из двух иероглифов: 敌 [dì] / *враг, неприятель, противник* и 人 [rén] / *человек*. При этом иероглиф 敌 является синтетической идеограммой, образованной от двух иероглифов, изображающих ‘язык’ и ‘руку с палкой’. Возможно, по мнению древних китайцев, опасность может возникнуть как в результате словесного воздействия, так и при использовании оружия [繁体字网 http]. Понятно, что большое количество реакций респондентов связано именно с компонентом ‘человек’ в составе слова-стимула 敌人 (友人, 坏人, 好人, 朋友, 战友), а также с фреймом ‘война’: 打败 /

победить, 打倒 / свергнуть, 消灭 / истребить, 战场 / поле сражения, 斗争 / борьба и т.д. (примеры и их перевод цитируются по работе Хуан Тяньдэ) [Хуан Тяньдэ 2015: 241–243]. Мы полагаем, что исследования исходного слова не должны ограничиваться переводческой деятельностью, необходимо использовать все существующие варианты перевода слова в двуязычных словарях, задействовать различные типы одноязычных словарей, включая словари синонимов и антонимов, а также различные методы экспериментальных исследований, такие как, шкалирование, для выявления актуальности выбранной лексической единицы для носителей китайского языка.

4. В сопоставительных исследованиях возникает и проблема соотносимости частеречных характеристик стимулов, неоднократно актуализированная в ряде русскоязычных статей (см., например, исследования В.А. Пищальниковой, Л.В. Сахарного, Н.И. Степыкина и др.). Так, отмечается, что в настоящее время «... не вполне ясно, до какой степени влияет на выбор реакций конкретная грамматическая форма стимула» [Гольдин, Сдобнова 2014: 63]. В экспериментах с китайскими респондентами используются слова со служебными морфемами. Обычно это показатель прилагательного – 的, а также в качестве эквивалентов предлагаются словосочетания, например, 富有同情心的 / отзывчивый [Яо Чжипэн 2018]. Однако для носителей китайского языка это затрудняет процесс «непосредственного» ассоциирования в силу непривычности такого представления слов: в китайских толковых словарях показатели частей речи в словарных статьях обычно не употребляются. Кроме того, по нашим наблюдениям, китайцы безошибочно определяют на слух частеречную принадлежность слов, состоящих из двух и более корней; для односложных слов это возможно для письменных знаков, обозначающих «обобщенные» действия, конкретные предметы и т.д. В связи с этим, по нашему мнению, целесообразно использовать слова, которые в сознании носителей китайского языка обладают грамматическими признаками, сопоставимыми с частями речи русского языка.

Проблема интерпретации результатов САЭ с носителями китайского языка

Еще одной важной проблемой является интерпретация результатов ассоциативного эксперимента. Как отмечает И.А. Стернин, «полная объективность результатов недосяжима...» [Стернин 2020: 120]. Он предлагает следовать принципу А.А. Залевской и Тверской лингвистической школы: «для меня – здесь – сейчас» [Залевская 2009а: 15]. Результаты ассоциативных экспериментов с китайцами анализируются с когнитивной или системно-языковой точки зрения, и при анализе обычно используется два типологически неродственных языка, что вызывает ряд трудностей, которые требуют особого рассмотрения.

Во-первых, словарь не всегда является надежным источником перевода китайского слова на другие языки. Это касается не только многозначных слов или слов с размытой (диффузной) семантикой, а также слов-маркеров, к которым, например, относится слово 来 [lái] ‘приходить, начинать, приносить’ и т.д., 打 [dǎ, dá] ‘бить, звонить, вести, поднимать, играть’ и т.д. и под., но и перевода многозначных слов и устойчивых выражений китайского языка. Например, при анализе образа ребенка в русской и китайской лингвокультурах Е.В. Харченко и Цзинь Чжи в соответствии с «семантическим гештальтом» Ю.Н. Караулова все реакции делят на группы «кто?», «что?», «какой?», «что делает?», «где?» и другие. Очевидными являются трудности, с которыми сталкиваются авторы при переводе ассоциаций, что затрудняет процесс отнесения китайского слова к определенной группе [Харченко, Цзинь Чжи 2018: 84–87]. Например, 幼子

[yòuzǐ] переведено как 'ясельник', в то время как на самом деле это слово имеет значение 'младший сын'. Приведем еще несколько других примеров неточного перевода реакций китайских респондентов: 淘气包 [táoqìbāo] 'озорник, проказник, шалун', 甜心 [tiánxīn] (калька с англ. *sweetheart*) 'любимый, любимая', 小帅哥 [xiǎo shuàigē] – (букв.) 'маленький красивый старший брат' и 小美女 [xiǎo měinǚ] (букв.) 'маленькая прекрасная женщина', оба слова используются иронически; 成年 [chéngnián] 'взрослый, совершеннолетний'; 虎头虎脑 [hǔ tóu hǔ nǎo] – (букв.) 'тигриная голова' и 'тигриные мозги' (используется для обозначения «пышущего здоровьем и прямолинейного по характеру» человека). Несколько приведенных примеров показывают, что процесс переводов китайских реакций на русский язык вызывает много вопросов и проблем. Приведем другой пример. В исследовании ассоциативного поля стимула **родители** в русской и китайской лингвокультурах Е.В. Тихонова указывает, что китайцы реагируют ассоциациями *любовь (20); здоровье, скучать (8); упорный труд (5); мама (4); дом, семья (3); внимание, забота (2)* [Тихонова 2014: 62]. Однако по представленным материалам не совсем понятно, какие реакции получены, каким образом осуществляется перевод реакций и насколько перевод соответствует «ассоциативным гештальтам». Действительно, как отмечает Т.А. Фесенко, при переводе не может полностью копироваться образ сознания исходной культуры, в культуре-реципиенте он обречен на ущербность и неполноту [Фесенко 2003: 176], поэтому особое внимание при анализе результатов САЭ необходимо обращать на перевод реакций типологически отличающихся языков. Мы полагаем, именно этот показатель значительно влияет на выводы и результаты САЭ для носителей китайского языка.

Вторая проблема заключается в классификации полученных результатов. Н.И. Миронова отмечает: «Традиционный подход к содержательному анализу ассоциаций состоит в выделении двух (парадигматических и синтагматических) или чаще трех (и тематических) типов отношений между стимулом и реакцией с последующим их более тщательным анализом» [Миронова 2011: 109]. В настоящее время существуют разные подходы к классификации реакций. Так, Ван Чжэ группирует ассоциации китайских студентов на слова-стимулы из рассказов А.П. Чехова следующим образом: 1) род – вид / вид – род: *овраг – природа, хамелеон – животное*; категория: *овраг – гора* (природное явление); *дьявол – черт*; 2) противопоставленность значения: *кислота – сладкий, дьявол – ангел*; 3) оценка: *черный человек – злой, дьявол – злой*; цель действия: *устремлять взор – [чтобы сфокусировать] внимание, пожать три пальца – [чтобы выразить] уважение*; место жительства человека: *черный монах – монастырь, черный человек – Африка*; 4) должность человека: *дворянская опека – чин, коллежский асессор – чиновник* [Ван Чжэ 2012: 112–113]. Гао Гоцуй и Чжоу Синьянь указывают, что реакции можно классифицировать по 11 признакам, структурируя своеобразные «семантические гештальты»: *空间 / пространство, 时间 / время, 语言 / язык, 人 / человек, 出身 /家庭 / род/семья, 年龄 / возраст, 性别 / гендер, 所属 / принадлежность, 亲密度 / степень близости, 宗教 / религия, 种族 / этнос (перевод на русский язык наш – О.Д.)* [高国翠, 周言艳 2019: 3]. При сопоставлении «命运 / судьба» в китайском и русском языковом сознании Чжан Чжицзюнь и Ян Мин выделяют следующие группы реакций: *情感特征类 / эмоциональная характеристика, 神秘主义类 / мистицизм, 客观状态类 / объективное положение, 爱情婚姻类 / любовь и брак и 命运主体类 / предназначение, воля неба* [张志军, 杨茗 2018: 11]. В результате анализа авторами делается вывод о том, что различия двух лингвокультур связаны с различиями в эмоциональной характери-

стике концепта 'судьба'. Если говорить в целом, то 命运 / судьба в китайском языковом сознании связана с Волей Неба; человек может изменить Волю Небес благодаря своему упорному труду и настойчивости, однако предложенная китайскими исследователями классификация «гештальтов» не позволяет интерпретировать различия русской и китайской лингвокультур.

Понятно, что типологизация реакций может быть осуществлена на разных основаниях. И.В. Журавлев указывает: «Задачей исследователя ... является не просто *фиксация* образов сознания (их описание), но и *выявление* совокупности тенденций и противоречий, лежащих в основе формирования описываемых образов» (*курсив наш – О.Д.*) [Журавлев 2008: 68]. Результаты, полученные в результате ассоциативного эксперимента, должны не только иметь количественные характеристики, но и, говоря словами А.А. Залевской, отражать «живое знание», которое эмоционально и оценочно переживается «...на разных уровнях осознания при взаимодействии тела и разума, комплекса внутренних и внешних факторов» [Залевская 2009а: 18], поэтому количественные данные требуют интерпретации как с точки зрения структуры «образов», так и с точки зрения их семантики. Предполагается, что исследователь может опираться на данные свободного ассоциативного эксперимента, чтобы уточнить психологически реальное (частотно включаемое в речевую деятельность) содержание, стоящее за словом-стимулом, установить пути динамики значения слова и даже выдвигать гипотезы о возможных тенденциях изменения лексического значения. Такие операции позволяют, в свою очередь, создавать новую языковую базу для моделирования образа мира, что является необходимым для сопоставительного изучения культур и языков [Пищальникова 2019: 56–64]. Таким образом, для установления фрагментов картины мира китайцев необходимо использовать САЭ, который позволяет определить как статические, так и динамические процессы в картине мира китайцев.

Заключение

В настоящее время существует недостаточное количество фундаментальных работ по изучению сущностных характеристик картины мира китайцев. Большинство из них повторяют методику САЭ, разработанную Московской психолингвистической школой и обычно применяющуюся для контрастивных и сопоставительных исследований европейских языков, но не учитывающих проблем семантической сопоставимости / несопоставимости слов-стимулов русского и китайского языков. Слово, состоящее в современном китайском языке из двух и более иероглифов, обычно переводится при помощи двуязычных словарей, но при этом обязательно должны учитываться частеречные особенности, происхождение иероглифов, структура слова, его частотность в речи носителей языка и другие особенности собственно китайского языка. При классификации полученных ассоциатов необходимо использовать различные основания, но самое важное – создать языковую базу для моделирования картины мира китайцев.

Литература

Арсеньева И.А., Тимашова Л.В. Возможности ассоциативного эксперимента в исследовании эмотивной лексики китайского языка // Структура и семантика. Доклады Международной научной конференции: сборник статей. М.: Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Институт права и национальной безопасности, 2017. С. 134–139.

Ван Биндун. Сравнительное исследование содержания концепта «экономика» в китайском и русском языковом сознании (по результатам ассоциативного эксперимента): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Барнаул, 2004. 24 с.

Ван Чжэ. Экспериментальное исследование ассоциативных единиц носителей китайского языка // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2012. № 4. С. 108–118.

Гаранович М.В., Цзян Я. Представления о семейных отношениях в языковом сознании русских и китайцев // Социо- и психолингвистические исследования. 2018. № 6. С. 61–70.

Гольдин В.Е., Сдобнова А.П. «Словарное» и «психолингвистическое» представление значений: поиски соответствий // Вопросы психолингвистики. 2014. № 4 (22). С. 56–67.

Голубева Е.В. Результаты ассоциативного эксперимента, проведенного среди студентов-китайцев, изучающих РКИ // Вестник Калмыцкого университета. 2018. № 3 (39). С. 72–80.

Журавлев И.В. Методологические проблемы исследования образов сознания (на примере образа мужчины) // Вопросы психолингвистики. 2008. № 8. С. 66–73.

Залевская А.А. Динамика общенаучных подходов к проблеме знания и некоторые задачи психолингвистических исследований // Вопросы психолингвистики. 2007. № 5. С. 4–12.

Залевская А.А. Вопросы психолингвистической теории двуязычия // Вопросы психолингвистики. 2009. № 10. С. 10–17.

Залевская А.А. Речевая ошибка как инструмент научного исследования // Вопросы психолингвистики. 2009а. № 9. С. 6–21.

Кацюба Л.Б., Лимин В. Ассоциативное поле русских и китайских паремий в языковом сознании носителей китайской культуры // Вопросы психолингвистики. 2015. № 23. С. 132–138.

Кольцова Н.В., Чулкина Н.Л. Сопоставление концептуальных полей «богатство / бедность» в китайской и русской лингвокультурах: анализ результатов ассоциативного эксперимента и социологического опроса // Ценности и смыслы. 2018. № 1 (53). С. 17–33.

Миронова Н.И. Ассоциативный эксперимент: методы анализа данных и анализ на основе универсальной схемы // Вопросы психолингвистики. 2011. № 2 (14). С. 108–119.

Сахарный Л.В. Введение в психолингвистику. Курс лекций. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1989. 184 с.

Славянский ассоциативный словарь: русский, белорусский, болгарский, украинский / Н.В. Уфимцева, Г.А. Черкасова, Ю.Н. Караулов, Е.Ф. Тарасов. М., 2004. 792 с.

Пэй Цайся. Антиценность «коррупция» / «腐敗» как фрагмент языковой картины мира русских и китайцев: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2019. 26 с.

Пицальникова В.А., Яо Чжипэн. Служить бы рад – прислуживаться тошно, или динамика значения слова 殷勤的 в китайской лингвокультуре // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. Курск, 2019. Т. 9, №1(30). С. 56–64.

Пицальникова В.А. Проблема смысла поэтического текста. Психолингвистический аспект: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19. М.: МГУ, 1992. 346 с.

Степыкин Н.И. Типология реакций: в поисках путей решения проблемы // Известия

ствия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2017. Т. 7. № 2 (23). С. 70–79.

Стернин И.А. Проблемы интерпретации результатов ассоциативных экспериментов // Вопросы психолингвистики. 2020. № 3 (45). С. 110–125.

Тихонова Е.В. Психолингвистическое описание конгруэнтности ассоциативного поля «родители» в языковом сознании носителей ря и кя // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2014. № 1 (26). С. 60–65.

Тихонова Е.В. Психолингвистическое описание конгруэнтности семантического поля родители в языковом сознании русских и китайцев // Научно-педагогический журнал Восточной Сибири Magister Dixit. 2013. № 2. С. 193–202.

Уфимцева Н.В. Содержание ценности «жизнь» в языковом сознании при межкультурном сопоставлении // Вопросы психолингвистики. 2017. № 4 (34). С. 116–123.

Уфимцева Н.В. Языковое сознание как отображение этносоциокультурной реальности // Вопросы психолингвистики. 2003. № 1. С. 102–110.

Фесенко Т.А. Языковое сознание: взаимодействие ментальной и культурной реальности // Методология современной психолингвистики: Сборник статей. Москва; Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. С. 175–185.

Харченко Е.В., Цзинь Чжи. Образ ребенка в языковом сознании носителей китайской и русской лингвокультур (по данным ассоциативного эксперимента) // Вопросы психолингвистики. 2018. № 3 (37). С. 82–91.

Хуан Тяньдэ. Экспериментальное сопоставительное исследование образа «敌人/враг» в языковом сознании китайских и русских студентов // Вопросы психолингвистики. 2015. № 23. С. 239–246.

Хуан Тяньдэ. Экспериментальное сопоставительное исследование образа «自己的/свой» в языковом сознании современных китайских и русских студентов // Вопросы психолингвистики. 2016. № 3 (29). С. 229–307.

Хуан Тяньдэ. 40 лет психолингвистическим исследованиям русского языка в Китае: основные этапы и перспективы развития // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12. № 1. С. 115–120.

Чжан Я. Ассоциативное поле концепта «房 / дом» в сознании носителей китайского языка // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2016. Т. 14. № 2. С. 34–39.

Чжао Цюе. Исследование национально-культурной специфики эталона сравнения в психолингвистическом аспекте (на материале китайского и русского языков) // Вопросы психолингвистики. 2012. № 15. С. 205–207.

Чжао Цюе. Экспериментально-сопоставительное исследование языкового сознания и образа ассоциации у китайских и русских студентов // Русский язык за рубежом. 2013. № 6 (241). С. 96–100.

Ян С. Концепт китаизма «фэн-шуй» в сознании носителей русского языка (на материале психолингвистических экспериментов) // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2016. № 4. С. 144–152.

Яо Чжипэн. Содержательная специфика этического понятия «вежливость» / «礼貌» в русском и китайском языках: дисс. ... канд. филол. наук. М., 2019. 254 с.

Яо Чжипэн. Сравнительная характеристика ассоциативных полей лексем «отзывчивый» / 富有同情心的 по данным свободного ассоциативного эксперимента // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2018. № 9 (801). С. 223–234.

敌//繁体字网. Ди // Традиционные китайские иероглифы. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fantiz5.com/ziyuan> (дата обращения: 20.10.2020).

高国翠, 周言艳: «从борьба联想场看俄罗斯大学生词汇提取的语义特征及其语言意识», 《中国俄语教学》2019年第02期, 第1–9页。 / *Гао Гоцуй, Чжоу Яньян*. Анализ языкового значения и языкового сознания российских студентов на основе результатов ассоциативного эксперимента со словом «борьба» // *Русский язык в Китае*. 2019. № 2. С. 1–9.

高丽彦: «基于中华文化核心词联想场的中俄大学生语言意识对比研究», 哈尔滨师范大学学硕士论文, 哈尔滨, 2017年, 108页。 / *Гао Лиянь*. Сравнительный анализ языкового сознания китайских и русских студентов (по данным ассоциативного анализа базовых понятий китайской культуры). Магистерская диссертация. Харбин, 2017. 108 с.

李晓彤: «基于汉语高频词联想场的中俄大学生语言意识对比研究», 哈尔滨师范大学学硕士论文, 哈尔滨, 2017年, 109页。 / *Ли Сяотун*. Сравнительное исследование языкового сознания китайских и русских студентов (на основе ассоциативного эксперимента высокочастотной лексики китайского языка. Магистерская диссертация. Харбин, 2017. 109 с.

杨茗: «俄汉观念词солнце/“太阳”语言文化场对比研究», 中国优秀博士学位论文全文数据库 (硕士), 哈尔滨师范大学, 2016年, 90页。 / *Ян Мин*. Сравнительный анализ лингвокультурологического поля солнце / 太阳 в русском и китайском языках. Магистерская диссертация. Харбин, 2016. 90 с.

张金桥, 陈冬桂: «中国大学生汉语心理词汇研究», 《语言文字应用》, 2018年04期, 第75–84页。 / *Чжан Цзиньчао, Чэнь Дунгуй*. Исследование базовой лексики китайских студентов // *Практика устной и письменной речи*. 2018. № 4. С. 75–84.

张志军, 杨茗: «基于自由联想实验的俄汉观念词судьба/“命运”对比分析», 《中国俄语教学》, 2018年02期, 第9–15加46页。 / *Чжан Чжунцзюнь, Ян Мин*. Сравнительный анализ слова судьба / 命运 в русском и китайском языках на основе ассоциативного эксперимента // *Русский язык в Китае*. 2018. № 2. С. 9–15, 46.

赵爱国: «当前俄语“观念”研究中的几个理论问题», 《中国俄语教学》, 2016年第3期, 50–51页。 / *Чжао Айго*. Теоретические проблемы в исследовании «концепта» в русском языке // *Русский язык в Китае*. 2016. № 3. С. 50–51.

赵坤: «中俄大学生道德核心词语言意识对比研究», 哈尔滨师范大学学硕士论文, 哈尔滨, 2015年, 142页。 / *Чжао Кунь*. Сравнительный анализ языкового сознания китайских и российских студентов (моральные ценности). Магистерская диссертация. Харбин. 2015. 142 с.

自//繁体字网. Цзы // Традиционные китайские иероглифы. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fantiz5.com/ziyuan> (дата обращения: 01.10.2020).

PSYCHOLINGUISTIC STUDIES OF CHINESE WORLDVIEW FRAGMENTS

Olga V. Dubkova

Ph.D., Professor of the Xi'an International Studies University

Invited specialist, Russian Language Institute, Xi'an, China

710128, South Wenyuan Road, Xi'an Guodu Education and Sci-Tech Industrial

Development Zone, Shaanxi, China

linuan12@mail.ru

At present, fragments of the Chinese worldview are studied on the basis of theoretical and practical research developed by the Moscow Psycholinguistic School. In Russian and Chinese psycholinguistics, sufficient material has been accumulated to determine the main advantages of the free associative experiment. The problems of identifying stimulus words and interpreting reactions reflecting the Chinese picture of the world are also obvious. The free associative experiment allows us to determine the deep mental connections of the phonetic and graphic appearance of the Chinese word, represented by graphemes different from those of the Russian language, the latter having their own lexical and additional “graphic” meaning. The difficulties in learning languages of different typological systems are associated with the problems of compiling a vocabulary of stimulus words and the possibility of a multivalued interpretation of Chinese recipients’ reactions, reflecting the images of the Chinese consciousness. For this reason, it is unacceptable to transfer the “reification” of fragments of the Russian worldview to the fragments of the Chinese worldview. When compiling a vocabulary of stimulus words, one should take into account the structural and grammatical features of the Chinese word, the structure of Chinese characters and their origin, the frequency in the speech of native speakers, etc. To interpret the reactions of a free associative experiment, in addition to bilingual dictionaries, it is advisable to use various dictionaries of the Chinese language, including etymological ones. Based on the established tradition of analyzing the results of associative experiments, the author typologizes the reactions of Chinese speakers, which allows to establish the dynamics of the Chinese worldview.

Keywords: psycholinguistics, free associative experiment, Chinese worldview, Chinese hieroglyph, word-stimulus, word-reaction, interpretation, mental connections, consciousness image, typology of reactions

References

Arsen'eva I.A., Timashova L.V. Vozmozhnosti associativnogo jeksperimenta v issledovanii jemotivnoj leksiki kitajskogo jazyka [Opportunities of the associative experiment in the study of the emoticon of the Chinese language]. Struktura i semantika [Structure and Semantics]. Doklady Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii: sbornik statej. M.: Rossijskaya akademiya narodnogo hozyajstva i gosudarstvennoj sluzhby pri Prezidente RF, Institut prava i nacional'noj bezopasnosti, 2017. P. 134–139. (In Russian).

Fesenko T.A. Yazykovoe soznanie: vzaimodejstvie mental'noj i kul'turnoj real'nosti [Language consciousness: interaction of mental and cultural reality] // Metodologiya sovremennoj psiholingvistiki [Methodology of Modern Psycholinguistics]: Sbornik statej. Moskva; Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2003. P. 175–185. (In Russian).

Garanovich M.V., Jang Ya. Predstavleniya o semejnyh otnosheniyah v yazykovom soznanii russkih i kitajcev [Ideas about family relations in the language consciousness of Russians and Chinese] // Socio- i psiholingvisticheskie issledovaniya [Socio - and Psycholinguistic Research]. 2018. Issue 6. P. 61–70. (In Russian).

Goldin V.E., Sdobnova A.P. «Slovarnoe» i «psiholingvisticheskoe» predstavlenie znachenij: poiski sootvetstvij [“Dictionary” and “psycholinguistic” representation of meanings: search for correspondences // Voprosy psiholingvistiki [Journal of Psycholinguistics]. 2014. Issue 4 (22). P. 56–67. (In Russian).

Golubeva E.V. Rezul'taty associativnogo eksperimenta, provedennogo sredi studentov-kitajcev, izuchayushchih RKI [Results of an Association experiment conducted among

Chinese students studying RCTS] // Vestnik Kalmyckogo universiteta [Bulletin of the Kalmyk University]. 2018. Issue 3 (39). P. 72–80. (In Russian).

Harchenko E.V., Jin Zhi. Obraz rebenka v yazykovom soznanii nositelej kitajskoj i ruskoj lingvokul'tur (po dannym asociativnogo eksperimenta) [The image of a child in the language consciousness of native speakers of Chinese and Russian linguistic cultures (according to the Association experiment)] // Voprosy psiholingvistiki [Journal of Psycholinguistics]. 2018. Issue 3 (37). P. 82–91. (In Russian).

Huang Tiande. 40 let psiholingvisticheskim issledovaniyam russkogo yazyka v Kitae: osnovnye etapy i perspektivy razvitiya [40 years of psycholinguistic research of the Russian language in China: main stages and prospects of development] // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki [Philological science. Questions of theory and practice]. 2019. P. 12. Issue 1. P. 115–120. (In Russian).

Huang Tiande. Eksperimental'noe sopostavitel'noe issledovanie obraza «敌人/ vrag» v yazykovom soznanii kitajskih i russkih studentov [Experimental comparative study of the image “敌人/ enemy” in the language consciousness of Chinese and Russian students] // Voprosy psiholingvistiki [Journal of Psycholinguistics]. 2015. Issue 23. P. 239–246. (In Russian).

Huang Tiande. Eksperimental'noe sopostavitel'noe issledovanie obraza «自己的/ svoj» v yazykovom soznanii sovremennyh kitajskih i russkih studentov) [Experimental comparative study of the image of “own” in the language consciousness of modern Chinese and Russian students)] // Voprosy psiholingvistiki [Journal of Psycholinguistics]. 2016. Issue 3 (29). P. 229–307. (In Russian).

Kacyuba L.B., Limin V. Associativnoe pole russkih i kitajskih paremij v yazykovom soznanii nositelej kitajskoj kul'tury [Associative field of Russian and Chinese paroemias in the language consciousness of Chinese culture speakers] // Voprosy psiholingvistiki [Journal of Psycholinguistics]. 2015. Issue 23. P. 132–138.

Kol'cova N.V., Chulkina N.L. Sopostavlenie konceptual'nyh polej «bogatstvo / bednost'» v kitajskoj i ruskoj lingvokul'turah: analiz rezul'tatov asociativnogo eksperimenta i sociologicheskogo oprosa [Comparison of the conceptual fields “wealth / poverty” in Chinese and Russian linguistic cultures: analysis of the results of an associative experiment and a sociological survey] // Cennosti i smysly [Values and meanings]. 2018. Issue 1 (53). P. 17–33.

Mironova N.I. Associativnyj eksperiment: metody analiza dannyh i analiz na osnove universal'noj skhemy [Associative experiment: methods of data analysis and analysis based on a universal scheme] // Voprosy psiholingvistiki [Journal of Psycholinguistics]. 2011. Issue 2 (14). P. 108–119. (In Russian).

Pei Caixia. Anticennost' «korrupciya» / «腐败» kak fragment yazykovoj kartiny mira russkih i kitajcev [Anti-value “corruption” / “腐败” as a fragment of the language picture of the world of Russians and Chinese]: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. M., 2019. 26 p. (In Russian).

Pishchal'nikova V.A. Problema smysla poeticheskogo teksta. Psiholingvisticheskiy aspekt [The problem of the meaning of a poetic text. Psycholinguistic aspect]: dis. ... d-ra filol. nauk. M., 1992. 346 p. (In Russian).

Pishchal'nikova V.A., Yao Zhipeng. Sluzhit' by rad – prisluzhivat'sya toshno, ili dinamika znacheniya slova 殷勤的 v kitajskoj lingvokul'ture [To serve would be happy-to serve is sick, or the dynamics of the meaning of the word 殷勤的 in Chinese linguoculture] // Izvestiya

gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika [Bulletin of Yugo-Zapadni State University: Linguistics and Pedagogy]. Kursk, 2019. Vol. 9, Issue 1(30). P. 56–64. (In Russian).

Saharnyj L.V. Vvedenie v psiholingvistiku [Introduction to Psycholinguistics]. Kurs lekcij. L.: Izd-vo Leningradskogo universiteta, 1989. 184 p. (In Russian).

Slavyanskij asociativnyj slovar': russkij, belorusskij, bolgarskij, ukrainskij [Slavonic Associative Dictionary: Russian, Belarusian, Bulgarian, Ukrainian] / N.V.Ufimceva, G.A. Cherkasova, Y.N. Karaulov, E.F. Tarasov. M., 2004. 792 p. (In Russian).

Stepykin N.I. Tipologiya reakcij: v poiskah putej resheniya problemy [Typology of reactions: in search of solutions to the problem] // Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika. [Bulletin of Yugo-Zapadni State University: Linguistics and Pedagogy] Kursk 2017. Vol. 7. Issue 2 (23). P. 70–79. (In Russian).

Sternin I.A. Problemy interpretacii rezul'tatov asociativnyh eksperimentov [Problems of interpretation of results of associative experiments] // Voprosy psiholingvistiki [Journal of Psycholinguistics]. 2020. Issue 3 (45). P. 110–125. (In Russian).

Tihonova E.V. Psiholingvisticheskoe opisanie kongruentnosti asociativnogo polya «roditeli» v yazykovom soznanii nositelej russkogo yazyka i kitajskogo yazyka [Psycholinguistic description of congruence of the associative field “parents” in the language consciousness of native speakers of Russian and Chinese] // Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta [Bulletin of Irkutsk State Linguistic University]. 2014. Issue (26). P. 60–65. (In Russian).

Tihonova E.V. Psiholingvisticheskoe opisanie kongruentnosti semanticheskogo polya roditeli v yazykovom soznanii russkij i kitajcev [Psycholinguistic description of the congruence of the semantic field parents in the language consciousness of Russians and Chinese] // Nauchno-pedagogicheskij zhurnal Vostochnoj Sibiri Magister Dixit [Scientific-Pedagogical Journal of Eastern Siberia Magister Dixit]. 2013. Issue 2. P. 193–202. (In Russian).

Ufimceva N.V. Soderzhanie cennosti «zhizn'» v yazykovom soznanii pri mezhkul'turnom sopostavlenii [The content of the value “life” in the language consciousness in cross-cultural comparison] // Voprosy psiholingvistiki [Journal of Psycholinguistics]. 2017. Issue 4 (34). P. 116–123. (In Russian).

Ufimceva N.V. Yazykovoe soznanie kak otobrazhenie etnosociokul'turnoj real'nosti [Language consciousness as a reflection of ethno-socio-cultural reality] // Voprosy psiholingvistiki [Journal of Psycholinguistics]. 2003. Issue 1. P. 102–110. (In Russian).

Wang Bingdong. Sravnitel'noe issledovanie soderzhaniya koncepta «ekonomika» v kitajskom i russkom yazykovom soznanii (po rezul'tatam asociativnogo eksperimenta) [Comparative study of the concept “economy” in Chinese and Russian language consciousness (based on the results of an associative experiment)]: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Barnaul, 2004. 24 p. (In Russian).

Wang Zhe. Eksperimental'noe issledovanie asociativnyh edinic nositelej kitajskogo yazyka [Experimental study of associative units of native Chinese speakers] // Vestnik Moskovskogo universiteta [Bulletin of the Moscow University]. Part 9: Filologiya. 2012. Issue 4. P. 108–118. (In Russian).

Yang S. Koncept kitaizma «fen-shuj» v soznanii nositelej russkogo yazyka (na materiale psiholingvisticheskijh eksperimentov) [The concept of Chinese “Feng Shui” in the minds of native Russian speakers (based on psycholinguistic experiments)] // Izvestiya Yuzhnogo

federal'nogo universiteta. Filologicheskie nauki [Proceedings of southern Federal University. Philology]. 2016. Issue 4. P. 144–152. (In Russian).

Yao Zhipeng. Soderzhatel'naya specifika eticheskogo ponyatiya «vezhlivost'» / «礼貌» v russkom i kitajskom yazykah: diss. ... kand. filol. nauk [Content specifics of the ethical concept of “politeness” / “礼貌” in Russian and Chinese]. M., 2019. 254 p. (In Russian).

Yao Zhipeng. Sravnitel'naya karakteristika asociativnyh polej leksem “otzyvchivyj” / 富有同情心的 po dannym svobodnogo asociativnogo eksperimenta [Comparative characteristics of associative fields of the “responsive” lexemes according to the data of the free associative experiment] // Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities. 2018. Issue 9 (801). P. 223–234. (In Russian).

Zalevskaya A.A. Dinamika obshchenauchnyh podhodov k probleme znaniya i nekotorye zadachi psiholingvisticheskikh issledovanij [Dynamics of General scientific approaches to the problem of knowledge and some tasks of psycholinguistic research] // Voprosy psiholingvistiki [Journal of Psycholinguistics]. 2007. Issue 5. P. 4–12. (In Russian).

Zalevskaya A.A. Rehevaya oshibka kak instrument nauchnogo issledovaniya [Speech error as a scientific research tool] // Voprosy psiholingvistiki [Journal of Psycholinguistics]. 2009. Issue 9. P. 6–21. (In Russian).

Zalevskaya A.A. Voprosy psiholingvisticheskoy teorii dvuyazychiya [Questions of the psycholinguistic theory of bilingualism] // Voprosy psiholingvistiki [Journal of Psycholinguistics]. 2009. Issue 10. p. 10–17. (In Russian).

Zhang Ya. Asociativnoe pole koncepta «房 / dom» v soznanii nositelej kitajskogo yazyka [Associative field of the concept “房 / home” in the minds of native Chinese speakers] // Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikaciya [Bulletin of Novosibirsk State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication]. 2016. Vol. 14. Issue 2. P. 34–39. (In Russian).

Zhao Que. Eksperimental'no-sopostavitel'noe issledovanie yazykovogo soznaniya i obraza asociacii u kitajskikh i russkikh studentov [Experimental and comparative study of language consciousness and Association image in Chinese and Russian students] // Russkij yazyk za rubezhom [Russian Language abroad]. 2013. Issue 6 (241). P. 96–100. (In Russian).

Zhao Que. Issledovanie nacional'no-kul'turnoj specifiki etalona sravneniya v psiholingvisticheskom aspekte (na materiale kitajskogo i russkogo yazykov) [Research of national and cultural specifics of the reference standard in the psycholinguistic aspect (based on the material of Chinese and Russian languages)] // Voprosy psiholingvistiki [Journal of Psycholinguistics]. 2012. Issue 15. P. 205–207. (In Russian).

Zhuravlev I.V. Metodologicheskie problemy issledovaniya obrazov soznaniya (na primere obraza muzhchiny) [Methodological problems of studying images of consciousness (on the example of the image of a man)] // Voprosy psiholingvistiki [Journal of Psycholinguistics]. 2008. Issue 8. P. 66–73. (In Russian).

敌//繁体字网Di // Traditional Chinese character network. [Elektronic source]. URL: <http://www.fantiz5.com/ziyuan> (retrieval date: 20.10.2020). (In Chinese).

高国翠, 周言艳: «从борьба联想场看俄罗斯大学生词汇提取的语义特征及其语言意识», 《中国俄语教学》2019年第02期, 第1–9页。 / *Gao Guocui, Zhou Yuyan.* Analysis of the language meaning and language consciousness of Russian students based on the results of an associative experiment with the word “struggle” // Russian in China. 2019. No. 2. P. 1–9. (In Chinese).

高丽彦: «基于中华文化核心词联想场的中俄大学生语言意识对比研究», 哈尔

滨师范大学学硕士学位论文, 哈尔滨, 2017年, 108页. / *Gao Liyan*. Comparative analysis of the language consciousness of Chinese and Russian students (according to the associative analysis of basic concepts of Chinese culture). Harbin, 2017. 108 p. (In Chinese).

李晓彤: 《基于汉语高频词联想场的中俄大学生语言意识对比研究》, 哈尔滨师范大学学硕士学位论文, 哈尔滨, 2017年, 109页. / *Li Xiaotong*. Comparative study of the language consciousness of Chinese and Russian students (based on the associative experiment of high-frequency Chinese vocabulary). Harbin, 2017. 109 p. (In Chinese).

杨茗: 《俄汉观念词солнце / “太阳”语言文化场对比研究》, 中国优秀博硕士学位论文全文数据库(硕士), 哈尔滨师范大学, 2016年, 90页. / *Yang Ming*. Comparative analysis of the linguistic and cultural field of the sun / 太阳 in Russian and Chinese. Harbin, 2016. 90 p. (In Chinese).

张金桥, 陈冬桂: 《中国大学生汉语心理词汇研究》, 《语言文字应用》, 2018年04期, 第75–84页. / *Zhang Jinqiao, Chen Donggui*. Research of the basic vocabulary of Chinese students // Practice of oral and written speech. 2018. N. 4. P. 75–84. (In Chinese).

张志军, 杨茗: 《基于自由联想实验的俄汉观念词судьба/“命运”对比分析》, 《中国俄语教学》, 2018年02期, 第9–15加46页. / *Zhang Zhijun, Yang Ming*. Comparative analysis of the word судьба / 命运 in Russian and Chinese based on an associative experiment // Russian language in China. 2018. No. 2. P. 9–15, 46. (In Chinese).

赵爱国: 《当前俄语“观念”研究中的几个理论问题》, 《中国俄语教学》, 2016年第3期, 50–51页. / *Zhao Aiguo*. theoretical problems in the study of the “concept” in the Russian language // Russian language in China. 2016. N. 3. P. 50–51. (In Chinese).

赵坤: 《中俄大学生道德核心词语言意识对比研究》, 哈尔滨师范大学学硕士学位论文, 哈尔滨, 2015年, 142页. / *Zhao Kun*. Comparative analysis of the language consciousness of Chinese and Russian students (moral values). Harbin. 2015. 142 p. (In Chinese).

自//繁体字网. Zi // Traditional Chinese character network. [Elektronic source]. URL: <http://www.fantiz5.com/ziyuan> (retrieval date: 01.10.2020). (In Chinese).

УДК 81'23 / DOI 10.30982/2077-5911-2020-46-4-50-58

ГИПНОМЕТАФОРА КАК ДИСКУРСИВНЫЙ МЕХАНИЗМ РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

(на примере психологических тренингов Натальи Грейс)

Козлова Елена Анатольевна

кандидат филологических наук,
доцент кафедры иностранных языков Вятской ГСХА
610004 Россия, Киров, проспект Октябрьский, д.133
elena.kozlova1234@mail.ru

В статье анализируется понятие гипнотической метафоры в психологии, психиатрии и лингвистике, исследуется ее применение в ситуации публичного обучающего дискурса. В первой части статьи рассматриваются правополушарные механизмы восприятия с целью обнаружения чувственных образов, представленных в универсальном предметном коде, так как процессы освоения фактов, в основе которых лежит сходство, смежность, образность, протекают именно в правом полушарии. Делается предположение о связи зеркальных нейронов с метафорическим мышлением. Приводится классификация видов метафор в психотерапевтической литературе. Во второй части статьи анализируются выступления современных ораторов-тренеров, целью которых является эффективное изменение эмоционального настроения и категориальных конструктов слушателей. В результате анализа автор приходит к выводу, что качественные современные тренинги – это своего рода сеансы групповой психотерапии, где информация подается в «живом потоке» правополушарных механизмов с участием работы зеркальных нейронов. Риторика тренера – это система метафор, которые являются архетипами сознания и входят в базовый слой концептосферы.

Ключевые слова: речевое воздействие, гипнотическая метафора, лингвокреативные средства

Введение

Проблемы эффективности речи, прагматической направленности публичного дискурса в целом и публичного академического дискурса в частности обусловили актуальность выбранной темы. Для обоснования актуальности частного вопроса о метафоре как дискурсивном механизме речевого воздействия оттолкнемся от определений самого речевого воздействия.

Речевое воздействие понимают как влияние, оказываемое субъектом на реципиента с помощью лингвистических, паралингвистических и нелингвистических символических средств в процессе речевого общения, целью которого является изменение личностного смысла того или иного объекта для реципиента, перестройка его категориальных конструктов, изменение эмоционального настроения либо психофизиологических процессов [Шелестюк 2009]; направленность на сдвиг в системе ценностей с помощью представления в новом свете известных вещей, когда субъект моделирует смысловое поле реципиента [Сидоров 2008]. При осуществлении речевого воздействия адресант устанавливает эмоциональную солидарность с аудиторией, пользуясь актом провокации [Зарецкая 1998]. Но проблема заключается в том, как найти слово,

которое легко войдет в базовый слой концептосферы, который состоит из чувственных образов, представленных в универсальном предметном коде. Не секрет, что наилучшим инструментом для этого «вхождения» являются вторичные номинации, самым популярным представителем которых признаётся метафора.

Целью данного исследования является изучение метафорических способов мышления и восприятия в публичном обучающем дискурсе. Материалом исследования послужили работы в области лингвистики, психологии, психотерапии и выступления тренеров-мотиваторов (было проанализировано около 90 устных контекстов, взятых из тренингов, записи которых после «живого» их проведения, выкладываются на канале YouTube). Предметом данного исследования являются языковые средства публичного академического дискурса, обладающие лингвокреативными свойствами, а именно – афористические высказывания, содержащие в себе метафорические когнитивные модели. Для более глубокого понимания воздействующей роли метафор вводится психотерапевтический термин «гипнометафора». Гипотеза исследования: в публичных речах академического дискурса гипнометафоры служат своеобразным смысловым каркасом, на который нанизывается остальное содержание. К таким метафорам уместно применять психотерапевтический термин гипнометафора.

Процесс мышления и метафоры

Поскольку механизмы мышления изучаются в психологии и психиатрии, мы обратились к работам из этих областей знаний, в которых более подробно рассматриваются процессы работы полушарий головного мозга. В работе Ю.П. Игнатовой, И.И. Макаровой, О.Ю. Зениной, А.В. Аксеновой произведен обзор литературы, посвященной функциональной межполушарной асимметрии мозга. Исследования разных ученых дают право предполагать, что структуры правого полушария человека обеспечивают *целостность* восприятия и поведения. Так, правые передние отделы мозга отвечают за гармоничную интеграцию человека в мире и за творчество. У психически здоровых испытуемых выявлено доминирование правого полушария. Интересно, что в условиях умеренного стресса (авиаперелет) интеллектуальные возможности испытуемых повышаются за счет усиления работы именно правого полушария. Однако левое полушарие также при этом играет важную роль, улучшая воспроизведение новой информации [Игнатова и др. 2016]. Традиционно речевое воздействие рассматривается как комбинация логических и образных языковых конструкций. Логические конструкции, как правило, аргументативны и обращены к разуму (при их обработке и продуцировании задействованы механизмы левого полушария), а образные обращены к эмоциям и обрабатываются правым полушарием головного мозга. Процессы же освоения фактов окружающей нас действительности, в основе которых лежит сходство предметов или явлений, или их смежность, образность протекают у человека в его правом полушарии мозга на уровне подсознания [Седов 2007]. Таким образом, развитие правого полушария неразрывно связано с понятием лингвокреативности, несмотря на то что в целом за функцию речи отвечает левое полушарие. Можно предположить, что языковые творческие способности развиваются вкупе с другими творческими способностями: музыкальными, художественными, двигательными, и развитие одних способностей «подталкивает» развитие других. В последнее время при исследовании различных механизмов восприятия интерес ученых вызывают «технологии зеркальных нейронов», которые позволяют эффективно работать с иррациональными негативными переживаниями, вызывающими у человека психосоматические расстройства [Горбунова, Фатеев

ва, Хаидов 2017]. Так, Ю.С. Зайцева отмечает возросшее число исследований, которые отводят зеркальным нейронам существенную роль в переработке сложной социальной информации [Зайцева 2013]. Зеркальные нейроны заставляют человека чувствовать то, что испытывают другие люди, когда он видит или *представляет* какие-то события, происходящие с ними. Можно предположить, что восприятие метафоры связано с работой зеркальных нейронов, так как метафору во многом мы «переживаем», связывая то или иное понятие с другим в метафорической проекции. Если говорить о вербальном воздействии, то работу правополушарных механизмов и зеркальных нейронов обуславливает именно **образная речь**, ведь в целом за чтение, письмо и говорение (логический аспект) «отвечает» левое полушарие.

Таким образом, если более глубоко посмотреть на механизмы речевого воздействия, то это воздействие более эффективно, если ориентировано на правополушарные механизмы мышления. То, что трудно объяснить логически и подвергается сомнению адресатом, безапелляционно принимается через чувственно-образную сферу восприятия. Каким образом это происходит и почему, рассмотрим в следующей части статьи.

Гипнометафора как архетип

Психотерапевтами метафоры используются как метод эффективной работы с пациентом. Эффективность применения метафоры обеспечивают такие ее свойства, как ясность, безоценочность, преломление в восприятии мира, самодвижение, парадоксальность, качество смягчения (облегчение восприятия болезненной информации) и др. [Липская 2009]. То есть метафора – это своего рода иносказательный вариант конкретных психологических затруднений и способов их разрешения, и она связана с процессами идентификации и ассоциации. При поиске решения конкретной проблемы у пациента с помощью врача активизируются ресурсы сознания и подсознания. В контексте психологической терапии используется термин гипнометафора, который рассматривается как иносказание, содержащее в себе ключевое послание от психолога к клиенту и наоборот. Гипнометафора описывается в работах по психотерапии и психологии речевого воздействия достаточно давно: [Эриксон 2002, Гиллиген 1997, Япко 2013] и др. Этот метод эриксоновской гипнотерапии перемещает человека из поля проблем в поле решений, так как задействует скрытые ресурсы бессознательного. При использовании гипнометафор психологи наблюдают реакции измененного состояния сознания пациента: расширенные зрачки, изменение дыхания и др. Гипнометафоры классифицируют по структуре (простые, или изоморфные и составные), по источнику (клиента, психолога, клиента и психолога, архетипические, или универсальные), по целям (метафоры образа «Я», эмоций, ценностей и убеждений, системы отношений, перемен, поведения).

Наиболее широким спектром действия обладают *универсальные (архетипические)* метафоры, содержащие в себе архетипы коллективного бессознательного, так как могут применяться при работе с наиболее сложными проблемами, зачастую скрываемыми пациентом не только от терапевта, но и от самого себя, ведь все, что содержится в этом метафорическом слое, затрагивает бессознательное каждого человека. Эти метафоры часто преподносятся в форме известных сказок, афоризмов, пословиц; содержат образы природы, путешествий, учителя и ученика, ребенка и взрослого, символических подарков [Абросимова 2015].

Метафоры в лингвистике

Большое количество работ по языкознанию в последнее время посвящено исследова-

дованию метафоры как когнитивного механизма [Лакофф, Джонсон 1990; Колотнина 2001; Чудинов 2003; Ширяева 2006; Горбунова, Алимуратов 2015 и др.]. Многие исследования метафор публичного дискурса направлены на выявление их манипулятивных свойств. Так, например, в работе [Панкратова 2018] описывается манипулирование, осуществляемое с помощью комплексных развернутых метафор в англоязычном публичном дискурсе. Многолетнее исследование лингвокреативного аспекта разных видов публичного дискурса [Козлова 2018 и др.] позволяет нам заявить о прагмаэстатическом характере метафоры. В любом публичном дискурсе метафора – это всего лишь инструмент, позволяющий объяснять непонятное через понятное, доносить оттенки эмоций и более эффективно моделировать ту или иную реальность. Манипулирование, или внушение, – это речевое воздействие при ослаблении логического начала [Козлова, Костерина 2016]. Но если метафоры помогают логике, а не служат логическому дезориентированию, то в таком случае принято говорить о лингвокреативности, а это уже является достоинством речи, так как эмоционально-интеллектуальное наслаждение метафорой возникает при разрешении психологического («дешифрующего») напряжения при разгадке ее «секрета», обусловленного двуплановой семантикой. С психолингвистических позиций следует говорить не только о возможностях языка, но и о креативных возможностях языковой личности. Причина выбора адресантом языковых средств, обеспечивающих одновременное обращение к разуму и чувству, кроется в особенностях работы нашего мозга. Мы полностью согласны с мнением, выраженном в работе [Тихонова, Тихонов 2015] о том, что метафора – структура, улучшающая и преобразующая весь процесс мышления. Если же говорить о концептуальных базовых, или архетипических, метафорах, то они являются «стабильными параллелями» между семантическим полем источника и семантическим полем цели.

Гипнометафора в обучающем публичном дискурсе

Успешность современных тренеров и тренингов во многом определяется успешностью правильного подбора метафор, которые помогают сформировать представление о предмете, перенося знания из одной области в другую. В результате формируется новый концепт, в котором комбинируются два понятия из разных областей знания. Нами проанализировано около 90 выступлений обучающего публичного дискурса (Радислав Гандапас, Дмитрий Троцкий, Олег Торсунов, Наталья Грейс и др.¹). Выступления были сначала законспектированы, а затем из этого материала методом сплошной выборки выписывались выражения образного характера (имеющие двуплановую семантику). Анализ показал наличие во всех контекстах целого ряда ключевых метафор, которые являются своеобразной терминосистемой.

Интересен тот факт, что ключевые метафоры употребляются в этих примерах преимущественно в составе афористических высказываний (выражений, претендующих на то, чтобы стать афоризмами в силу их смысловой ценности и словесной точности [Козлова 2014]). Подобные языковые средства входят в центральную зону поля лингвокреативности и характеризуются высшей степенью новизны, оригинальности, нестандартности формы или способа выражения суждения о предмете. На чем основан такой вывод? В тексте нет никаких оснований, анализа и т.д., которые приводили бы

---

¹ Известные бизнес-тренеры, общественные деятели, лекторы.

к такому выводу. Под афористическим высказыванием мы подразумеваем суждение (мысль) или особое мнение о каком-либо событии, выраженное в виде речевой формулы и претендующее на то, чтобы стать афоризмом. Афористические высказывания воспринимаются как результат зрелых размышлений, философских раздумий, серьезного анализа большого количества однотипных ситуаций.

Приведем примеры метафор из тренингов Натальи Грейс, связанные с успешностью человека в профессиональной деятельности:

Люди шли, чтобы подпитаться энергетикой лидера, а опылялись идеей (биологическая метафора).

Халыва – это духовная проказа (медицинская).

Симптом тяжелого лица: в России любят ныть и сплетничать (медицинская).

Внутренний кулак: кто не умеет его держать, тот в жизни ничего не добьется (антропоморфная).

Совершите торжественные похороны страха! (антропоморфная)

Не будь душной жабой на добрые слова, иначе эта жаба однажды квакнет в твоей душе так, что мало не покажется! (биологическая)

Три категории людей относительно их отношения к обществу: человек-сорняк; человек-пустышка; человек-искатель (биологическая, бытовая, геологическая).

Крест дается человеку в строжайшем соответствии со спиной (христианская).

Почему речь перед публикой нужно готовить заранее: она будет совершенна, как балет, как танец на льду. Будет работать подготовленность (танцевальная).

Ноты оратора – это глаза слушателей (музыкальная).

Мужество – это не грудью амбразуру закрывать, а уметь говорить «нет» (военная).

Есть люди добрые, но тухлые – тухляки (продуктовая).

Энергетический шлейф от знаменитостей (метафора одежды).

Станьте донором, и пиявки поползут за Вами (медицинская).

Человек недооценивает силу своего мозгового передатчика (техническая).

Мы видим, что эти афористические высказывания содержат в себе метафоры, соединяющие сложные психологические поведенческие реакции с простыми и понятными даже детям семантическими плоскостями, выстраивающимися автором преимущественно в антропоморфные метафорические модели (человек – продукт питания; страх – человек, так как его можно «похоронить»; болезнь души человека – жаба, которая душит; люди – цветы, которые можно «опылить» идеей; речь перед публикой – танец и т.п.), которые являются в этом случае частью прагматической пресуппозиции. Прагматические пресуппозиции, как известно, определяют эффективность высказывания. Ассоциативно-семантическое поле этих метафор не отличается высокой степенью непредсказуемости, оригинальности, однако именно это и обуславливает их успех в составе афористических высказываний с целью убеждения в публичном академическом дискурсе.

Резюме

В данном исследовании образная речь исследовалась нами в обучающем публичном дискурсе, который является персуазивным видом дискурса, то есть таким, в котором используются средства речевого воздействия. В результате проведенного анализа можно сделать вывод, что эффективная тренинговая концепция обучающего публичного дискурса предполагает осуществление речевого воздействия в системе метафор,

которые чаще всего являются архетипами сознания и входят в базовый слой концептосферы (медицинские, антропоморфные, биологические и др.). Эти метафоры связывают простые области жизни со сложными, вызывают эстетическое наслаждение и обладают прагматической и гипнотической направленностью. Таким образом, популярные современные психологические тренинги – это своего рода сеансы групповой психотерапии, где информация подается в «живом потоке» правополушарных механизмов с участием работы зеркальных нейронов.

Литература

Абросимова Ю.А. Виды и функции гипнотических метафор в психологическом консультировании // Вестник психиатрии и психологии Чувашии. 2015. №11(2). С. 121–145.

Бехтерев В.М. Объективная психология. М.: Наука, 1991. 475 с.

Гиллиген С. Терапевтические транссы. Руководство по эриксоновской гипнотерапии. М.: Класс, 1997. 416 с.

Горбунова Н.Н., Алимуратов О.А. Метафорические модели терминологизации в английской терминосистеме сферы менеджмента: гендерный аспект // Вопросы когнитивной лингвистики. 2015. №3 (44). С. 90–98.

Горбунова Е.В., Фатеева К.Н., Хаидов С.К. Коррекция психосоматических расстройств на основе иррационального мышления: тезисы доклада // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2017. № 4 (16), С. 136–137.

Зарецкая Е.Н. Риторика: Теория и практика речевой коммуникации. М.: Дело, 1998. 480 с.

Зайцева Ю.С. Зеркальные клетки и социальная когниция в норме и при шизофрении // Социальная и клиническая психиатрия. 2013. №2. С. 96–105.

Игнатова Ю.П., Макарова И.И., Зенина О.Ю., Аксенова А.В. Современные аспекты изучения функциональной межполушарной асимметрии мозга (обзор литературы) // Экология человека. 2016. № 9. С. 30–39.

Козлова Е.А. Лингвокреативность управленца. Киров: ФГБОУ ВПО Вятская ГСХА, 2014. 190 с.

Козлова Е.А. Файловое устройство концептуального пространства // Вопросы когнитивной лингвистики. 2015. № 4. С. 134–137.

Козлова Е.А. Речевое воздействие в публичной деловой коммуникации: монография. Киров: Вятская ГСХА, 2018. 103 с.

Козлова Е.А., Костерина Д.С. Логическое дезориентирование как способ речевого воздействия в СМИ // Crede Experto: транспорт, общество, образование, язык. 2016. № 1. С. 87–97.

Колотнина Е.В. Метафорическое моделирование действительности в русском и английском экономическом дискурсе: дисс. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2001. 246 с.

Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. Теория метафоры. М., 1990. С. 387–415.

Липская Т.А. Возможности метафоры как психологического метода // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2009. №11. С. 691–695.

Панкратова С.А. Развернутая метафора в манипулятивном дискурсе // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2018. №3 (31). С. 48–53.

- Седов К.Ф.* Нейропсихоллингвистика. М.: Лабиринт, 2007. 220 с.
- Сидоров Е.В.* Онтология дискурса. М.: Либроком, 2009. 232 с.
- Тихонова И.В., Тихонов И.А.* Метафора в когнитивных исследованиях // Вестник Череповецкого государственного университета. 2015. № 7 (68). С. 64–69.
- Шелестюк Е.В.* Речевое воздействие: онтология и методология исследования. М.: ФЛИНТА: Наука, 2014. 344 с.
- Ширяева Т.А.* Когнитивное моделирование институционального делового дискурса: дис. ... д-ра филол. наук. Краснодар. 2008. 544 с.
- Чудинов А.П.* Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2003. 248 с.
- Эриксон Б.Э.* Новые уроки гипноза. М.: Класс, 2002. 208 с.
- Япко М.* Трансовая работа. Введение в практику клинического гипноза. М.: ИПиКП, 2013. 720 с.

HYPNOTIC METAPHOR AS A DISCURSIVE MECHANISM OF SPEECH INFLUENCE

(a case study of psychological trainings by Natalia Grace)

Elena A. Kozlova

Ph.D. in Philology

Associate Professor

Department of Foreign Languages

Vyatka State Agricultural Academy

133, Oktyabrsky Av., Kirov, Russia, 610004

elena.kozlova1234@mail.ru

The article deals with the concept of hypnotic metaphor in psychiatry and linguistics and explores its application in the situation of public teaching discourse. The right-hemisphere mechanisms of perception are considered in order to detect sensory images, represented in the universal object code, since the processes of mastering the facts, which are based on similarity, adjacency, imagery, take place in the right hemisphere. The connection of mirror neurons with metaphorical thinking is assumed. The classification of metaphor types in psychotherapeutic literature is given. The article analyzes the performance of modern speaker-coaches, given as lectures, trainings, conversations and designed to effectively change the emotional mood and categorical constructs of listeners. Otherwise, listeners simply will not buy tickets for these events. It is concluded that modern lecture trainings are a kind of group psychotherapy session. Information is fed in a 'live stream' of right-hemisphere mechanisms involving mirror neurons. Coach rhetoric is a system of metaphors that are archetypes of consciousness and are part of the basic layer of the conceptual framework.

Keywords: hypnotic metaphor, metaphorical communication, right hemisphere mechanisms

References

- Abrosimova Yu.A.* Vidy i funkcii gipnoticheskikh metafor v psihologicheskom konsul'tirovanii [Types and functions of hypnotic metaphors in psychological consultancy] // Vestnik psikiatrii i psihologii Chuvashii [The Bulletin of Chuvash Psychiatry and Psychology], 2015, Vol. 11. Issue 2, P. 121–145. (In Russian).

Bekhterev V.M. Ob'ektivnaya psihologiya [Objective Psychology]. M.: Nauka, 1991. 475 p. (In Russian).

Gilligen S. Terapevticheskie transy. Rukovodstvo po eriksonovskoj gipnoterapii [Hypnotic trances. Guide to Erickson's hypnotherapy]. M.: Klass, 1997. 416 p. (In Russian).

Gorbunova N.N., Alimuradov O.A. Metaforicheskie modeli terminoderivacii v anglijskoj terminosisteme sfery menedzhmenta: gendernyj aspekt [Metaphorical models of term derivation in the English management terminology system: gender aspect] // Voprosy kognitivnoj lingvistiki [Issues of Cognitive Linguistics], 2015, Vol. 3. Issue 44. P. 90–98. (In Russian).

Gorbunova E.V., Fateeva K.N., Haidov S.K. Korrekciya psihosomaticeskikh rasstrojstv na osnove irracional'nogo myshleniya: tezisy doklada [Psychosomatic disorders correction on the basis of irrational thinking: report theses] // Ekonomicheskie i social'no-gumanitarnye issledovaniya [Economic and Social Research], 2017, vol. 4. No. 16. P.136–137. (In Russian).

Zareckaya E.N. Ritorika: Teoriya i praktika rechevoj kommunikacii [Rhetoric: theory and practice of speech communication]. M.: Delo, 1998. 480 p. (In Russian).

Zajceva Yu.S. Zerkal'nye kletki i social'naya kogniciya v norme i pri shizofrenii [Mirror neurons and social cognition in norm and in schizophrenia]. Social'naya i klinicheskaya psihiatriya [Russian Society of Psychiatrists], 2013, Issue 2. P. 96–105. (In Russian).

Ignatova Yu.P., Makarova I.I., Zenina O.Yu., Aksenova A.V. Sovremennye aspekty izucheniya funkcional'noj mezhpolutsharnoj asimmetrii mozga (obzor literatury) [Current aspects of functional interhemispheric brain asymmetry studying (literature review)] // Ekologiya cheloveka [Human Ecology], 2016, Issue 9. P. 30–39. (In Russian).

Kozlova E.A. Lingvokreativnost' upravlenca [Language creativity of a manager]. Kirov: FGBOU VPO Vyatskaya GSKHA, 2014. 190 p. (In Russian).

Kozlova E.A. Fajlovoe ustrojstvo konceptual'nogo prostranstva [File organization of conceptual sphere] // Voprosy kognitivnoj lingvistiki [Issues of Cognitive Linguistics], 2015, Issue 4. P. 134–137. (In Russian).

Kozlova E.A. Rechevoe vozdejstvie v publichnoj delovoj kommunikacii [Linguistic manipulation in public business communication]. Kirov: Vyatskaya GSKHA, 2018. 103 p. (In Russian).

Kozlova E.A., Kosterina D.S. Logicheskoe dezorientirovanie kak sposob rechevogo vozdejstviya v SMI [Logical disorientation as means of linguistic manipulation]. Crede Experto: transport, obshchestvo, obrazovanie, yazyk [Crede Experto], 2016, Issue 1. P. 87–97. (In Russian).

Kolotnina E.V. Metaforicheskoe modelirovanie dejstvitel'nosti v russkom i anglijskom ekonomicheskom diskurse [Metaphorical modeling of reality in Russian and English economic discourse]: diss. ... kand. filol. nauk. Ekaterinburg, 2001. 246 p. (In Russian).

Lakoff Dzh., Dzhonson M. Metafory, kotorymi my zhivem. Teoriya metafory [Metaphors we live by. Theory of metaphor]. M., 1990. P. 387–415. (In Russian).

Lipskaya T.A. Vozmozhnosti metafory kak psihologicheskogo metoda [Possibilities of metaphor as a psychological method]. Izvestiya Samarskogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk [Izvestia of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences], 2009, Issue 11. P. 691–695. (In Russian).

Pankratova S.A. Razvernutaya metafora v manipulyativnom diskurse [Extended metaphor in manipulative discourse]. Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoy

lingvistiki [Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics]. 2018, Issue 3 (31). P. 48–53. (In Russian).

Sedov K.F. Nejropsiholingvistika [Neuropsycholinguistics]. M.: Labirint, 2007. 220 p. (In Russian).

Sidorov E.V. Ontologiya diskursa [Ontology of discourse]. M.: Librokom, 2009. 232 p. (In Russian).

Tihonova I.V., Tihonov I.A. Metafora v kognitivnyh issledovaniyah [Metaphor in cognitive studies]. Vestnik Cherepoveckogo gosudarstvennogo universiteta [Cherepovets State University Bulletin]. 2015. Issue 7 (68). P. 64–69. (In Russian).

Selestyuk E.V. Rechevoe vozdejstvie: ontologiya i metodologiya issledovaniya [Linguistic Manipulation: Ontology and Methodology]. M.: FLINTA: Nauka, 2014. 344 p. (In Russian).

Shiryayeva T.A. Kognitivnoe modelirovanie institucional'nogo delovogo diskursa [Cognitive modeling of institutional business discourse]: dis. ... d-ra filol. nauk. Krasnodar. 2008. 544 p. (In Russian).

Chudinov A.P. Metaforicheskaya mozaika v sovremennoj politicheskoy kommunikacii [Metaphorical Mosaic in Modern Political Communication]. Ekaterinburg: Ural.gos. ped. un-t, 2003. 248 p. (In Russian).

Erikson B.E. Novye uroki gipnoza [New Hypnosis Lessons]. M.: Klass, 2002. 208 p. (In Russian).

Yapko M. Transovaya rabota. Vvedenie v praktiku klinicheskogo gipnoza [Introduction to Clinical Hypnosis]. M.: IPIKP, 2013. 720 p. (In Russian).

О КОГНИТИВНЫХ ОСНОВАНИЯХ ЛЕКСИЧЕСКОЙ КЛАССИФИКАЦИИ ПРЕДМЕТНОГО МИРА

Кошелев Алексей Дмитриевич,

Гл. ред. издательского дома ЯСК,
107031, Москва, ул. Большая Лубянка, д. 13/16, стр. 1,
koshelev47@gmail.com

В статье предложен сенсорный язык мысли (набор когнитивных единиц и отношений), посредством которого даны невербальные определения пяти понятий: КРЕСЛО, КРУЖКА, ОБРАГ, ОЗЕРО и ДЕРЕВО. Эти определения задают понятия на двух последовательных уровнях детализации. На первом уровне понятия задаются как целостные когнитивные единицы. На втором, более дробном уровне, эти же понятия определяются как партитивные системы – иерархические системы своих частей – более мелких понятий, на которые они дифференцируется. Показана важная познавательная роль партитивной системы. Она, во-первых, дает человеку углубленное понимание окружающих объектов через понимание роли их частей, и, во-вторых, служит основой для образования иерархии понятий по степени их общности. Нижние уровни этой иерархии занимают конкретные сенсорные концепты, а верхние уровни занимают несенсорные, в частности функциональные концепты. Высказана гипотеза, что такая партитивная система присуща всем окружающим человека видимым объектам. Более того, эта система является видоспецифической характеристикой человеческой репрезентации видимого мира, поскольку объясняет его способность целенаправленно изменять этот мир. Зная функции частей объекта, человек может менять эти части и их функции в нужном ему направлении.

Ключевые слова: лексическое значение, иерархия значений, язык мысли, невербальные определения значений, образование значений

1. Введение

При изучении структуры человеческих знаний и способов их хранения в памяти необходимо прежде всего понять, из каких когнитивных единиц эти знания складываются? Этому вопросу, а также вопросу о характере представления знаний в человеческой памяти (в пропозициональной форме, в виде ментальных образов и др.) было посвящено немало работ [Pylyshin 1973, Kosslyn 1973, Ричардсон 2006, Шепард, Метцлер 2011, Pylyshin 2003, Kosslyn 2005, Барсалу 2011]. Отдельным направлением исследования этой темы стала теория двойного кодирования [Paivio 1971, 1986]. Ее основной тезис сводится к следующему: человеческие знания состоят из единиц двух типов: вербальных, фиксирующих языковую информацию, и невербальных, или образных, хранящих информацию о неязыковых объектах и событиях. При этом практически любая, даже чисто языковая информация, включает наряду с вербальными и образные единицы.

Для лингвиста этот принцип не нов. Он издавна применяется в словарных толкованиях, когда вербальное описание значения сопровождается изображением типичного референта толкуемого слова. Например, толкование слова *apple* в [Longman 2009] имеет вид:

(1) Apple – a hard round fruit that has red, light green or yellow skin and is white inside, see picture.

Одна из главных особенностей предлагаемого подхода заключается в том, что в представлениях человеческих понятий, наряду с образными единицами, вместо вербальных, как у А. Пайвио, используются чисто **функциональные** единицы (цель, назначение, мотив, желание, гипотеза, вывод, результат и под.), не имеющие ни образных, ни вербальных компонентов. Они составляют строгую оппозицию образным единицам (шире, перцептам), поскольку имеют принципиально иную природу. Если перцепты **экзогенны** – являются продуктами внешнего воздействия на сенсорный аппарат человека, – то функции, напротив, имеют **эндогенную** природу, поскольку представляют собой внутренние отклики человека (его физиологической и мыслительной систем) на воспринятые образы. Заметим, что по существу об этой дихотомии когнитивных единиц пронизательно писал И.М. Сеченов почти 150 лет назад: «Наряду с восприятиями из внешнего мира человек непрерывно получает впечатления от собственного тела <...>. Первая половина чувствования имеет, как говорится, объективный характер, а вторая – чисто субъективный. Первой соответствуют предметы внешнего мира, а второй – чувственные состояния собственного тела – *самоощущения*» [Сеченов 1952: 388; *курсив автора*].

Эти *самоощущения* мы и называем эндогенными единицами, или функциями (в широком смысле этого слова). Разумеется, речь идет о типизированных перцептах и функциях, хранящихся в долговременной памяти человека.

Таким образом, далее при описании простых человеческих понятий – лексических значений предметных существительных типа *кресло, кружка, озеро, дерево* и под. будет использоваться модифицированное двойное кодирование, в котором вторыми составляющими для перцептивных единиц будут **не вербальные, а функциональные (эндогенные) единицы**. Подчеркнем: типичные образы (прототипы) и функции являются атомарными когнитивными единицами, которые сами по себе не имеют для человека смысла. Прототип не содержит информации о реакции на него человека: чем именно он интересен (полезен или вреден). Функция же, напротив, содержит такую характеристику, но не указывает, какой прототип является ее носителем. Осмысленными когнитивными единицами, или понятиями, выражающими **осмысленные фрагменты действительности**, являются пары «Образный прототип ← Функция», объединенные отношением пространственного совмещения (стрелка). Оно (отношение) указывает, что данный прототип является носителем данной функции. Иначе говоря, функция принадлежит прототипу, локализована в нем.

Множества прототипов и функций вместе с отношением интерпретации образуют сенсорный язык мысли, посредством которого ниже даются невербальные определения предметным лексическим значениям.

2. Сенсорные концепты

Проиллюстрируем возможности введенного языка мысли для определения конкретных понятий. Рассмотрим сначала краткие дефиниции:

(2)

а. КРУЖКА = Прототип (типичный образ кружки) ← Функция ‘Позволяет пить из нее **горячий напиток, держа рукой за ручку**’;

б. ОЗЕРО = Прототип ← Функция ‘**большая масса** стоячей пресной воды – источника пищи и питья, которая постоянно удерживается от растекания’;

с. ДЕРЕВО = Прототип ← Функция ‘Растет само собой и порождает семена (плоды)’.

Полезно теперь соотнести эти определения с лексическими значениями и предметной классификацией мира. Как известно, в языке предметную категоризацию мира задают основные значения предметных существительных. Основным значением существительного принято называть наиболее конкретное и наглядное из его значений, отражающее согласно определению академика В.В. Виноградова «понимание “кусочка действительности” и его отношений к другим элементам той же действительности» [Виноградов 1977: 163]. Я называю это значение сенсорным, поскольку, зная его, носитель языка только по внешнему виду предмета (без участия контекста и дополнительных знаний) сразу определяет, является он референтом слова или нет. Слова, имеющие сенсорные значения, я называю **сенсорными** (о традиции использования этого термина см.: [Кошелев 2017: § 12, п. 1.1]). Для сравнения: у значений функциональных существительных *дурак*, *сорняк*, *хищник* и под. нет сенсорного прототипа, по которому носитель языка может распознать референты этих слов. У них есть только функциональная составляющая, поэтому для идентификации их референтов требуются дополнительные знания.

Из определения В.В. Виноградова следует, что предметное значение существительного состоит из двух компонентов: а) описания «кусочка действительности» (главный компонент) и б) описания его связей с окружением (дополнительный компонент).

Далее мы сосредоточим внимание на главном компоненте, который задает категорию референтов существительного. Следуя Виноградову, можно утверждать, что понятия (2) определяют главные компоненты лексических значений *кружка*, *озеро* и *дерево*, поскольку они строго задают класс референтов слова. Далее я буду называть такие понятия **сенсорными концептами**. Как можно видеть, сенсорные концепты весьма схожи с концептами базового уровня. Поэтому в процессе их изучения я буду двигаться в русле направления исследований, связанного с работами [Berlin et al. 1974; Brown 1965; Gallese & Lakoff 2005; Lakoff 1987; Mervis 1984, 1987; Rakison 2000; Rosch 1975, 1978; Rosch & Mervis 1975; Rosch et al. 1976; Tversky et al. 2008].

Дадим более детальные определения конкретных сенсорных концептов.

(3) Сенсорный концепт КРЕСЛО =

Прототип		Функции
 <p>Стоит, контактируя нижними частями с горизонтальной поверхностью</p>	←	<p>‘<u>Артефактный объект</u>, позволяет одному человеку сидеть в устойчивой (расслабленной) позе, в которой удобно отдыхать (человек может дремать, не опасаясь упасть)’</p>

Поскольку сенсорный концепт входит главным компонентом в основное значение слова, можно записать:

(3') Основное значение слова *кресло* $\approx$ Сенсорный концепт КРЕСЛО (3).

Важное свойство определения (3) заключается в том, что оно имеет сугубо когнитивный, невербальный статус: ни прототип, ни функция концепта не определяются с помощью слов естественного языка. Поясним этот тезис применительно к термину «функция». Как уже отмечалось выше, даже первичные визуальные образы предметов и физических действий не могут быть чисто перцептивными. Человек произвольно приписывает им исходные функциональные характеристики (удовольствие, интерес, опасность и пр.), связанные с использованием этих вещей. Как подчеркивал Л. С. Выготский: «От каждого предмета исходит как бы аффект, притягательный или отталкивающий, побуждающая мотивация к ребенку... Как образно говорил Левин, лестница манит ребенка, чтобы он пошел по ней, дверь, чтобы он ее закрыл и открыл; колокольчик – чтобы он в него позвонил... Словом, каждая вещь... имеет аффективную валентность для ребенка... провоцирует его на действие, т. е. направляет его» [Выготский 2004: 134, 135].

В процессе развития ребенка из этих первичных функциональных характеристик вырастают человеческие интерпретации (в широком смысле) воспринимаемых явлений окружающего мира. Функции человек приписывает воспринимаемому явлению на основе своего опыта, благодаря чему у него возникает понимание явления. Например, человек видит неподвижно стоящее дерево – это визуальная характеристика. Ей он приписывает функциональную характеристику: ‘сохраняет равновесие благодаря корням, удерживающим дерево от падения’. Воспринятый контакт берега озера с водой – визуальная характеристика, которой приписывается функциональная характеристика: ‘берег препятствует растеканию воды’. Ветке дерева приписывается функциональная характеристика: ‘питает плоды и листья, получая питание от ствола дерева’.

Обратимся к функции концепта (3). Словесная формулировка не является ее определением. Она лишь указывает на **психофизическое состояние** (самоощущение, по Сеченову) человека, сидящего в кресле, т.е. на комплекс определяющих это состояние типизированных ощущений и целей человека: положение тела и его частей, равновесие, его мотив и др. В соответствии с исследованиями Дж. Циня [Tsien 2008; Tsien et al. 2013] в области изучения памяти, такой комплекс ощущений задается подсистемами нервной системы человека (лимбической, вестибулярной, соматической, мозжечка и др.) и фиксируется нейробиологическим кодом памяти, объединяющим данные от этих подсистем, подробнее, см. [Кошелев 2017: гл.3]. Так, в нейробиологическом коде памяти психофизического состояния человека «сидеть в кресле» присутствуют данные от соматической подсистемы: ее проприорецепторы фиксируют неподвижное положение тела, специфическое расположение его частей – спины, зада, рук и ног – и характер их опор. В этот код входят также данные от мозжечка (состояние полной устойчивости неподвижного положения тела) и от лимбической подсистемы (мотив – желание отдохнуть, расслабиться). В то же время вестибулярная подсистема не вносит своего вклада в этот код памяти, поскольку при неподвижности тела ее рецепторы не возбуждаются (в отличие, скажем, от кода памяти психофизического состояния «человек идет»). Из сказанного следует, что функция представляет собой вклад в человеческие понятия ментальности и телесного опыта, ср.: [Rosch 1978, Lakoff 1987, Varela et al. 1991].

Продолжу определение концептов на языке мысли.

(4) Сенсорный концепт КРУЖКА=

Прототип		Функции
	←	‘Артефактный объект, позволяет пить из нее горячий напиток; кружку с напитком держат рукой за ручку, периодически прикладывая ее верхний край к губам и отпивая из нее порцию налитой в нее жидкости’

Дуальная структура «Прототип ← Функция» присуща не только артефактным, но также природным и живым объектам, поскольку все они получают в человеческом социуме типичные интерпретации. Поясню эти термины. Я называю объект **живым**, если он: а) существует (сохраняет свои основные свойства) благодаря внутренней активности (затрате внутренней энергии, добываемой извне) и б) каждая его часть существует благодаря своей внутренней активности и взаимодействию с окружающими частями. Таким образом, объекты типа *робот, огонь, солнце, коралловый риф, тесто, вулкан, природный ключ* не являются живыми, подробнее см.: [Кошелев 2015: 211–220]. **Природным** называется косный (не живой) объект естественного происхождения (не артефакт). Например, тропинка – это природный объект, поскольку ее возникновение не обусловлено заранее заданной целью, а дорога – артефакт.

(5) Сенсорный концепт ОЗЕРО =

Прототип		Функция
 Расположено на поверхности земли	←	‘Природный объект, большая масса стоячей пресной воды – источника пищи и питья, которая постоянно удерживается от растекания’

(5') Основное значение слова *озеро* ≈ Сенсорный концепт ОЗЕРО.

(6) Сенсорный концепт ДЕРЕВО =

Прототип		Функция
 Расположено вертикально, нижняя часть погружена в землю	←	‘Живой, ценный для человека объект, растет сам собой, добывая питание из земли; периодически порождает семена (плоды)’

(6') Основное значение слова *дерево* ≈ Сенсорный концепт ДЕРЕВО.

3. Партитивная система сенсорного концепта

Этот раздел посвящен представлению сенсорных концептов в виде систем их частей. Конфигурациям частей объектов и их роли в процессах восприятия объектов и взаимодействия с ними посвящено немало работ [Miller & Johnson-Laird 1976; Tversky & Hemenway 1984; Tversky et al. 2008; Zacks & Tversky 2001].

В процессе когнитивного развития ребенка его сенсорные концепты трансформируются в иерархические системы своих частей, или **партитивные системы** [Кошелев 2019: гл. 1]. Поскольку это одно из центральных понятий статьи, рассмотрим его подробнее.

Возьмем для примера сенсорный концепт (3) КРЕСЛО. Он разлагается на следующие части:

(7)

СПИНКА = Прототип спинки ← Функция ‘Опора для спины’;

СИДЕНЬЕ = Прототип сиденья ← Функция ‘Опора для зада’;

ПОДЛОКОТНИК = Прототип подлокотника ← Функция ‘Опора для руки’;

НОЖКА = Прототип ножки ← Функция ‘Опора для сиденья’.

Соединяясь друг с другом, эти части составляют целое кресло, следовательно, их совокупная функция тождественна общей функции недифференцированного кресла (3). Важно понять, каким образом функции частей (7) складываются в общую функцию. Прежде всего следует отметить, что эти части функционально не равноправны. Функция сиденья несет основную долю общей функции кресла, поскольку она обеспечивает человеку сидячую позу. Поэтому часть СИДЕНЬЕ (выделена темным цветом) будет называться главной частью, а остальные части – дополнительными **к ней**. Каждая из них своей функцией дополняет главную функцию: спинка, которая позволяет сидящему человеку опереться спиной; подлокотники, дающие возможность сидящему человеку опереться локтями и т.д. Как видно, функция каждой части присоединяется к функции главной части (складывается с ней) независимо от других частей и их расположения. Условимся обозначать бинарное отношение между главной и дополнительной частью двойной стрелкой (↔) и называть **ролевым отношением**. Оно задает иерархию. В результате получаем три ролевых отношения:

(8)

a. СИДЕНЬЕ 1 => СПИНКА;

b. СИДЕНЬЕ 2 => НОЖКИ;

c. СИДЕНЬЕ 3 => ПОДЛОКОТНИКИ.

Ролевое отношение указывает такое расположение дополнительной части относительно главной, при котором ее дополнительная функция объединяется (складывается) с главной функцией. А именно: в (8a) спинка должна располагаться сзади от сиденья и быть наклонена к нему под углом больше 90 градусов, в (8c) подлокотники должны находиться над боковым краями сиденья на определенной высоте от него, а в (8b) ножки должны присоединяться к нижней стороне сиденья.

Ролевые отношения вместе с их аргументами далее будут называться партитивными **биконцептами**. Объединяясь по своему главному аргументу – сиденью, партитивные биконцепты (8) задают иерархическую партитивную систему (9):

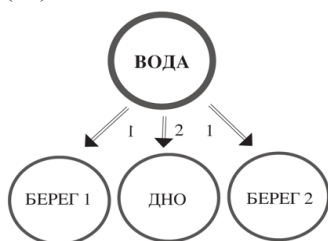
(9)

Она аутентична дуальному концепту (3) КРЕСЛО, поскольку их функции тождественны.

Покажем на примерах, что иерархическая партитивная система типа (9) (с центральной главной частью в вершине иерархии и окружающими ее дополнительными частями на втором уровне) присуща не только артефактным, но также природным, в частности, живым концептам. Например, партитивная система природного концепта (5) ОЗЕРО имеет вид (10):

(10)

Она идентична концепту ОЗЕРО, поскольку функции берегов и дна в совокупности выполняют его функцию – постоянно удерживают от растекания воду озера.

Рассмотрим теперь партитивную систему концепта (4) КРУЖКА. Здесь сразу возникает вопрос: какая часть кружки является главной? Для ответа воспользуемся правилом: главная часть располагается в середине концепта. Но в середине кружки пустота! Тем не менее, эта пустота, точнее, внутреннее пространство кружки, и является ее главной частью. Ведь кружка сделана для того, чтобы в нее можно было налить горячий напиток, а затем удобно пить его, держа кружку рукой. Остальные части кружки: ручка, дно, стенки и края обеспечивают этот процесс – создают контейнер и возможность для руки манипулировать им. В итоге получаем партитивную систему (11) концепта (4) КРУЖКА:

(11)

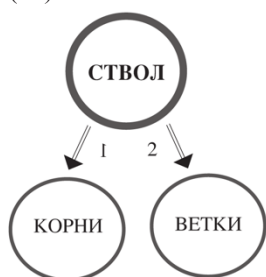

Как мы видим, партитивные системы (11) КРУЖКА и (10) ОЗЕРО весьма схожи, только в качестве главной части в (10) вместо стоячей воды фигурирует внутреннее пространство.

Партитивная система концепта ОБРАГ аналогична (11). Его главная часть – **ВНУТРЕННЕЕ ПРОСТРАНСТВО** с функцией ‘представляет опасность для падения в него’. А вокруг него располагаются дополнительные части: дно, склоны, края.

Концепт (6) ДЕРЕВО содержит три части: ствол (главная часть), корни и ветки (с плодами/семенами и листьями). Поэтому его партитивная система имеет вид (12):

(12)

Теперь можно легко объяснить обоснованность сформулированных выше функций природных концептов: эти функции, разлагаясь на частные функции, образуют **известные** нам части этих концептов. Наши знания о частях дерева и их функциях с очевидностью приводят нас к формулировке общей функции дерева. Аналогично и с частями озера. А поскольку объект делится на основные части **единственным образом**, других кандидатов на функцию дерева или озера нет.

4. Иерархия концептов

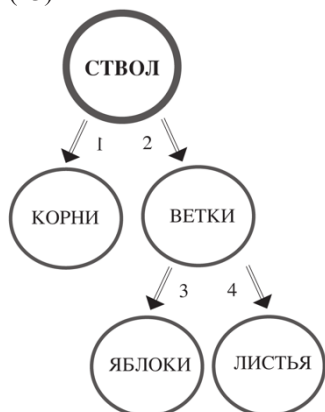
4.1. Различные модификации партитивной системы. Партитивная система является главной характеристикой сенсорного концепта. Сенсорные концепты могут иметь разную степень общности и, соответственно, принадлежать к разным уровням иерархии. Например, концепт ЛИСТВЕННОЕ ДЕРЕВО относится к более высокому уровню иерархии, чем концепты ДУБ и ЯБЛОНЯ. Покажем на примере классификации растений, см. рис. 1, что иерархия сенсорных концептов порождается различными модификациями партитивных систем и их частей [Кошелев 2020].

7.	РАСТЕНИЕ	
6.	ОДНОСТВОЛЬНОЕ РАСТЕНИЕ	ДРУГИЕ РАСТЕНИЯ
5.	ДЕРЕВО	ПАЛЬМА, и др.
4.	ХВОЙНОЕ ДЕРЕВО	ЛИСТВЕННОЕ ДЕРЕВО
3.	ПЛОДОВОЕ ДЕРЕВО	НЕПЛОДОВОЕ ДЕРЕВО
2.	ЯБЛОНЯ	ГРУША, и др.
1.	ЯБЛОНЯ-АДМИРАЛ	ЯБЛОНЯ-САНТАНА, и др.

Рис. 1. Иерархическая классификация растений. Уровни 1-5 задают иерархию (по степени общности) сенсорных концептов, а уровни 6–7 – иерархию несенсорных концептов (6 – гетерогенный, а 7 – функциональный концепты). Темным цветом выделена полная ветвь иерархии от самой общего элемента (**РАСТЕНИЕ**) до самого конкретного (**ЯБЛОНЯ АДМИРАЛ**).

Рассмотрим концепт ЯБЛОНЯ. Он имеет трехуровневую партитивную систему, поскольку каждая ветка своими дополнительными частями (листьями и плодами) образует еще один уровень иерархии, см. (13).

(13)

ЯБЛОНЯ – это конкретный концепт. В нем заданы видовые характеристики плода («яблоко») и листа («яблоневый лист»). Покажем, как более общий или более конкретный концепт получается из концепта ЯБЛОНЯ модификациями какого-то элемента (части) его партитивной системы.

1-й тип модификации: замена элемента на более конкретный. Заменяем видовой плод «яблоко» в партитивной системе (9) на подвидовой – на сорт яблока адмирал. Тогда получится более конкретный концепт ЯБЛОНЯ АДМИРАЛ (1-й уровень иерархии, рис. 1).

2-й тип модификации: замена элемента на альтернативный элемент того же уровня общности. Заменяем в (9) видовой плод «яблоко», на плод «груша». Тогда получится другой концепт ГРУША того же уровня.

3-й тип модификации: замена элемента на более общий. Заменяем видовые концепты на родовые: «яблоко» – на «плод», а «яблоневый лист» – на «плоский лист». Тогда получится более общий концепт ПЛОДОВОЕ ДЕРЕВО (3-й уровень).

4-й тип модификации: удаление элемента. Удалим элемент «плод», и оставим элемент «плоский лист», тогда получится концепт НЕ ПЛОДОВЫЕ ДЕРЕВЬЯ (среди хвойных деревьев нет плодовых; кедровые орехи – это семена, а не плоды) (тот же 3-й уровень).

Заменяем теперь элемент «плоский лист» на альтернативный «игольчатый лист», тогда получится альтернативный концепт ХВОЙНОЕ ДЕРЕВО (4-й уровень).

5-й тип модификации: придание элементу факультативного статуса (может быть, а может и не быть). Объявим элемент «плод» факультативным. В этом случае получится более общий концепт – ЛИСТВЕННОЕ ДЕРЕВО, включающий плодовые и неплодовые лиственные деревья (тот же 4-й уровень).

Если теперь в этом концепте элемент «плоский лист» заменить более общим элементом «лист», включающим также «игольчатый лист», то получится наиболее общий сенсорный концепт ДЕРЕВО, включающий лиственные и хвойные деревья (5-й уровень).

4.2. Гетерогенные концепты. Во многих языках имеются слова типа *мебель, посуда, обувь*, задающие особого типа категории [Armstrong et al. 1983; Bolinger 1992; Rosch 1975; Rosch & Mervis 1975; Wierzbicka 1992; Вежицкая 2011; Zubin & Köpcke 1986]. В статьях [Rosch 1975; Rosch & Mervis 1975] экспериментально показано, что суперординарные категории типа *птица* и *мебель* являются категориями семейного сходства, поскольку их члены не имеют общих атрибутов, определяющих категорию, см. также [Armstrong et al. 1983: 271, 301]. А. Вежицкая [Wierzbicka 1992, Вежицкая 2011] в процессе детального анализа категорий типа *мебель*, выявила их специфику, однако пришла к сходному выводу: они не являются таксономическими категориями с четкими границами:

«Птица – таксономическое понятие, соотносимое с определенным «типом живых существ». Между тем мебель – отнюдь не таксономическое понятие: это СОБИРАТЕЛЬНОЕ понятие..., которое соотносится с совокупностью предметов разных типов. Нельзя сказать «три мебели», но можно – «три птицы»; нельзя представить себе или нарисовать предмет мебели вообще, но можно нарисовать птицу вообще. <...> Понятие 'мебель' с полным основанием может считаться «размытым» – равно как и другие понятия, закодированные собирательными существительными, обозначающими разнородные совокупности объектов (*кухонная утварь, посуда, одежда* и т.п.) [Вежицкая 2011: 100–101].

С одной стороны, А. Вежицкая совершенно права: члены категории *мебель (посуда, одежда* и т.д.) не имеют общего прототипического образа. С другой стороны, как показывает анализ, все они имеют общую часть, которая позволяет их идентифицировать. Поэтому эти категории вполне можно отнести к таксономическим категориям с четкими границами.

Поскольку понятия, задающие эти категории, уже не являются сенсорными (у них нет прототипов), я буду называть их **гетерогенными**. В рамках предложенной иерархии они получают следующее определение: гетерогенный концепт задается **редуцированной** партиитивной системой, в которой **остается только главная часть** – вершина иерархии. Все остальные части становятся факультативными и потому могут отсутствовать. Это **шестой вариант модификации** партиитивной системы. Проиллюстрируем его.

4.2.1. Гетерогенный концепт ОБУВЬ. Анализ показывает, что главной частью любой обуви является подошва, которая служит прокладкой между подошвой ноги и землей. Она защищает ногу от повреждений при ходьбе. Подошва имеется у пляжных тапочек и кроссовок, у туфель на шпильке и солдатских сапог. В то же время, бахилы не относятся к обуви, поскольку не защищают подошвы ног. По этой же причине и галоши не являются обувью, поскольку защищают обувь, ср., в частности, выражения: *галоши для обуви/на обувь*. Не относятся к обуви и носки, поскольку они не предназначены для контакта с землей.

4.2.2. Гетерогенный концепт ПОСУДА. Главной частью концепта ПОСУДА является емкость, в которую помещается еда или питье: тарелка, чашка, рюмка, соусник, кастрюля, сковородка, банка и пр. Не относятся к посуде столовые приборы: ножи, вилки, ложки и пр. Можно предположить, что исходно ложка относилась к посуде (имеет емкость для пищи). Но с появлением в арсенале едока вилки и ножа, она, по-видимому, перекечевала в класс столовых инструментов. В то же время, ваза, поднос, пепельница имеют емкость, но не относятся к посуде, поскольку они несут другие функции – в них не кладут еду и не наливают питье.

4.2.3. Гетерогенный концепт МЕБЕЛЬ. Главной частью этого концепта является горизонтальная плоскость, расположенная в доме над поверхностью пола и предназначенная для размещения на ней человека или вещей. Такой плоскостью обладают *стол, кресло, диван, книжная полка, тумбочка, сервант* и пр. Соответственно, не относятся к мебели *пол, спальный мешок, дверь, подоконник* (не используется для размещения вещей), ванна и пр. Можно возразить: но платяной шкаф может не иметь горизонтальной полки. Это верно, но ее функцию выполняет горизонтальный шест, на котором висят платья. Он является главной частью шкафа и его можно трактовать как вырожденную горизонтальную плоскость.

Для полноты классификации растений введем гетерогенный концепт СТВОЛОВЫЕ РАСТЕНИЯ. В него входят деревья с древесным стволом и растения с травянистым стволом (Банановое растение, Ромашка аптечная и др.). У них, правда, есть еще одна общая часть – корень. Тем не менее, они не имеют общего прототипа и в этом плане образуют гетерогенный класс.

4.3. Функциональные концепты. В отличие от сенсорного или гетерогенного концепта, функциональный концепт не имеет ни визуального прототипа, ни какой-либо его общей части. Функциональный концепт может возникнуть при **седьмом варианте модификации** партитивной системы, когда она вся **целиком объявляется факультативной**. Например, в партитивных системах концептов ДЕРЕВО, КУСТАРНИК, ЦВЕТОК, ПОДОРОЖНИК, МОХ нет общих частей, принадлежащих им всем: корня, стебля, листьев и пр. Однако всем этим концептам присущ чисто функциональный компонент: ‘живой объект, постоянно растет на одном месте, добывая питание извне; не способен к самостоятельным перемещениям’. Этот компонент и определяет функциональный концепт РАСТЕНИЕ, ср. аналогичный концепт ЖИВОТНОЕ.

Как можно видеть, функциональный концепт (абстрактное понятие) возникает в результате дальнейшей дифференциации сенсорного концепта, когда от него отделяется вся перцептивная составляющая, а остается только функциональная составляющая. При этом объем понятия многократно расширяется. К примеру, аналогично возникает абстрактный концепт КРАСИВЫЙ (красивый цветок / костюм / дом / бросок и т. д.).

У многих сенсорных концептов (СТУЛ, ОЗЕРО) нет подобного функционального компонента, поэтому с удалением партитивной системы исчезает и сам концепт.

Полученная иерархия концептов определяется общеупотребительной лексикой языка (за исключением уровня 6) и лежит в основе присущего его носителям представления видимого мира, подробнее, см.: [Кошелев 2019: гл. 3].

Рассмотрим для сравнения классификацию растений и животных, заданную обычной лексикой языка Tzeltal. Ее приводит Дж. Лакофф [2004: 55], опираясь на работу Б. Берлина и его коллег [Berlin et al. 1974]:

- UNIQUE BEGINNER (plant, animal)
- LIFE FORM (tree, bush, bird, fish)
- INTERMEDIATE (leaf-bearing tree, needle-bearing tree)
- GENUS (oak, maple)
- SPECIES (sugar maple, white oak)
- VARIETY (cutleaf staghorn sumac)

За исключением искусственно введенного нами уровня 6, обе классификации весьма близки. Зададимся вопросом: каково содержание функции концепта РАСТЕНИЕ (PLANT) в языке Tzeltal и насколько она менее (или более) абстрактна, в сравнении с

функцией этого концепта в русском языке? Согласно словарной статье в [Maffi 2002: 4]: «*lam te* – remedy, plant (лекарство, растение)», можно предположить, что концепт РАСТЕНИЕ (PLANT) в Tzeltal задается совершенно иной по содержанию и гораздо менее абстрактной функцией ‘лекарство’. По степени абстрактности этот концепт вполне сопоставим с концептом СОРНЯК.

5. О роли языка в формировании понятий.

Если процесс образования сенсорных концептов ребенка обусловлен прежде всего его когнитивным развитием, то вопрос их унификации, сближения с общезначимыми концептами взрослых, относится к одной из первейших функций детской лексики. Важно понимать, что в отсутствие языка сенсорные концепты (их прототипы и функции) у разных детей, имеющих различный опыт, могут сильно различаться. Хотя все эти концепты основаны на визуальных (перцептивных) образах воспринимаемого детьми мира, степень дифференциации этих образов (и, соответственно, их функций) не задана: у одного ребенка начальным прототипом дерева становится береза, а у другого – сосна и т.д.

Коснемся теперь функциональных концептов (ХИЩНИК, СОРНЯК). Если прототип сенсорного концепта служит естественным перцептивным манифестантом его функции (она «высвечивает» прототип и локализуется на нем), то у несенсорного концепта такого естественного манифестанта нет. Искусственным манифестантом для него служит запоминаемое ребенком имя (в его памяти появляется пара «Имя – Функция»). Следовательно, имена функциональных концептов (абстрактных понятий) наряду с номинативной функцией играют еще и креативную роль: без них в памяти ребенка не смогли бы кристаллизоваться общезначимые функциональные понятия (см. подробнее в [Кошелев 2019: 158–160]). А потому усваивать абстрактные понятия и мыслить ими человек может только посредством речи – **употребляя и воспринимая их имена в подходящих ситуациях**. Об этом еще в конце XIX века писал И. М. Сеченов:

Когда же мысль человека переходит из чувственной области во вневещную область, речь, как *система условных знаков*, развивавшаяся параллельно и приспособительно к мышлению, становится необходимостью. Без нее элементы вневещного мышления, лишенные образа и формы, не могли бы фиксироваться в сознании; она придает им объективность, род реальности (конечно, фиктивной), и составляет поэтому основное условие мышления вневещными объектами» [Сеченов 1952: 381; *курсив автора*].

6. Заключение

Изложенные результаты в совокупности с результатами, представленными в [Кошелев 2019: 55–56] позволяют высказать следующую гипотезу: партитивная схема (9)–(11) универсальна, т.е. присуща множеству объектов, как артефактных, так и природных: *стол, диван, нож, ложка, очки, окно, дом, река, овраг, плод, гнездо, насекомое, птица, животное* и т.д. А значит предметный мир человека «скроен» (смоделирован) по этой схеме. По-видимому, способность формировать партитивную систему знакомого объекта следует считать **видоспецифическим признаком человека**, поскольку именно партитивные системы позволяют ему преобразовывать окружающий мир в нужном направлении. Например, модифицируя ножки обычного кресла можно из него сделать кресло-качалку, офисное кресло на колесиках и с вращающимся сиденьем. Добавляя к креслу новые части, можно сделать из него парикмахерское кресло с подголовником и подставкой для ног, инвалидное кресло и т.д.

Литература

- Барсалу Л.* Системы перцептивных символов // Когнитивная психология: история и современность / Под ред. М.В. Фаликмана, В.Ф. Спиридонова. М.: Ломоносовъ. 2011. С. 125–138.
- Вежбицкая А.* Семантические универсалии и базисные концепты. М.: Языки славянских культур. 2011, 568 с.
- Виноградов В.В.* Основные типы лексических значений слова // Виноградов В. В. Избранные труды: Лексикология и лексикография. М.: Наука. 1977. С. 162–189.
- Выготский Л.С.* Психология развития ребенка. М.: Смысл; Эксмо. 2004, 512 с.
- Кошелев А.Д.* Когнитивный анализ общечеловеческих концептов. М.: Рукописные памятники Древней Руси. 2015, 268 с.
- Кошелев А.Д.* Очерки эволюционно-синтетической теории языка. М.: Издательский Дом ЯСК. 2017, 528 с.
- Кошелев А.Д.* О генезисе мышления и языка. М.: Издательский Дом ЯСК. 2019, 264 с.
- Кошелев А.Д.* Иерархия человеческих понятий, заданная значениями предметных существительных // Лингвистический форум 2020: Язык и искусственный интеллект. Москва, 12—14 ноября 2020. С. 108–110. [Электронный источник]. URL: https://ilingran.ru/web/sites/default/files/conferences/2020/2020_lingforum_abstracts.pdf (дата доступа: 18.11.2020).
- Лакофф Дж.* Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении. М.: Языки славянской культуры. 2004, 792 с.
- Ричардсон Д.* Мысленные образы: Когнитивный подход. М.: Когито-центр. 2006, 175 с.
- Сеченов И.М.* Избранные произведения. Т. 1. Физиология и психология / Под ред. и посл. Х. С. Коштыянца. М.: АН СССР. 1952, 772 с.
- Шепард Р., Метцлер Ж.* Мысленное вращение трехмерных фигур // Когнитивная психология: история и современность / Под ред. М.В. Фаликмана, В.Ф. Спиридонова. М.: Ломоносовъ. 2011. С. 91–96.
- Armstrong, S., Gleitman, L. & Gleitman, H.* (1983). What Some Concepts Might Not Be. // *Cognition*. Vol. 13, P. 263–308.
- Berlin, B., Breedlove, D.E. & Raven, P.H.* (1974). Principles of Tzeltal Plant Classification. New York: Academic Press.
- Bolinger, D.* (1992). About Furniture and Birds. // *Cognitive Linguistics*. Vol. 3, No. 1, P. 111–117.
- Brown, R.* (1965). *Social Psychology*. New York: Free Press.
- Gallese, V. & Lakoff, G.* (2005). The brain's concepts: The role of the sensory-motor system in conceptual knowledge. // *Cognitive Neuropsychology*. Vol. 22, No. 3/4, P. 455–479.
- Kosslyn, S.M.* (1973). Scanning visual images: Some structural implications. // *Perception & Psychophysics*. Vol. 14, P. 90–94.
- Kosslyn, S.M.* (2005). Mental images and the brain. // *Cognitive Neuropsychology*. Vol. 22, No. 3/4, P. 333–347.
- Longman* (2009). *Longman Dictionary of Contemporary English*. Harlow: Pearson Education Ltd.
- Maffi, L.* (2002). A Tzeltal Maya Dictionary. [Elektronic source]. URL: <http://www.famsi.org/reports/94026/index.html> (retrieval date: 19.09.2020).
- Mervis, C.* (1984). Early Lexical Development: The Contributions of Mother and Child. //

C. Sophian (ed.). *Origins of Cognitive Skills* Hillsdale, N.J.: Lawrence Erlbaum Associates. P. 339–370.

Mervis, C. (1987). Child-basic Object Categories and Early Lexical Development // U. Neisser (ed.), *Concepts Reconsidered: The Ecological and Intellectual Bases of Categorization*. New York: Cambridge University Press. P. 201–233.

Miller, G.A., & Johnson-Laird, P.N. (1976). *Language and perception*. Cambridge, MA: Harvard University Press.

Paivio, A. (1971). *Imagery and Verbal Processes*. New York: Holt, Rinehart & Winston.

Paivio, A. (1986). *Mental Representations*. New York: Oxford University Press.

Pylyshyn, Z.W. (1973). What the mind's eye tells the mind's brain: A critique of mental imagery. // *Psychological Bulletin*. Vol. 80, P. 1–24.

Pylyshyn Z.W. (2003). Mental imagery: In search of a theory // *Behavioral and Brain Sciences*. Vol. 25, P. 157–237.

Rakison, D.H. (2000). When a rose is just a rose: The illusion of taxonomies in infant categorization. *Infancy*. Vol. 1, No 1, P. 77–90.

Richardson, J.T.E. (1980). *Mental Imagery and Human Memory*. N. Y.: St. Martin's Press.

Rosch, E. (1975). Cognitive Representations of Semantic Categories. *Journal of Experimental Psychology: General*. Vol. 104. P. 192–233.

Rosch, E. (1978). Principles of categorization // E. Rosch & B. Lloyd (eds.). *Cognition and categorization*. Hillsdale, NJ: Erlbaum. P. 27–48.

Rosch, E., & Mervis, C.B. (1975). Family resemblances: Studies in the internal structure of categories. *Cognitive Psychology*. Vol. 7, P. 573–605.

Rosch, E., Mervis, C.B., Gray, W.D., Johnson, D.M. & Boyes-Braem, P. (1976). Basic objects in natural categories // *Cognitive Psychology*. Vol. 8, No. 3, P. 382–439.

Tsien, J.Z. (2008). Neural coding of episodic memory // E. Dere, A. Easton, L. Nadel, & J.P. Huston (eds.). *Handbook of Episodic Memory*. Amsterdam, etc.: Elsevier. P. 399–416.

Tsien, J.Z., Li, M., Osan, R., Chen, G., Lin, L., Wang, P.L., Frey, S., Frey, J., Zhu, D., Liu, T., Zhao, F., Kuang H. (2013). On initial brain activity mapping of episodic and semantic memory code in the hippocampus. *Neurobiology of learning and memory*. Vol. 105, P. 200–210.

Tversky, B., & Hemenway, K. (1984). Objects, Parts, and Categories. *Journal of Experimental Psychology: General*. Vol. 113, P. 169–193.

Tversky, B., Zacks, J.M. & Hard, B.M. (2008). The structure of experience // Th.F. Shipley & J.M. Zacks (eds). *Understanding Events*. Oxford: Oxford Univ. Press. P. 436–464.

Varela, F.J., Thompson E. & Rosch E. (1991). *The embodied mind: Cognitive science and human experience*. Cambridge, MA: MIT Press.

Wierzbicka, A. (1992). Furniture and Birds: A Reply to Dwight Bolinger. *Cognitive Linguistics*. Vol. 3, No. 1, P. 119–123.

Zacks, J.M. & Tversky, B. (2001). Event Structure in Perception and Conception. // *Psychological Bulletin*. Vol. 127, P. 3–21.

Zubin, D.A. & Köpcke, K.-M. (1986), Gender and folk taxonomy: the indexical relation between grammatical and lexical categorization // C. Craig (ed.), *Noun classes and categorization*. Amsterdam: John Benjamins. P. 139–180.

ON THE COGNITIVE FOUNDATION OF LEXICAL CLASSIFICATION OF THE SUBJECT WORLD

Alexey D. Koshelev

Editor-in-chief, LRC Publishing House,
13/16, build. 1, B. Lubyanka st., Moscow, Russia, 107031.
koshelev47@gmail.com

The paper presents a language of thought (a set of cognitive units and relations) used to provide non-verbal definitions for the following five concepts: ARMCHAIR, MUG, RAVINE, LAKE, TREE. These definitions make it possible to describe concepts on two levels of specificity. On the first level, a concept is presented as a holistic cognitive unit. On the second, more specific, level, the same concept is viewed as a partitive system, i.e. a hierarchical system of its parts, the latter being smaller concepts into which the original holistic unit is decomposed. A hypothesis is advanced that such structure is inherent to all visible objects. The partitive system is argued to play a major role in human cognition. It, first, provides for an in-depth understanding of the perceived objects through understanding the role of their parts, and, second, underlies the formation of the hierarchy of concepts with respect to their generality. Besides, it can be considered as one of the defining properties of the human species as it accounts for the human ability to purposefully change the world.

Keywords: lexical meaning, hierarchy of meanings, language of thought, non-verbal definitions of meanings, formation of meanings

References

- Barsalou L.W.* Sistemy pertseptivnyx simvolov [Perceptual symbol systems] // Kognitivnaja Psixologija: istorija i sovremennost'. M.: Lomonosov, 2011. P. 125–138. (In Russian).
- Vezhbitskaja A.* Semanticheskie universalii i bazisnye kontsepty [Semantic Universals and Basic Concepts]. Moscow: Jazyki slavjanskoj kul'tury. 2011, 568 p. (In Russian).
- Vinogradov V.V.* Osnovnye tipy znachenija slova. [Basic types of lexical meanings of a word] // Vinogradov V.V. Izbrannye trudy: Lexikologija i leksikografija [Lexicology and Lexicography]. M.: Nauka, 1977. P. 162—189. (In Russian).
- Vygotsky L.S.* Psixologija razvitija rebionka [Child Development Psychology]. M.: Smysl; Exmo. 2004, 512p. (In Russian).
- Koshelev A.D.* Kognitivnyj analiz obščecelovečeskix konceptov [Cognitive Analysis of Universal Concepts]. Moscow: Rukopisnye pamjatniki Drevnej Rusi, 2015. 268 p. (In Russian).
- Koshelev A.D.* Očerki èvoljucionno-sintetičeskoj teorii jazyka [Essays on the Evolutionary-Synthetic Theory of Language]. Moscow: Izdatel'skij Dom JaSK. 2017. 528 p. (in Russian).
- Koshelev A.D.* O genezise myshlenija i jazyka [On the Genesis of Thought and Language]. Moscow: Izdatel'skij Dom JaSK. 2019, 264 p. (in Russian).
- Koshelev A.D.* Ierarhija čelovečeskix ponjatij, zadannaja znachenijami predmetnyh sushhestvitel'nyh [The hierarchy of human concepts, defined by the meanings of objective nouns] // Lingvističeskij forum 2020: Jazyk i iskusstvennyj intellekt. [Linguistic Forum 2020: Language and Artificial Intelligence]. Moscow, 12–14 November 2020. [E-source]. P. 108–110 URL:

- https://iling-ran.ru/web/sites/default/files/conferences/2020/2020_ilingforum_abstracts.pdf
(retrieval date: 18.11.2020). (in Russian)
- Lakoff G.* Women, Fire, and Dangerous Things: What Categories Reveal about the Mind. Chicago: University of Chicago Press. Moscow: Izdatel'skij Dom JaSK. 2004. 792 p. (in Russian).
- Richrdson D.* Myslennye obrazy: kognitivnyj podxod [Mental Images: A Cognitive Approach]. M.: Kogito-Tsentr. 2006, 175 p. (In Russian).
- Sechenov, I.M.* Izbrannye proizvedenija [Selected Works]. Vol. 1, Fiziologija i psixologija [Physiology and Psychology], edited and foreword by Kh. S. Koshtoiant. Moscow: Akad. nauk SSSR. 1952, 772 p. (In Russian).
- Shepard, R.N. & Metzler J.* Myslennoe vraschenie trexmernyx figur [Mental rotation of three-dimensional objects] // Kognitivnaja Psixologija: istorija I sovremennost'. M.: Lomonosov, 2011. P. 91–96. (In Russian).
- Armstrong, S., Gleitman, L. & Gleitman, H.* (1983). What Some Concepts Might Not Be. *Cognition*. Vol. 13, P. 263–308.
- Berlin, B., Breedlove, D.E. & Raven, P.H.* (1974). Principles of Tzeltal Plant Classification. New York: Academic Press.
- Bolinger, D.* (1992). About Furniture and Birds. *Cognitive Linguistics*. Vol. 3, No. 1, P. 111–117.
- Brown, R.* (1965). *Social Psychology*. New York: Free Press.
- Gallese, V. & Lakoff, G.* (2005). The brain's concepts: The role of the sensory-motor system in conceptual knowledge. *Cognitive Neuropsychology*. Vol. 22, No. 3/4, P. 455–79.
- Kosslyn, S.M.* (1973). Scanning visual images: Some structural implications. *Perception & Psychophysics*. Vol. 14, P. 90–94.
- Kosslyn, S.M.* (2005). Mental images and the brain. *Cognitive Neuropsychology*. Vol. 22, No. 3/4, P. 333–347.
- Longman* (2009). *Longman Dictionary of Contemporary English*. Italy. Harlow: Pearson Education Ltd.
- Maffi, L.* (2002). A Tzeltal Maya Dictionary. [Elektronic source]. URL: <http://www.famsi.org/reports/94026/index.html> (retrieval date: 19.09.2020).
- Mervis, C.* (1984). Early Lexical Development: The Contributions of Mother and Child. In C. Sophian (ed.), *Origins of Cognitive Skills*. Hillsdale, N.J.: Lawrence Erlbaum Associates. P. 339–370.
- Mervis, C.* (1987). Child-basis Object Categories and Early Lexical Development // Neisser U., ed., *Concepts Reconsidered: The Ecological and Intellectual Bases of Categorization*. New York: Cambridge University Press. P. 201–233.
- Miller, G.A., & Johnson-Laird, P.N.* (1976). *Language and perception*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Paivio, A.* (1971). *Imagery and Verbal Processes*. New York: Holt, Rinehart & Winston.
- Paivio, A.* (1986). *Mental Representations*. New York: Oxford University Press.
- Pylyshyn, Z.W.* (1973). What the mind's eye tells the mind's brain: A critique of mental imagery. *Psychological Bulletin* Vol. 80, P. 1–24.
- Pylyshyn Z.W.* (2003). Mental imagery: In search of a theory // *Behavioral and Brain Sciences*. Vol. 25, P. 157–237.
- Rakison, D.H.* (2000). When a rose is just a rose: The illusion of taxonomies in infant

categorization. *Infancy*. Vol. 1, No 1, P. 77–90.

Rosch, E. (1975). Cognitive Representations of Semantic Categories. *Journal of Experimental Psychology: General*. Vol. 104, P. 192–233.

Rosch, E. (1978). Principles of categorization // *E. Rosch & B. Lloyd (eds.)*, *Cognition and categorization*. Hillsdale, NJ: Erlbaum. P. 27–48.

Rosch, E., & Mervis, C.B. (1975). Family resemblances: Studies in the internal structure of categories. // *Cognitive Psychology*. Vol. 7, P. 573–605.

Rosch, E., Mervis, C.B., Gray, W.D., Johnson, D.M. & Boyes-Braem, P. (1976). Basic objects in natural categories // *Cognitive Psychology*. Vol. 8, No. 3, P. 382–439.

Tsien, J.Z. (2008). Neural coding of episodic memory // *Dere E., Easton A., Nadel L., & Huston J.P. (eds.)*. *Handbook of Episodic Memory*. Amsterdam, etc.: Elsevier. P. 399–416.

Tsien, J.Z., Li, M., Osan, R., Chen, G., Lin, L., Wang, P.L., Frey, S., Frey, J., Zhu, D., Liu, T., Zhao, F., Kuang H. (2013). On initial brain activity mapping of episodic and semantic memory code in the hippocampus. *Neurobiology of learning and memory*. Vol. 105, P. 200–210.

Tversky, B., & Hemenway, K. (1984). Objects, Parts, and Categories. *Journal of Experimental Psychology: General*. Vol. 113, P. 169–193.

Tversky, B., Zacks, J.M. & Hard, B.M. (2008). The structure of experience // *Th.F. Shipley & J.M. Zacks (eds)*. *Understanding Events*. Oxford: Oxford Univ. Press. P. 436–464.

Varela, F.J., Thompson E. & Rosch E. (1991). *The embodied mind: Cognitive science and human experience*. Cambridge, MA: MIT Press.

Wierzbicka, A. (1992). Furniture and Birds: A Reply to Dwight Bolinger. *Cognitive Linguistics*. Vol. 3, No. 1, P. 119–123.

Zacks, J.M. & Tversky, B. (2001). Event Structure in Perception and Conception. // *Psychological Bulletin*. Vol. 127, P. 3–21.

Zubin, D.A. & Köpcke, K.-M. (1986). Gender and folk taxonomy: the indexical relation between grammatical and lexical categorization // *C. Craig (ed.)*, *Noun classes and categorization*. Amsterdam: John Benjamins. P. 139–180.

С ЧЕГО НАЧИНАЕТСЯ ИНТЕРЕСНЫЙ УЧЕБНЫЙ ТЕКСТ?¹

Пиотровская Лариса Александровна

доктор филологических наук,
профессор кафедры русского языка
РГПУ им. А. И. Герцена
191186, г. Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, 48
larisa11799@yandex.ru

Трушелёв Павел Николаевич

аспирант кафедры русского языка
РГПУ им. А. И. Герцена
191186, г. Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, 48
paveltrue2007@rambler.ru

В статье с опорой на психологические исследования и лингвистический анализ рассматривается общий механизм развертывания интересного учебного текста. Для повышения их эмоциогенности авторы учебников используют различные вербальные приемы. Поскольку в основе данной эмоции лежит несоответствие наших ожиданий реальному положению дел, эти приемы должны воздействовать на психологический механизм вероятностного прогнозирования и нарушать контекстную предсказуемость учебного текста при его развертывании. Так, можно выделить приемы, направленные на нарушение предсказуемости коммуникативного контекста (необычные зачины текста) или контекста семантического (приемы контекстуализации, диалогизирования). Проведенный анализ позволяет утверждать, что контекстная предсказуемость эмоциогенного учебного текста нарушается не за счет сообщения неожиданных, интересных сведений, а за счет неожиданных для адресата способов представления предмета речи (например, проблемное изложение при описании законов физики). Кроме того, интересный учебный текст должен быть когерентным: формальная, содержательная и прагматическая связность текста является залогом его успешного понимания учащимся. Поэтому приемы каузации интереса не должны разрушать когерентность завершеного учебного текста: они должны быть коммуникативно и тематически релевантными, иначе эмоциогенный потенциал текста значительно уменьшится.

Ключевые слова: эмоциогенность, учебный текст, интерес, контекстная предсказуемость, понимание текста, учебная коммуникация

1. Введение

В процессе обучения интерес (или любопытство) играет важнейшую роль: данная эмоция воздействует на мотивацию учащихся [Hidi, Renninger 2006: 112], является первым этапом становления их устойчивых интересов [Ibid.: 114] и создает «психологиче-

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00284, «Психолингвистическое исследование эмоциогенности учебных текстов (формирование эмоции интереса)».

ски комфортный режим умственного труда» [Холодная, Гельфман 2016: 51]. Поскольку текст является одним из основных способов передачи знаний учащимся, все больше специалистов сходятся во мнении, что учебный текст должен быть интересным, эмоциогенным [Там же: 36–40]. Учеными выявлено большое количество вербальных приемов, способных вызвать интерес: стратегия сторителлинга, конкретизация содержания текста, проблемное изложение, увеличение событийной динамичности текста и др. [Хутыз 2019; Ainley 2017: 7–8; Hidi, Baird 1988; Shin et al. 2016]. В то же время до сих пор не описан общий механизм развертывания эмоциогенного учебного текста. В связи с этим открытыми остаются вопрос об эффективности приемов, каузирующих у адресата интерес, а также вопрос о классификации и систематизации этих приемов [Ainley 2017: 8].

В настоящей работе предпринята попытка описать механизм развертывания интересного учебного текста с опорой на психологические исследования и лингвистический анализ учебных текстов. Актуальность исследования обусловлена, во-первых, необходимостью изучения основ осмысленного восприятия учебного текста [Доблаев 1982] и, во-вторых, прикладными задачами популяризации современных учебных текстов [Холодная, Гельфман 2016: 32]. В работе используются коммуникативно-функциональный и дискурсивный методы анализа текста, позволяющие описать и систематизировать приемы создания интересного учебного текста (см., например: [Пиотровская, Трушелёв 2019: 114–115]). В качестве материала использовались тексты из современных отечественных учебников для средней школы.

2. Лингвопсихология интереса

В настоящее время общепризнанным считается мнение крупнейшего специалиста по исследованию эмоций К.Э. Изарда, согласно которому эмоция интереса составляет основу любой познавательной деятельности и непрерывно оказывает на нее влияние [Izard 2007: 271]. С точки зрения когнитивно-деятельностных психологических теорий познавательная деятельность представляет собой когнитивную обработку воспринимаемой информации, во время которой субъект деятельности в определенной степени прогнозирует ее промежуточные и конечные результаты [Miceli, Castelfranchi 2015: 56]. В отечественной психолингвистике, говоря о восприятии текста, этот процесс принято обозначать термином «вероятностное прогнозирование» [Штерн 2006: 124]. Интерес появляется в результате несоответствия прогнозов индивида воспринимаемой информации и вызывает желание достичь ее согласованного понимания [Miceli, Castelfranchi 2015: 57] (см. также [Ainley 2017: 18]).

Психологами установлено, что нарушение ожиданий субъекта интереса прежде всего связано с новизной и сложностью объекта восприятия [Silvia 2006: 57]. Однако, говоря о тексте, следует учитывать его ключевую содержательную характеристику – информативность, т.е. определенную степень «смысло-содержательной новизны для читателя» [Бабайлова 1987: 60]. Более того, речевое взаимодействие автора учебного текста и учащегося заключается в сообщении всегда новых для адресата знаний с целью их последующего усвоения [Rose 2019]. Следовательно, информация, воспринимаемая реципиентом в процессе учебной коммуникации, ожидаемо новая и ожидаемо требует определенных усилий для ее понимания, а значит, сам по себе ее эмоциогенный потенциал неоднозначен. Кроме того, известно, что в образовательном процессе тема и содержание учебных текстов достаточно конкретно определены учебным планом и научными текстами-источниками. Поэтому авторы учебников ограничены в свободе

выбора потенциально интересных сведений, которые они могут сообщить учащимся, и вынуждены обращаться к другим способам формирования интереса у адресата.

Проведенные нами исследования позволяют выдвинуть гипотезу о том, что в учебном тексте интерес формируется не за счет сообщения неожиданно новых или сложных для адресата сведений, а за счет неожиданно новых способов представления этих сведений (например, физический закон описывается не как абстрактное теоретическое знание, а как конкретное наблюдаемое школьником явление) [Пиотровская, Трушелёв 2018; 2019]. В связи с этим необходимо учитывать, какие языковые и речевые средства используют авторы при воплощении предметных знаний в учебном тексте.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать предположение, что разнообразные приемы каузации интереса в первую очередь должны быть неожиданными для реципиента, т. е. они воздействуют на психологический механизм вероятностного прогнозирования. В современных исследованиях данный механизм связывается с понятием контекста, роль которого «можно представить как влияние некоего предиктора на ожидания <...> читающего относительно последующей информации» [Риехакайнен 2016: 85]. Нарушение же этих ожиданий можно рассматривать как нарушение контекстной предсказуемости учебного текста. В свою очередь, контекстная предсказуемость эмоциогенного учебного текста нарушается за счет неожиданной новизны способов представления предмета речи.

3. Нарушение контекстной предсказуемости учебного текста

Для описания механизма нарушения контекстной предсказуемости учебного текста целесообразно обратиться к анализу наиболее распространенных приемов каузации интереса. Следует отметить, что в настоящее время специалистами не предложена классификация эмоциогенных приемов и даже не выделены критерии для ее основания (см. обзор в [Silvia 2006: 77–82]). Это, в свою очередь, обуславливает широкую вариативность подходов к их описанию и систематизации. Например, ряд ученых в качестве эмоциогенного приема рассматривают стратегию сторителлинга [Хутыз 2019: 66–68]. В то же время данная стратегия реализуется с помощью более конкретных эмоциогенных приемов, которые изучались другими учеными, – описания характеров и действий персонажей текста, диалогизирования, создания эмотивности текста (ср. [Там же: 68–71] vs. [Hidi, Baird 1988: 469–470; Silvia 2006: 78]). В связи с этим особое внимание следует уделить лингвистическому анализу эмоциогенных приемов, чтобы учесть все языковые и речевые средства, которые используются при развертывании интересного учебного текста.

Необычные зачины учебного текста

Обратимся к фрагменту, с которого начинается относительно завершённый текст (параграф) из учебника по русскому языку.

*(1) В устной форме употребления языка очень важна интонация. Она является важнейшей приметой звучащей речи, средством оформления слова или соединения слов в предложение, средством уточнения его коммуникативного смысла и эмоционально-экспрессивных оттенков (параграф «Русская интонация»).*²

В первом высказывании фиксируется понятие, которое является основным предметом речи. Сам термин, обозначающий данное понятие (*интонация*), представлен в

---

² Русский язык: 8 кл.: учеб. для общеобразоват. организаций / Д. Н. Чердаков [и др.]; под общ. ред. Л. А. Вербицкой. М.: Просвещение, 2017. С. 22.

рематической части высказывания, что подчеркивает значимость понятия в смысловой структуре текста и его текстообразующую функцию. В следующем высказывании данное понятие обозначается в тематической части анафорическим местоимением *она*, а рематическая часть представляет собой гиперрему, которая значимым образом раскрывает тему текста и конкретизируется при дальнейшем изложении. Таким образом, фрагмент (1) отражает наиболее значимые компоненты смысловой структуры текста. Это помогает учащимся при дальнейшем чтении прогнозировать и структурировать содержание текста с опорой на эти компоненты [Kieras 1985: 100–102].

Большинство учебных текстов начинаются именно так, а значит, у читателя-школьника есть определенные ожидания относительно начала параграфа: в заголовке и в первых высказываниях должны быть представлены его основная тема и подтемы. Такой тип ожиданий обусловлен коммуникативным контекстом и получил название «жанровые ожидания» (*genre expectations*) [Schmitz et al. 2017]. Иногда эти ожидания частично нарушаются, как, например, при чтении следующих двух зачинов из учебников по физике и обществознанию, в которых представлено проблемное изложение (об его эмоциогенности см. в [Hidi, Baird 1988]).

(2) *Еще в глубокой древности люди заметили, что янтарь (окаменевшая смола хвойных деревьев), потертый о шерсть, приобретает способность притягивать к себе различные тела: соломинки, пушинки, ворсинки меха и т. д.* (параграф «Электризация тел при соприкосновении. Взаимодействие заряженных тел»)³

(3) *В одной притче говорится о трех вещах, на которые можно смотреть бесконечно долго: как горит огонь, как бежит вода и как работает мастер. Действительно, можно, забыв о времени, наблюдать за пламенем костра и морским прибоем. Но что роднит с совершенством природной стихии труд мастера?* (параграф «Мастерство работника»)⁴

Прежде всего следует отметить, что заголовки, предшествующие данным фрагментам, представляют собой типичные номинативные конструкции, с помощью которых фиксируются основная тема текстов.

Во фрагменте (2) сообщаются конкретные сведения, физическому объяснению которых посвящен последующий текст. Смысловая связь этих сведений с заголовком (*Электризация тел при соприкосновении. Взаимодействие заряженных тел*) устанавливается только посредством семантической близости лексем *соприкосновение* и *притягивать*. В данном случае потенциальный интерес адресата, связанный с желанием прочитать следующее объяснение, прежде всего обусловлен неожиданным «появлением» в начале текста конкретных сведений, тематическую релевантность которых адресату еще предстоит установить. При этом сообщаемые сведения представляют предмет речи необычным образом, а именно, с точки зрения конкретного наблюдаемого явления, объяснения которому адресат не знает так же, как и люди в глубокой древности. Для этого во фрагменте (2) автор использует перцептивную модусную рамку, в которой представлены наименование субъекта наблюдения (*люди*) и перцептивный глагол *заметить* в соответствующей форме (о модусных рамках см.: [Золотова и др. 2004: 279–283]).

³ Физика: 8 кл.: учеб. для общеобразоват. организаций / А. В. Перышкин. М.: Дрофа, 2019. С. 75.

⁴ Обществознание: 7 кл.: учеб. для общеобразоват. организаций / Л. Н. Боголюбов [и др.]. М.: Просвещение, 2017. С. 73.

Во фрагменте (3) тематическая связь первого высказывания с названием параграфа (*Мастерство работника*) более очевидна, чем во фрагменте (2), так как предикативная единица *работает мастер* содержательно и формально коррелирует с заголовком. В то же время для читателя остается неясным, почему автор в тематической части первого высказывания обращается к притче. Более того, во втором высказывании с помощью вводного слова *действительно* подчеркиваются не связанные с темой текста утверждения, представленные в рематической части предшествующего высказывания. Далее автор эксплицитно выражает недоумение адресата, используя «объяснительный вопрос» (expository question), т. е. вопрос, обращенный к содержанию следующей части текста, ответ на который, по мнению автора, хочет получить адресат [Sperber, Wilson 1996: 252]. Подобные вопросы нередко используются в учебных текстах для повышения их эмоциогенности, так как они отражают одну из деятельностных особенностей интереса – желание узнать что-то новое об объекте данной эмоции [Ушакова 2003: 53]. Следовательно, в данном фрагменте автор моделирует эмоциональный сценарий интереса, демонстрирующий, что данная эмоция обусловлена неожиданной точкой зрения на предмет речи, релевантность которой адресат установит при дальнейшем чтении текста.

Во фрагментах (2) и (3) использован механизм нарушения контекстной предсказуемости текста. С одной стороны, заголовки соответствующих параграфов представляют собой типичные номинативные конструкции. С другой стороны, читатель сталкивается с необычными зачинами текста, которые неожиданным образом представляют предмет речи. При этом неожиданность обусловлена нарушением не только жанровых ожиданий реципиента, но и его ожиданий относительно следующего за заголовками содержания текста. Так, заголовки, соответствуя жанровым ожиданиям читателя, позволяют ему не только сразу определить тему текста, но и сделать прогноз относительно его содержания. Следовательно, заголовки выступают семантическим контекстом для следующего конгломерата текста. Однако зачины нарушают и жанровые ожидания (коммуникативный контекст), так как не фиксируют основные темы и подтемы текста, и ожидания относительно их содержания (семантический контекст), поскольку тематическая связь зачинов с заголовками неоднозначна.

Следует подчеркнуть, что потенциальный интерес читателя фрагментов (2) и (3) связан с желанием установить релевантность неожиданных сведений заявленной теме. Это желание обусловлено так называемым «фактором постдиктабельности» (postdictability), который впервые был описан У. Кинчем [Kintsch 1980]. Дело в том, что приемы каузации интереса, нарушая при развертывании текста его контекстную предсказуемость, в завершённом тексте должны оставаться тематически и коммуникативно релевантными, т. е. они не должны разрушать когерентность текста [Ibid.: 89].⁵ Поэтому для читателя параграфов с фрагментами (2) и (3) важно в процессе чтения установить коммуникативную и тематическую релевантность этих фрагментов, их уместность в коммуникативной ситуации и смысловой структуре текста (так называемая «установка на текст» [Залевская 2001: 127]). В противном случае приемы каузации интереса вызовут трудности при понимании текста и, соответственно, нега-

⁵ Речь идет о дискурсивно-когнитивном понимании когерентности, которое «охватывает не только формально-грамматические аспекты связи высказываний, но и семантико-прагматические <...> аспекты смысловой и деятельностной (интерактивной) связности» [Макаров 2003: 195].

тивные эмоции, возникающие в случае неуспешной деятельности. Это подтверждают экспериментальные исследования: достоверно установлено, что значимое разрушение когерентности учебного текста отрицательно влияет на его эмоциогенный потенциал [Wade 2001: 248–249]. Иначе говоря, некогерентный учебный текст не может быть интересным.

Фактор постдиктабельности следует учитывать, говоря о речевой деятельности не только реципиента, но и автора. Так, во фрагментах (2) и (3) авторы сохраняют когерентность учебного текста, используя коммуникативно релевантные номинативные заголовки и компоненты текста, содержательно связанные с этими заголовками (глагол *притягивать*, предикативная единица *работает мастер*). Кроме того, следует выделить объяснительный вопрос из фрагмента (3), который обладает большим текстообразующим потенциалом, а значит, выступает катафорическим средством создания связности текста.

Приемы контекстуализации

Рассмотрим еще один фрагмент, взятый из середины учебного текста по обществознанию.

(4) *Преступление отличается от других правонарушений своей общественной опасностью. Например, сосед по парте взял без разрешения из вашей сумки ручку или яблоко. Такое деяние не является преступным. Причиненный им вред незначителен.*⁶

Во втором высказывании используется прием контекстуализации: автор моделирует ситуацию, участником которой является читатель и его предполагаемый одноклассник (об эмоциогенности этого приема см. в [Shin et al.: 2016]). Для этого употребляются средства как экспликации адресата в тексте (притяжательное местоимение *ваш*), так и конкретизации, а именно конкретная референция с помощью существительных *сосед, парта, ручка и яблоко*, которая подчеркивается конкретно-фактическим значением глагола совершенного вида *взять*. Кроме того, второе предложение рассчитано также на некоторый юмористический эффект, так как в нем содержится намек на «плохой» поступок учащегося.

Фрагмент (4) представляет собой знакомый школьнику тип объяснительно-иллюстративного изложения, при котором теоретическое положение соотносится с конкретным фактом. Известным сигналом логико-смысловой организации данного типа изложения является вводное слово *например* (о значимости таких сигналов для реципиента см. в [Meuer, Rey 2017]). Однако в обсуждаемом фрагменте теоретическое положение соотносится не просто с конкретным фактом, а с забавной ситуацией, участником которой является адресат. Это неожиданным, лично значимым образом представляет предмет речи: предметное знание оказывается связанным с окружающей школьника действительностью и потому интересным. При этом интерес связан с желанием прочитать научное объяснение забавной ситуации. В то же время неожиданный прием не разрушает когерентность текста: он оказывается коммуникативно релевантным, поскольку автор использует типичный способ изложения, и тематически релевантным, так как автор фиксирует в тексте ситуацию «преступления», а в третьем и в четвертом высказываниях использует средства создания связности – анафорические местоимения *такой* и *он*.

⁶ Обществознание: 8 кл.: учеб. для общеобразоват. организаций / И. В. Лексин, Н. Н. Черногор. М.: Русское слово, 2019. С. 164.

В отличие от рассмотренных выше приемов, представленных во фрагментах (2) и (3), прием, использованный во фрагменте (4), в большей степени направлен на нарушение ожиданий адресата, сформированных на основе прочитанного текста, т. е. на нарушение предсказуемости семантического контекста. Так, обращает на себя внимание характерное для учебных текстов обобщенное содержание первого, третьего и четвертого высказываний. Этому способствует употребление юридических терминов (*преступление, правонарушение, общественная опасность, деяние, причиненный вред*), глаголов *отличаться* и *являться* в видо-временной форме «абстрактного настоящего», краткой формы прилагательного *незначительный* для обозначения постоянного признака в научном стиле (см. [Серебрякова 2005]). Кроме того, при развертывании фрагмента происходит смена субъектов высказываний в тематической части (*преступление* → *сосед по парте* → *деяние* → *причиненный вред*), что отражает способности представления предмета речи – как абстрактного знания и как конкретной, контекстно-обусловленной ситуации (см. о субъектной перспективе текста в [Золотова и др. 2004: 231–251]). Следовательно, эффективность обсуждаемого приема обусловлена нарушающей ожидания адресата предельной конкретизацией и одновременно контекстуализацией содержания текста.

Подобная направленность приемов каузации интереса объясняется тем, что во время чтения процесс построения реципиентом ментальной модели текста всё больше обусловлен воспринятым содержанием [Залевская 2001: 125–129], а значит, увеличивается зависимость ожиданий адресата от уже прочитанной части текста (напомним, что фрагмент (4) представлен в середине текста). При этом по мере развертывания текста уменьшается и свобода автора в выборе приемов каузации интереса, так как своей «неожиданностью» они не должны разрушать когерентность текста и должны учитывать предшествующую тематическую структуру.

Вопросительные конструкции

При нарушении предсказуемости семантического контекста особой популярностью у авторов учебников пользуются объяснительные вопросы, эмоциогенный потенциал которых рассмотрим на примере следующего фрагмента из учебника по обществознанию.

(5) *Итак, человек может быть субъектом правоотношений. Но у каждого ли из нас есть такая возможность? Давайте разберемся: при каких условиях человек может вступать в правоотношения, какими качествами (свойствами) ему необходимо обладать?*

*Для того чтобы быть субъектом правоотношений, человек должен иметь правоспособность и дееспособность.*⁷

По всей видимости, появление объяснительных вопросов в данном фрагменте содержательно не обусловлено: без них легко можно представить связный текст (например, сделав последнее предложение менее избыточным: *Итак, человек может быть субъектом правоотношений. Для этого он должен иметь правоспособность и дееспособность*). Следовательно, основная задача объяснительных вопросов – каузация читательского интереса. Как уже было сказано, такие вопросы отражают деятельностную природу интереса – желание узнать что-то новое об объекте данной эмоции. Во

⁷ Обществознание: 8 кл.: учеб. для общеобразоват. организаций / И. В. Лексин, Н. Н. Черногор. М.: Русское слово, 2019. С. 94.

фрагменте (5) это «что-то новое» автор фиксирует в содержании самих вопросов и тем самым умело моделирует не только читательский интерес, но и его объект. При этом объект, вызывающий интерес, оказывается личностно значимым благодаря контекстуализации содержания: в первом вопросе автор соотносит абстрактное понятие, обозначенное термином *субъект правоотношения*, с участником коммуникации с помощью сочетания кванторного местоимения общности и личного местоимения (*каждый из нас*); во втором вопросе автор стимулирует мыслительную деятельность адресата посредством глагола в форме императива совместного действия (*давайте разберемся*). Таким образом, автор фрагмента (5) с помощью объяснительных вопросов фиксирует неожиданный аспект предмета речи и обращается к содержанию следующей части текста, что стимулирует у реципиента желание получить ответы на вопросы, касающиеся в том числе и его самого. Такие вопросы не разрушают когерентности текста, поскольку тематически связаны с предшествующим высказыванием и одновременно выступают средством создания катафорической связности.

Привлечение дополнительных сведений

Другой способ нарушить предсказуемость семантического контекста заключается в обогащении содержания текста дополнительной, но тематически релевантной информацией, позволяющей изменить только точку зрения на предмет речи. Проиллюстрируем это на примере фрагмента из учебника по биологии.

*(6) Важнейшими свойствами костей человека являются: твёрдость, прочность и эластичность, которые обусловлены особенностями их состава и строения. Твёрдость костей приближается к стали! Не случайно наши предки использовали костный материал, полученный от животных, для изготовления простейших орудий труда, наконечников стрел и гарпунов. Прочность позволяет костям выдерживать огромные нагрузки (параграф «Опорно-двигательная система»).*⁸

В первую очередь в данном фрагменте можно выделить прием диалогизирования учебного текста (см. [Пиотровская, Трущелёв 2019: 114–115]). Для этого автор использует эмоционально окрашенное высказывание с маркером восклицательности. Это позволяет не только представить предмет речи с точки зрения диалогического общения, но и подчеркнуть эмоциогенность содержания данного высказывания. Кроме того, для диалогизирования автор использует притяжательное местоимение *наши*, эксплицируя участников коммуникации. В этом же фрагменте автор сообщает факультативные сведения (сравнение костей и стали, исторический факт), раскрывающие конкретное положение (твёрдость костей) с неожиданной, «небиологической» точки зрения, что отражается в субъектной перспективе фрагмента (*свойства костей* → *твёрдость костей* → *наши предки* → *прочность костей*). При этом когерентность этого текста сохраняется, так как факультативные сведения уточняют неглавную тему текста и не нуждаются в дальнейшей детализации, а, следовательно, их значимость в смысловой структуре текста незначительна (см. [von Heusinger, Schumacher 2019]).

Можно предположить, что по своему эмоциогенному потенциалу приемы каузации интереса из фрагмента (6) уступают приемам из фрагментов, рассмотренных выше, поскольку они тематически релевантны и не стимулируют желание прочитать следующую часть текста (ср. с фрагментами (3) и (5)). Достаточно ярко эта особенность про-

⁸ Биология: 8 кл.: учеб. для общеобразоват. организаций / В. В. Пасечник [и др.]. М.: Просвещение, 2019. С. 34.

является в учебных текстах по истории, авторы которых нередко излагают предельно конкретные события, как в следующем фрагменте.

(7) *Во время церемонии венчания на царство Борис заявил: «Бог свидетель сему! Никто не будет в моем царствии нищ и беден», а потом, взявшись за ворот сорочки, сказал: «И сию последнюю разделю со всеми».*⁹

Автор учебника детализирует содержание текста и описывает конкретную ситуацию с конкретным участником (об эмоциогенности такой детализации см. в [Hidi, Baird 1988]). Для этого он осуществляет авторизацию с помощью глаголов речи *заявить* и *сказать* и последующей прямой речи персонажа текста (об авторизации см.: [Золотова и др. 2004: 287–288]). Кроме того, автор усиливает наглядность изложения, описывая конкретное действие персонажа (*взявшись за ворот сорочки*) и используя в его прямой речи формы устаревшего местоимения *сей*. Во фрагменте (7) осуществляется смена точки зрения на предмет речи (историческое событие), который представляется более конкретным, наглядным. Одновременно данный фрагмент тематически релевантен и не нуждается далее в детализации или объяснении.

На наш взгляд, не стоит недооценивать значимость подобных приемов. Так, по утверждению крупнейших специалистов по исследованию читательского интереса, существуют универсально интересные темы, среди которых принято выделять темы власти, хаоса, насилия, войны [Kintsch 1980]. Данные темы неоднократно становятся предметом обсуждения в учебных текстах по истории и, можно сказать, являются главными текстообразующими факторами при изложении событий истории XX века. В то же время в 2012 году учащиеся 9-х классов среди самых неудачных и скучных учебников назвали учебник О.С. Сороко-Цюпа «Новейшая история зарубежных стран: XX – нач. XXI века» [Литовченко 2012: 118]. По мнению школьников, тексты из данного учебника отличаются «отсутствием конкретики и размытостью формулировок» [Там же]. Действительно, повествование в данном учебнике ведется достаточно отстраненно: в них почти нет описаний конкретных ситуаций, а также не используются приемы усиления наглядности и диалогизирования.

Можно предположить, что обсуждаемые приемы как минимум не позволяют тексту стать однообразным, скучным. Об этом свидетельствует следующий фрагмент, в котором прием диалогизирования (эмоционально окрашенное высказывание с маркером восклицательности), по сути, лишь «окрашивает» типичный объяснительно-иллюстративный способ изложения и делает текст более ярким, динамичным.

(8) *В период полового созревания и мальчики, и девочки очень быстро растут и прибавляют в весе. **Например, рост может увеличиваться на 20 см в год!** Увеличивается размер внутренних органов, возрастает давление крови.*¹⁰

Кроме того, подобные приемы могут активизировать дополнительные когнитивные ресурсы адресата, а значит, увеличить его вовлеченность в процесс осмысленного восприятия текста, что повышает его эмоциогенность [Kaakinen et al. 2018]. Так, фрагмент (7) может во время чтения активизировать наглядно-образное мышление реципиента, а фрагмент (6) – его знания по истории.

⁹ История России XVI–XVII века: 7 кл.: учеб. для общеобразоват. организаций / Е.В. Пчелов, П.В. Лукин. М.: Русское слово, 2017. С. 62.

¹⁰ Биология: 8 кл.: учеб. для общеобразоват. организаций / В.В. Пасечник [и др.]. М.: Просвещение, 2019. С. 236.

Выводы

Предложенный в настоящей работе взгляд на механизм разворачивания эмоциогенного учебного текста может стать основанием для систематизации приемов каузации интереса. С этой точки зрения данные приемы следует рассматривать неразрывно от текста, в котором они представлены. Например, объяснительные вопросы могут использоваться авторами учебников и как компонент необычного зачина, направленного на нарушение предсказуемости коммуникативного контекста (см. фрагмент (3)), и как самостоятельный прием, направленный на нарушение предсказуемости семантического контекста (см. фрагмент (5)). При таком подходе внимание уделяется тому, каким образом эмоциогенные приемы нарушают предсказуемость учебного текста и насколько это неожиданно для реципиента. Так, необычные зачины нарушают предсказуемость и коммуникативного, и семантического контекста (фрагменты (2) и (3)), а значит, они более неожиданны для реципиента, чем, например, приемы контекстуализации или объяснительные вопросы (фрагменты (4) и (5)), направленные на нарушение предсказуемости только семантического контекста.

Кроме того, предложенный подход позволяет сделать предположение относительно эмоциогенного потенциала различных приемов каузации интереса. Вероятно, бóльшим потенциалом обладают приемы, неожиданное появление которых в тексте стимулирует желание прочитать текст, установить их коммуникативную и/или тематическую релевантность. Объясняется это тем, что основная функция интереса заключается в стимуляции желания взаимодействовать с объектом данной эмоции.

4. Заключение

Вернемся к вынесенному в заголовок настоящей статьи вопросу. С чего начинается интересный учебный текст? Коротко на этот вопрос можно ответить так: с релевантной неожиданности. В первую очередь интересный учебный текст – это когерентный текст, в котором формальная, содержательная и прагматическая связность являются залогом успешного его понимания реципиентом. Поэтому каждый элемент завершеного учебного текста должен быть коммуникативно и тематически релевантен. Различные приемы каузации интереса должны оставаться релевантными в завершеном учебном тексте и одновременно нарушать контекстную предсказуемость при его разворачивании. Проведенный анализ позволяет выделить приемы, направленные на нарушение предсказуемости коммуникативного контекста (необычные зачины) или контекста семантического (приемы контекстуализации, диалогизирования, объяснительные вопросы). Большинство из этих приемов связаны с неожиданными, новыми для реципиента способами представления предмета речи. Следует подчеркнуть, что эффективность приемов каузации интереса не может быть сведена исключительно к их содержательным характеристикам, поскольку даже абсолютно интересные темы (темы власти, войны, насилия), представленные в тексте однообразно, монотонно, способны вызвать у читателя скуку.

Литература

Бабайлова А.Э. Текст как продукт, средство и объект коммуникации при обучении неродному языку: социолингвистические аспекты. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1987. 150 с.

Доблаев Л.П. Смысловая структура учебного текста и проблемы его понимания / под ред. В. В. Давыдова. М.: Педагогика, 1982. 176 с.

- Залевская А.А.* Текст и его понимание. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2001. 178 с.
- Золотова Г.А., Ониненко Н.К., Сидорова М.Ю.* Коммуникативная грамматика русского языка. М.: Ин-т рус. яз., 2004. 544 с.
- Литовченко О.В.* Отношение учащихся 5–11 классов к школьному учебнику: результаты анкетирования // Человек и образование. 2012. № 1 (30). С. 117–122.
- Макаров М.Л.* Основы теории дискурса. М.: Гнозис, 2003. 280 с.
- Пиотровская Л.А., Трущелёв П.Н.* Конкретизация учебного текста как способ формирования интереса у читателя (на примерах описания природы) // Печать и слово Санкт-Петербурга (Петербургские чтения – 2018): сб. науч. тр. XIX Всероссийской науч. конф. / Редкол.: Н. Б. Лезунова [и др.]. СПб.: СПбГУПТД, 2018. С. 305–311.
- Пиотровская Л.А., Трущелёв П.Н.* Экспериментальное исследование эмоциогенности текстов (формирование интереса в учебном тексте) // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2019. № 192. С. 112–123.
- Риехакайнен Е.И.* Роль семантического контекста в процессе распознавания вербальных паттернов // Психофизиологические и нейролингвистические аспекты процесса распознавания вербальных и невербальных паттернов коммуникации. Под ред. Т.В. Черниговской, Ю.Е. Шелепина, О.В. Заширинской. СПб.: ВВМ, 2016. С. 84–98.
- Серебрякова А.Ю.* Обобщенность содержания как свойство научного философского текста // Вестник Южно-Урал. гос. ун-та. Сер.: Лингвистика. 2005. № 11 (51). С. 87–88.
- Ушакова С.А.* Интенциональное состояние интереса и его выражение в английском языке // Международная филологическая конференция: Материалы XXIII междунар. филол. конф.: Вып. 3. Лексикология и фразеология (романо-германский цикл). СПб.: изд-во С.Петербург. ун-та, 2003. С. 51–53.
- Холодная М.А., Гельфман Э.Г.* Развивающие учебные тексты как средство интеллектуального воспитания учащихся. М.: Ин-т психологии Рос. акад. наук, 2016. 200 с.
- Хутыз И.П.* Сторителлинг в лекционном дискурсе // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки. 2019. Т. 10. № 2. С. 64–73.
- Штерн А.С.* Введение в психологию: курс лекций. 2-е изд., испр. М.: Флинта, 2006. 308 с.
- Ainley, M.* (2017). The Science of Interest. In P. A. O’Keefe, J. M. Harackiewicz (eds.), Interest: Knowns, Unknowns, and Basic Processes. New York: Springer. P. 3–24.
- Hidi, S., Baird, W.* (1988). Strategies for Increasing Text-Based Interest and Students’ Recall of Expository Texts. *Reading Research Quarterly*, 23 (4). P. 465–483.
- Hidi, S., Renninger, K.A.* (2006). The Four-Phase Model of Interest Development. *Educational Psychologist*, 41 (2). P. 111–127.
- Izard, C.E.* (2007). Basic Emotions, Natural Kinds, Emotion Schemas, and a New Paradigm. *Perspectives on Psychological Science*, 3. P. 260–280.
- Kaakinen, J., Papp-Zipernovszky, O., Werlen, E., Castells Gomez, N., Bergamin, P. B., Baccino, Th., et al.* (2018). Learning to Read in a Digital World. In M. Barzillai, J. Thomson, S. Schroeder, & P. van den Broek (eds.), *Emotional and Motivational Aspects of Digital Reading*. Amsterdam/ Philadelphia: John Benjamins Publishing Company. P. 143–166.
- Kieras, D.* (1985). Thematic Processes in the Comprehension of Technical Prose. In B.K. Britton, J.B. Black (eds.), *Understanding Expository Text*. New Jersey/London: Lawrence Erlbaum Associates. P. 89–107.

Kintsch, W. (1980). Learning from Text, Levels of Comprehension, or: Why Anyone Would Read a Story Anyway. *Poetics*, 9. P. 87–98.

Meyer, B. J. F., Ray, M. N. (2017). Structure Strategy Interventions: Increasing Reading Comprehension of Expository Text. *International Electronic Journal of Elementary Education*, 4 (1). P. 127–152.

Miceli, M., Castelfranchi, C. (2015). *Expectancy and Emotion*. Oxford: Oxford University Press. 270 p.

Rose, D. (2019). Building a Pedagogic Metalanguage II: Knowledge Genres. In K. Maton K., J. R. Martin, Y. J. Doran (eds.), *Accessing Academic Discourse*. London: Taylor & Francis. <https://doi.org/10.4324/9780429280726-10> (retrieval date: 21.09.2020).

Schmitz, A., Gräsel, C., Rothstein, B. (2017). Students' Genre Expectations and the Effects of Text Cohesion on Reading Comprehension. *Reading and Writing*, 30. P. 1115–1135.

Shin, J., Chang, Y., Kim, Y. (2016). Effects of Expository-Text Structures on Text-Based Interest, Comprehension, and Memory. *The SNU Journal of Education Research*, 25 (2). P. 39–57.

Silvia, P.J. (2006). *Exploring the Psychology of Interest*. New York: Oxford University Press. 264 p.

Sperber, D., Wilson, D. (1996). *Relevance: Communication and Cognition*. 2nd edn. Oxford/Cambridge: Blackwell. 326 p.

Wade, S. E. (2001). Research on Importance and Interest: Implications for Curriculum Development and Future Research. *Educational Psychology Review*, 13 (3). P. 243–261.

von Heusinger, K., Schumacher, P.B. (2019). Discourse Prominence: Definition and Application // *Journal of Pragmatics*, 154. <https://doi.org/10.1016/j.pragma.2019.07.025> (retrieval date: 21.09.2020).

WHERE DOES AN INTERESTING EXPOSITORY TEXT BEGIN?

Larisa A. Piotrovskaya

Doctor of Philology

Professor, Department of Russian Language

Herzen State Pedagogical University of Russia

48, Moika Emb., St. Petersburg, Russia, 191186

larisa11799@yandex.ru

Pavel N. Trushchelev

PhD student, Department of Russian Language

Herzen State Pedagogical University of Russia,

48, Moika Emb., St. Petersburg, Russia, 191186

paveltrue2007@rambler.ru

The article provides a description of the general mechanism of text-based interest formation in expository texts. It is based on the psychological research and the linguistic analysis. The authors of textbooks use various linguistic means to increase the emotogenicity of expository texts. The interest is activated by an incongruence between one's prediction about an event and the actual event. So, the means of interest evocation affect the

psychological mechanism of probabilistic forecasting. They also overcome the contextual predictability of expository text while deploying it. For instance, there are means aimed at overcoming the predictability of communicative context (e. g., unusual introduction) or the semantic context (e. g., contextualization, dialogizing). The analysis allows to claim that the contextual predictability of the interesting expository text is overcome not due to the message of unexpected, interesting information, but due to presentations of the speech subject that are unexpected for the addressee (e. g., challenging exposition). An interesting expository text should be coherent, because the formal, content and pragmatic coherence is the key to its successful understanding by students. Therefore, the means of interest evocation should not destroy the coherence of the completed expository text. They must be communicative and thematically relevant, otherwise the emotogenic potential of the text will significantly decrease.

Keywords: emotogenicity, expository text, interest, context predictability, text comprehension, educational communication

References

Babailova A.E. Tekst kak produkt, sredstvo i ob'ekt kommunikatsii pri obuchenii nerodnomu yazyku. Sotsiopsikholingvisticheskie aspekty [Text as a Product, Means and Object of Communication in Teaching a Foreign Language. Sociopsycholinguistic Aspects]. Saratov: Saratov University Publ., 1987. 150 p. (in Russian)

Doblaev L.P. Smyslovaya struktura uchebnogo teksta i problemy ego ponimaniya [Semantic Structure of the Educational Text and the Problems of its Understanding] / ed. by V. V. Davydova. Moscow: Pedagogika, 1982. 176 p. (in Russian)

Zalevskaya A.A. Tekst i ego ponimanie [Text and its Comprehension]. Tver': Tver State University Publ., 2001. 178 p. (in Russian)

Zolotova G.A., Onipenko N.K., Sidorova M. u. Kommunikativnaya grammatika russkogo yazyka [Communicative Grammar of the Russian Language]. Moscow: Institute of the Russian language Publ., 2004. 544 p. (in Russian)

Kuzina E.B. Logicheskie mekhanizmy i priemy verbal'nogo yumora [The Logical Mechanisms and Means of Verbal Humor] // Logiko-filosofskie shtudii [Logical and Philosophical Studies]. 2018. Vol 16. Issue 1–2. P. 186–187. (in Russian)

Litovchenko O.V. 5th–11th Grades Pupils' Attitude to the School Textbook: A Survey // Man and Education. 2012. Issue 1 (30). P. 117–122. (in Russian)

Makarov M.L. Osnovy teorii diskursa [Fundamentals of the Theory of Discourse]. Moscow: Gnozis, 2003. 280 p. (in Russian)

Piotrovskaya L.A., Trushchelev, P.N. Konkretizatsiya uchebnogo teksta kak sposob formirovaniya interesa u chitatelya (na primerakh opisaniya prirody) [The Training Text Concretization as a Way to Evoke Reader's Interest (Nature Description for Examples)] // Pechat' i slovo Sankt-Peterburga (Peterburgskie chteniya — 2018). Ed. by N. B. Lezunova. St. Petersburg: SPbGUPTD, 2018. P. 305–311. (in Russian)

Piotrovskaya L., Trushchelev P. Eksperimental'noe issledovanie emotsiogenosti tekstov (formirovanie interesa v uchebnom tekste) [An Experimental Investigation of Text Emotogenicity (formation of interest in a school text)] // Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences. 2019. Issue 192. P. 112–123. (in Russian)

Riekhakainen E.I. Rol' semanticheskogo konteksta v protsesse raspoznavaniya verbal'nykh patternov [The Role of Semantic Context in the Recognition of Verbal Patterns] //

Psikhofiziologicheskie i neirolingvisticheskie aspekty protsessa raspoznavaniya verbal'nykh i neverbal'nykh patternov kommunikatsii [The Psychophysiological and Neurolinguistic Aspects of the Process of Recognizing Verbal and Non-verbal Communication Patterns]. Saint Petersburg: VVM, 2016. P. 84–98. (in Russian)

Serebryakova A. Yu. Obobshchennost' sodержaniya kak svoystvo nauchnogo filosofskogo teksta [The Generalization of Content as a Feature of Scientific Philosophical Text] // Bulletin of South Ural State University. Series: Linguistics. 2005. Issue 11 (51). P. 87–88. (in Russian)

Ushakova S.A. Intentsional'noe sostoyanie interesa i ego vyrazhenie v angliiskom yazyke [The Intentional State of Interest and its Expression in English] // Mezhdunarodnaya filologicheskaya konferentsiya [Proc. of the XXIII International Philological Conference]. Vol. 3. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University Publ., 2003. P. 51–53. (in Russian)

Kholodnaya M.A., Gel'fman E.G. Razvivayushchie uchebnye teksty kak sredstvo intellektual'nogo vospitaniya uchashchikhsya [Developing Educational Txs as a Means of Students Intellectual Education]. Moscow: Institut psikhologii RAN, 2016. 200 p. (in Russian)

Khoutyz I.P. Storitelling v leksionnom diskurse [Storytelling in Lecture Discourse] // St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanities and Social Sciences. 2019. Issue 10 (2). P. 64–73. (in Russian)

Shtern A.S. Vvedenie v psikhologiyu. Kurs lektsii [Introduction to General Psychology. Lectures]. Moscow: Flinta, 2006. 308 p. (in Russian)

Ainley, M. (2017). The Science of Interest. In P. A. O'Keefe, J. M. Harackiewicz (eds.), Interest: Knowns, Unknowns, and Basic Processes. New York: Springer. P. 3–24.

Hidi, S., Baird, W. (1988). Strategies for Increasing Text-Based Interest and Students' Recall of Expository Texts. *Reading Research Quarterly*, 23 (4). P. 465–483.

Hidi, S., Renninger, K. A. (2006). The Four-Phase Model of Interest Development. *Educational Psychologist*, 41 (2). P. 111–127.

Izard, C.E. (2007). Basic Emotions, Natural Kinds, Emotion Schemas, and a New Paradigm. *Perspectives on Psychological Science*, 3. P. 260–280.

Kaakinen, J., Papp-Zipernovszky, O., Werlen, E., Castells Gomez, N., Bergamin, P. B., Baccino, Th., et al. (2018). Learning to Read in a Digital World. In M. Barzillai, J. Thomson, S. Schroeder, & P. van den Broek (eds.), *Emotional and Motivational Aspects of Digital Reading*. Amsterdam/ Philadelphia: John Benjamins Publishing Company. P. 143–166.

Kieras, D. (1985). Thematic Processes in the Comprehension of Technical Prose. In B. K. Britton, J. B. Black (eds.), *Understanding Expository Text*. New Jersey/London: Lawrence Erlbaum Associates. P. 89–107.

Kintsch, W. (1980). Learning from Text, Levels of Comprehension, or: Why Anyone Would Read a Story Anyway. *Poetics*, 9. P. 87–98.

Meyer, B. J. F., Ray, M. N. (2017). Structure Strategy Interventions: Increasing Reading Comprehension of Expository Text. *International Electronic Journal of Elementary Education*, 4 (1). P. 127–152.

Miceli, M., Castelfranchi, C. (2015). *Expectancy and Emotion*. Oxford: Oxford University Press. 270 p.

Rose, D. (2019). Building a Pedagogic Metalanguage II: Knowledge Genres. In K. Maton K., J. R. Martin, Y. J. Doran (eds.), *Accessing Academic Discourse*. London: Taylor & Francis. <https://doi.org/10.4324/9780429280726-10> (retrieval date: 21.09.2020).

Schmitz, A., Gräsel, C., Rothstein, B. (2017). Students' Genre Expectations and the Effects of Text Cohesion on Reading Comprehension. Reading and Writing, 30. P. 1115–1135.

Shin, J., Chang, Y., Kim, Y. (2016). Effects of Expository-Text Structures on Text-Based Interest, Comprehension, and Memory. The SNU Journal of Education Research, 25 (2). P. 39–57.

Silvia, P. J. (2006). Exploring the Psychology of Interest. New York: Oxford University Press. 264 p.

Sperber, D., Wilson, D. (1996). Relevance: Communication and Cognition. 2nd edn. Oxford/Cambridge: Blackwell. 326 p.

Wade, S. E. (2001). Research on Importance and Interest: Implications for Curriculum Development and Future Research. Educational Psychology Review, 13 (3). P. 243–261.

von Heusinger, K., Schumacher, P. B. (2019). Discourse Prominence: Definition and Application // Journal of Pragmatics, 154. <https://doi.org/10.1016/j.pragma.2019.07.025> (retrieval date: 21.09.2020).

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ОСОБЕННОСТЕЙ РЕЧЕВЫХ СБОЕВ ДЕТЕЙ 10-12 ЛЕТ И ВЗРОСЛЫХ НОСИТЕЛЕЙ РУССКОГО ЯЗЫКА

Слабодкина Татьяна Александровна

преподаватель филологического факультета

МГУ имени М.В. Ломоносова

119991, Москва, Ленинские горы, ГСП-1, 1-й корп. гум. факультетов

slabodkina.t@gmail.com

В статье представлено психолингвистическое исследование в области устной речи носителей русского языка предподросткового возраста. Задачей работы является сравнение количественных характеристик речевых сбоев (в том числе абсолютных и заполненных пауз хезитации, фальстартов, повторов) на материале двух корпусов устных текстов, один из которых представляет собой аннотированные расшифровки диалогов 10-12-летних детей, в парах совместно выполняющих определенное задание, а второй корпус состоит из диалогов между взрослыми в аналогичной ситуации. Целью исследования является определение различий в речевом поведении двух возрастных групп в одинаковых условиях. Анализ полученных данных демонстрирует наличие статистически достоверной разницы между рассмотренными выборками по количеству абсолютных пауз и по длине таких пауз между репликами собеседников, а также по одному из видов самоисправлений, что может свидетельствовать о продолжающемся процессе развития некоторых речевых навыков у детей данного возраста. Такой вывод соответствует теории позднего дискурсивного развития и свидетельствует о необходимости дальнейшего всестороннего исследования речи детей предподросткового возраста несмотря на то, что этот период традиционно остается вне фокуса внимания специалистов.

Ключевые слова: диалог, речевые сбои, паузы, фальстарты, детская речь, онтогенез речи, дискурсивное развитие, порождение речи

Введение

Важное место в современной лингвистике среди исследований спонтанной устной речи занимают работы по изучению речевых сбоев, которые могут служить «источником информации при обращении к языку с когнитивных, социологических и психологических позиций» [Кибрик, Подлесская 2009: 177]. В нашем исследовании мы обратились к таким сбоям в речи носителей предподросткового возраста и задались вопросом, отличается ли с этой точки зрения поведение двух возрастных групп: детей 10-12 лет и взрослых.

Если проанализировать исследования детской речи, можно заметить, что они распределены неравномерно: периоду до пяти лет уделяется большая часть внимания, абсолютное большинство существующих работ в этой области посвящены именно этому возрасту. Этот феномен легко объясним: наблюдая за ребенком в раннем детстве, можно увидеть, что изменения в речевом поведении происходят очень быстро. Разница в несколько месяцев может быть заметна не только специалисту. Постепенно процесс языкового развития замедляется, однако прекращается ли он? И если прекращается,

то в каком именно возрасте? Какие навыки осваиваются уже в раннем детстве, а какие продолжают развиваться у подростков? Что происходит на разных языковых уровнях? Эти и другие вопросы остаются предметом изучения психолингвистики и онтолингвистики [Saxton 2010].

Раньше развитием речи детей школьного возраста традиционно занимались в основном педагоги и методисты, однако постепенно речь подростков стали исследовать и лингвисты. Зачастую теоретические исследования связаны именно с практическими целями, в частности, чтобы исследовать нарушения речевого развития, а в перспективе создавать методики коррекции, для чего необходимо понимать, как протекает процесс в типичных условиях [Nippold 1993]. Данное исследование имеет своей целью дополнить теоретическое описание типичного речевого развития, оставляя практическое применение темой для наших последующих работ.

В области изучения речи подростков и, в том числе, интересующей нас группы 10-12 лет можно выделить несколько ключевых исследователей. Американский учёный М. Нипполд в своих работах демонстрирует, что в подростковом возрасте продолжается освоение абстрактной лексики, при том, что словарный запас может пополняться всю жизнь, предложения становятся длиннее, используются менее частотные синтаксические конструкции, которые, хотя и осваиваются первично в более раннем возрасте, в подростковом начинают использоваться чаще и более адекватно в дискурсе (см. подробнее в монографии: [Nippold 2007]). Причем в ситуациях объяснения (например, правил игры) дети используют более сложные по своей структуре и более развернутые предложения. Исследовательница отмечает также, что именно в школьном возрасте происходят наиболее важные изменения в сфере прагматики и коммуникативных навыков: дети учатся уместно перебивать, комментировать и, в целом, участвовать в эффективном диалоге или полилоге. Таким данным соответствуют и выводы отечественного онтолингвиста К.Ф. Седова. Его эксперименты со школьниками демонстрируют, что, хотя к 10 годам ребенок уже обладает инструментами «языкового механизма», ему еще предстоит долгий путь, чтобы научиться им управлять и продуктивно применять [Седов 2004]. Изменения, происходящие в языке подростков, являются частью когнитивного развития, развития навыков коммуникации, вербального мышления.

В нашем исследовании мы также предположили, что развитие некоторых дискурсивных навыков можно выявить, сравнив речевое поведение детей 10-12 лет и взрослых в одинаковых условиях, в частности, проанализировав речевые сбои и паузы в речи этих двух групп (об особенностях речевых стратегий подростков см. подробнее в: [Федорова, Слабодкина и др. 2013]; [Слабодкина, Федорова 2018]; [Слабодкина в печ.]). Значимое различие могло бы говорить о том, что процесс речевого развития в рассматриваемом возрасте еще продолжается.

Описание эксперимента

Для составления корпуса были записаны диалоги между носителями русского языка разного возраста: между школьниками 10-12 лет (всего 16 пар) и между студентами – также 16 пар (авторами исследования было получено разрешение от взрослых участников и родителей школьников на использование аудиозаписей в научных целях). Диалоги строились вокруг решения определенной задачи: один из участников должен был описать другому нечто, что не видит второй. Эта методика изначально применялась в социальной психологии [Krauss, Weinheimer 1966], а затем и в экспериментальной психолингвистике [см. обзор в: Федорова 2014]. Мы использовали адаптированную

методику американского исследователя Г. Кларка [Clark, Wilkes-Gibbs 1986]: двое собеседников располагаются по обеим сторонам непрозрачной перегородки, перед ними на столе расположены одинаковые наборы карточек. Первый участник (условно «инструктор») видит правильное расположение и должен объяснить второму («раскладчику»), как разложить его карточки в том же порядке.

Стимульным материалом служили черные сплошные силуэты из игры танграм на белом фоне (см. рис. 1). Такие картинки не являются прямыми изображениями чего-либо, однако могут вызывать ассоциации с людьми в определенной позе, животными, предметами или фигурами, причем для одного образа у разных людей могут быть похожие или совершенно несовпадающие описания. Таким образом, чтобы выполнить данную задачу, участники должны взаимодействовать друг с другом, вести диалог.

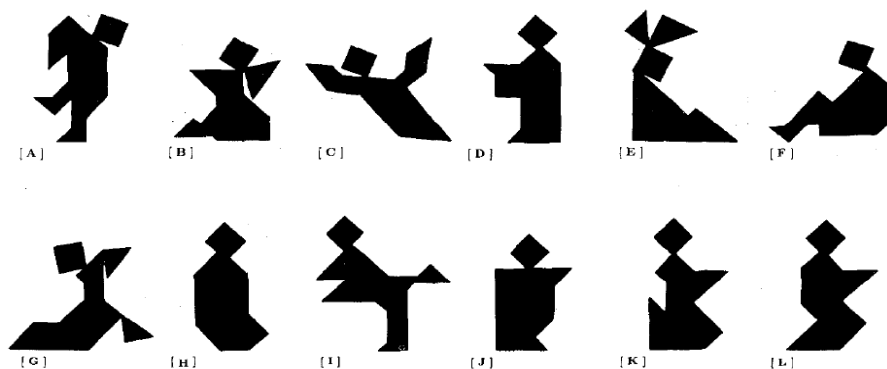

Рис. 1. Набор изображений из игры танграм для выполнения задания (в ходе исследования картинки не были обозначены буквами)

Участников просили разложить карточки в правильном порядке, но как можно быстрее, то есть, с одной стороны, испытуемые старались выполнить задание наиболее эффективно, с другой, – игровая форма подходила и взрослым, и детям.

Все записи были расшифрованы вручную с помощью программного обеспечения для визуализации звучащей речи PRAAT для более точного измерения и позиционирования речевых сегментов, пауз и других явлений, а затем аннотированы для целей последующего анализа дискурсивных особенностей и речевых сбоев, а также для сравнения речевого поведения взрослых и детей.

Несмотря на то что термин «речевые сбои» (в англоязычной литературе ‘disfluencies’) имеет негативную коннотацию в обыденном сознании, обозначаемый им феномен является неотъемлемой частью любого устного дискурса всех носителей языка, независимо от возраста. Он отражает когнитивные процессы, происходящие при речепорождении, может нести организующую функцию и способен как облегчать, так и усложнять восприятие речи [Fox Tree 1995]. Речевые сбои не являются проблемой как таковой, а, напротив, служат решением проблем, связанных с порождением высказывания. Они сигнализируют в том числе о том, что говорящему требуется дополнительное время для формулирования высказывания и помогают воспринимать услышанное как непрерывный отрезок речи [Clark 2002]. Однако мы предположили,

что если количественные характеристики речевых сбоев двух рассматриваемых нами групп будут значимо отличаться, то это может свидетельствовать о продолжающемся процессе развития соответствующих навыков у детей.

В первую очередь в центре нашего внимания оказались паузы, которые мы разделили на основании их длительности и характера на абсолютные, в которых звук отсутствует (обозначаются точками, причем количество точек отражает длительность), и заполненные – так называемые «экания» и «мэкания» (в расшифровке – буквы «м», «э», «а»), как в примере (1¹). Выделялись также и удлинения звуков в словах.

(1) *Инструктор: ээ (0.2) дальше идёт ээ (0.3) человек который ммм (0.7) был ..(0.4) в предыдущем ..(0.3) эээ (0.7) ... (0.5) тоже второй картинкой который ..(0.2) ээ (0.2) руки в разные стороны и у него правая оторвана.* (Детский корпус. Диалог 9. Фрагмент описания картинки В – наши экспериментальные данные). Нами также были выделены и подсчитаны повторы, в том числе, повторы фрагментов реплик, слов и фрагментов слов (см. пример 2).

(2) *Инструктор: значит первая картинка -- это если её перевернуть **чтобы она стоя-яла** || ... (0.6) эээм (0.6) ... (1.4) **чтобы она стояла вертикально** ... (0.8) то ээ (0.2) это получится какой-то пловец либо это черепаха ... (1.0) голова в виде квадрата и сзади дрыгает ногами* (Детский корпус. Диалог 14. Фрагмент описания картинки А – наши экспериментальные данные).

В спонтанной речи говорящий часто прибегает к самоисправлениям. То есть в какой-то момент он оценивает уже произнесенный им фрагмент как неверный, неподходящий или недостаточно точный и как бы «зачеркивает» сказанное и немедленно заменяет его на более адекватный. Такой процесс может произойти в любой момент, в том числе, в середине фразы или слова, так как говорящий стремится исправить ошибку как можно быстрее [Levelt 1989]. Рассмотрим пример 3: начав свою фразу «на тре=» (предположительно, изначальный план был произнести «на третьей картинке»), говорящий понимает, что номер картинки другой и, недоговорив слово, тут же исправляет на более подходящее «на четвертой...». В таких случаях в транскрипции мы использовали знак так называемого «слабого фальстарта» - ||, для обрыва слова используется знак «=».

(3) *Инструктор: эээ (0.7) ..(0.1) На тре=|| четвертой ... (0.7) можно сказать стоящий человек руки у него как бы влево* (Детский корпус. Диалог 8. Фрагмент описания картинки С – наши экспериментальные данные).

Как в детских, так и во взрослых записях нередки случаи так называемых «сильных фальстартов», когда говорящий начинает произносить реплику, однако потом обрывает и не исправляет её, а полностью отказывается от первоначального плана, начиная новую реплику. Если рассмотреть пример 4, можно заметить, что, уже начав свою реплику (уточнение описания картинки), инструктор вдруг осознает, что высказывание раскладчика требует его срочной реакции. Тогда он как бы перебивает себя сам, бросает начатую реплику и не исправляет её, а переключается на более приоритетную (при транскрибировании мы использовали знак «==»).

(4) *Раскладчик: ... (2.4) здесь два человека-а есть, который || ..(0.2) два человека как будто на коленях стоят.*

¹ Транскрипция выполнена согласно правилам, подробно описанным в: [Кибрик, Подлеская 2007].

Инструктор: как будто на как= == ... (0.6) нет! Ээ (0.2) он стоит в полный рост ... (0.2) тот ... (0.2) и-и вот просит ми= || милостыню как будто руку подаёт. (Детский корпус. Диалог 9. Фрагмент описания картинки D)

В отличие от монологической речи, в диалоге оба участника могут говорить одновременно. Наложение реплик может быть вызвано как недопониманием со стороны слушающего относительно смены ролей в диалоге, так и результатом попытки оптимизации усилий и экономии времени. Услышав только первую часть реплики, содержащую в себе основной смысл высказывания, инструктор уже готов дать ответную реакцию, поэтому фрагменты «вверх» и «да» произносятся одновременно (в транскрипции обозначается квадратными скобками).

(5) *Раскладчик: .... (1.2) а ... (0.5) Подожди, а у него нога поднята [вверх]?*

Инструктор: [Да] .. (0.4) Он как будто идет (Детский корпус. Диалог 4. Фрагмент описания картинки А)

Обсуждение результатов

После того как все записи были размечены, мы пересчитали все значения в среднем на каждые 100 слов. Таким образом, мы получили для сравнения данные по двум независимым группам: дети и взрослые испытуемые. В связи с тем, что обе группы относительно небольшие (64 участника, то есть две группы по 16 пар), для анализа этих выборок мы применили непараметрический критерий Манна-Уитни, подходящий для существующих условий. Для обработки результатов мы использовали программный пакет SPSS.

Таблица № 1

Количественные данные о паузах в диалогах детей (Д) и взрослых (В)

абсолютные паузы	Д	15,3	29	35,2	29,6	24,7	22,3	30,4	20,8	12,1	30,2	7,1	16,4	21,4	12,6	31,1	29
	В	9,8	17	25,2	19,1	22,8	12,5	16	10	14,1	12,2	4,4	14,2	17,8	22,6	10,1	24,6
заполненные паузы	Д	1,3	4,1	9,3	4,2	6,6	2,3	7,4	3,3	2,8	10	3,7	4,2	2,9	5,4	15,3	10
	В	1,8	2,7	4,5	6,7	6,1	2	2,2	2,9	3,5	8,6	0,9	5,4	7,3	6,3	0,5	3,6
длина пауз между репликами (сек)	Д	0,39	1,3	0,86	0,48	1,23	1,82	1,5	0,42	0,34	0,78	0,16	0,26	0,48	0,87	1,4	2,6
	В	0,18	0,4	0,57	0,3	0,11	0,24	0,25	0,1	0,22	0,17	0,04	0,24	0,35	0,5	0,52	0,91

Сравнив количество пауз в двух группах, мы получили уровень значимости, равный 0.056, что не подтверждает их достоверное различие, однако далее мы рассмотрели заполненные и абсолютные паузы отдельно, и оказалось, что разница заключается именно в количестве абсолютных пауз ($p\text{-level}=0.01$). Обычно этот вид речевого сбоя считается наименее предпочтительным, так как абсолютные паузы могут ввести себе-

седника в заблуждение относительно течения самого диалога и привести к коммуникативной неудаче [Maclay, Osgood 1950; Smith, Clark 1993]. В ходе диалога между говорящими происходит постоянная синхронизация между артикуляцией и восприятием. Слушающий адекватно принимает сообщение, если слышит его в тот момент, когда ожидает его услышать, поэтому говорящий обычно стремится к максимальной плавности подачи информации. Очевидно, что добиться идеальной плавности в спонтанной речи невозможно, поэтому говорящему приходится прибегать к различным средствам, чтобы сигнализировать, что следующий фрагмент будет отложен, например, с помощью заполненных пауз или удлинения звуков [Clark 2002]. Для детей этот процесс еще не автоматизирован, поэтому они часто в местах временных затруднений просто молчат, усложняя тем самым процесс восприятия слушающим.

Согласно данным экспериментов для более младшего возраста [Casillas, Bobb, Clark 2016], детям требуется больше времени, чтобы сформулировать ответную реакцию (за исключением случаев, когда реакция односложная – да/нет – или является клишированной, заученной). В нашем случае мы также проанализировали паузы между репликами испытуемых и определили среднее значение для каждой пары (см. таблицу 1). Длина таких пауз у детей оказалось значимо больше пауз взрослых, то есть детям в среднем требуется больше времени, чтобы дать ответ или произнести следующую реплику, что нарушает принцип минимальных пауз, который был выявлен в диалогах между взрослыми [Sacks, Schegloff, Jefferson 1974].

Таблица № 2

Количественные данные о повторах, самоисправлениях и наложениях реплик в диалогах детей (Д) и взрослых (В)

повторы	Д	0,5	0,7	0,2	1	1,1	0,9	1,1	0,7	2	0,5		1,8	2,2	0,7	0,4	0,6	0,7
	В	0,4	0,8	0,9	1	1,1	0,3	0,2	1,1	0,7	0,1		0,7	0,1	0,7	0,8	0,4	1,9
сильные фальстарты	Д	0,4	0,7	0,4	0,9	0,4	0,4	0,4	0,1	0,6	0,8		0,6	1,0	0,7	0,2	0,0	0,2
	В	0,5	0,2	0,7	0,9	0,8	1,4	0,1	1,1	1,7	0,8		0,5	0,7	0,4	0,4	0,7	0,1
слабые фальстарты	Д	1,7	0,8	0,4	2,1	3,2	1,1	2,3	1,6	2,7	3,4		3,0	3,8	1,5	2,3	3,4	1,2
	В	0,7	0,9	1,1	2,0	2,3	0,5	1,2	2,1	2,3	1,3		1,5	0,7	1,6	1,5	0,8	2,3
наложения реплик	Д	1,4	0,9	1,8	4,4	1,2	0,3	0,2	1,8	7,6	4,4		8,7	9,4	6,2	2,5	0,8	0,0
	В	0,0	7,9	4,9	4,9	2,7	1,7	8,7	10,4	8,0	3,4		10,0	5,7	5,3	1,2	3,9	1,2

Аналогичным образом мы провели статистическое сравнение количества повторов. Согласно полученным нами результатам, уровень значимости, равный 0.27, говорит об отсутствии различия в использовании повторов в наших выборках. Повтор слова или фрагмента фразы может быть связан с исправлением предыдущего отрезка речи или

нужен для того, чтобы выиграть время для подбора вербального оформления следующего фрагмента, однако он не требует больших усилий для оформления [Fraundorf, Watson 2008], поэтому применение повторов подростками может быть уже освоено к этому возрасту.

Интерес представляют данные о количестве самоисправлений. Как уже отмечалось выше, мы рассматривали два вида таких сбоев. Если сравнить ситуации, где говорящий полностью отказывается от первоначального замысла и «бросает» свою фразу, заменяя другой, то они в обеих рассматриваемых нами группах встречаются одинаково часто (статистический анализ дает уровень значимости 0.24). Однако случаи, где самоисправления происходят без глобального изменения структуры высказывания (как в примере 2 выше), встречаются в диалогах детей чаще. Здесь показатель уровня значимости составляет 0.043, что уже свидетельствует о несовпадении поведения двух групп.

Рассматривая количественные данные о наложениях реплик в двух коллекциях записей, мы также не обнаружили статистической разницы (уровень значимости равен 0.136). Однако это в сочетании с фактом более длинных пауз между репликами детей соответствует данным экспериментов с детьми до пяти лет, которые часто отвечают не вовремя, но обычно именно слишком поздно, а не слишком рано [Garvey, Berninger 1981].

Выводы

Исследования речи детей в возрасте 10-12 лет остаются на периферии онтолингвистики, несмотря на то что уже были получены данные, благодаря которым можно утверждать, что языковое развитие активно продолжается и после 10 лет, даже если это не так заметно, как в раннем детстве [Nippold 2000].

В частности, особый интерес вызывает дискурсивное развитие подростков. В нашем исследовании мы собрали корпус диалогов для сравнения речевого поведения взрослых носителей русского языка и детей 10-12 лет. В фокусе нашего внимания оказались речевые сбои и паузы.

Проведя анализ записей, мы обнаружили, что некоторые виды речевых сбоев в детских диалогах встречаются так же часто, как и во взрослых, и, в целом, дети используют такой же их набор, однако количественные характеристики отдельных видов сбоев демонстрируют значимое отличие в поведении двух возрастных групп, в том числе, в диалогах между детьми существенно больше абсолютных пауз. Когда детям нужно время для формулирования высказывания, подбора нужного слова или исправления произнесенного фрагмента, они зачастую вынуждены сделать паузу, не заполненную звуками или словами, то есть они выбирают наименее желательный вид речевого сбоя [Fraundorf 2013], который может запутать слушающего и привести к недопониманию и коммуникативной неудаче. Аналогично замер длины пауз между репликами в детских и взрослых диалогах показал, что детям требуется больше времени для формулирования ответной реплики. Последнее также может повлиять на успешность диалога в целом [Broen 1972]. Речевые сбои являются неотъемлемой частью устной речи и могут служить сигналом для слушающего для правильного восприятия высказывания, несмотря на возможные затруднения, возникающие у говорящего при порождении этого фрагмента. Однако эффективное использование различных видов сбоев тоже является своего рода навыком, которым детям предподросткового возраста еще предстоит в полной мере овладеть.

В нашей работе мы рассмотрели лишь несколько явлений, связанных с коммуникативным развитием детей предподросткового возраста, однако очевидна необходимость дальнейшего исследования в данной области.

Литература

Кибрик А.А., Подлеская В.И. Рассказы о сновидениях: корпусное исследование устного русского дискурса. М: Языки славянских культур, 2009. 736 с.

Подлеская В.И., Кибрик А.А. Самоисправления говорящего и другие типы речевых сбоев как объект аннотирования в корпусах устной речи. // Научно-техническая информация. Серия 2: Информационные процессы и системы. 2007. Вып.2. М.: ВИНТИ. С. 2–23.

Подлеская В.И., Кортаев Н.А., Мазурина С.И. Самоисправления говорящего в русском монологическом и диалогическом дискурсе: опыт корпусного исследования // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. по материалам ежегодной Международной конференции «Диалог». 2019. С. 547–561.

Седов К.Ф. Дискурс и личность: эволюция коммуникативной компетенции. М.: Лабиринт, 2004. 317 с.

Слабодкина Т.А. Особенности планирования ответных реплик в диалогах русскоязычных детей 10-12 лет // Rhema. Рема. (в печати)

Слабодкина Т. А., Федорова О. В. Речевые сбои в диалогах русскоязычных детей (экспериментальное исследование) // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2018. № 189. С. 153–160.

Федорова О.В. Экспериментальный анализ дискурса. М: Языки славянской культуры, 2014. 512 с.

Федорова О.В., Слабодкина Т.А., Деликишкина Е.А., Ципенко А.А. Моделирование диалога в психолингвистике: взрослые и детские стратегии описания объектов действительности // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам Международной конференции «Диалог 2013». Т. 12. 2013. С. 230–238.

Broen, P. A. (1972). The verbal environment of the language-learning child. Washington, D.C.: Monograph of American Speech and Hearing Association.

Casillas, M., Bobb, S. C., & Clark, E. V. (2016). Turn-taking, timing, and planning in early language acquisition // *Journal of Child Language*, 43, P.1310–1337.

Clark, H.H. (2002). Speaking in time // *Speech communication*, 36, P. 5–13.

Clark, H. H., & Wilkes-Gibbs, D. (1986). Referring as a collaborative process // *Cognition*, 22(1), P. 1–39.

Garvey, C., & Berninger, G. (1981). Timing and turn-taking in children's conversations // *Discourse Processes*, 4, P. 27–57.

Fraundorf, S.H., & Watson D.G. (2013). Alice's adventures in um-derland: psycholinguistic dimensions of variation in disfluency production // *Language, Cognition and Neuroscience*, 29, P. 1083–1096.

Fraundorf, S.H., & Watson, D.G. (2008). Dimensions of variation in disfluency production in discourse // *Proceedings of LONDIAL the 12th Workshop on the semantics and pragmatics of dialogue*. P. 131–138.

Fox Tree, J. (1995). The effects of false starts and repetitions on the processing of subsequent words in spontaneous speech // *Journal of Memory and Language*, 34, P. 709–738.

Krauss R.M., & Weinheimer S. (1966). Concurrent feedback, confirmation, and the encoding of referents in verbal communication // Journal of Personality and Social Psychology, 4(3), P. 343–346.

Levelt, W. J. M. (1989). Speaking: From intention to articulation. Cambridge, MA: MIT Press.

Maclay, H., & Osgood, C. E. (1959). Hesitation phenomena in spontaneous speech // Word, 14, P. 19–44.

Nippold, M.A. (1993). Developmental markers in adolescent language // Language, Speech, and Hearing Services in Schools, 24, P. 21–28.

Nippold, M.A. (2000). Language development during the adolescent years: Aspects of pragmatics, syntax, and semantics // Topics in Language Disorders 20(2), 15–28.

Nippold, M.A. (2007). Later language development: The school-age and adolescent years. Austin, TX: Pro-Ed.

Sacks, H., Schegloff, E., & Jefferson, G. (1974). A simplest systematics for the organization of turn-taking for conversation // Language, 50, P. 696–735.

Saxton, M. (2010). Child language: Acquisition and development. London, UK: Sage.

Smith, V. L., & Clark, H.H. On the course of answering questions // Journal of Memory and Language, 32, P. 25–38.

A COMPARATIVE ANALYSIS OF SPEECH DISFLUENCIES IN CHILDREN AGED 10-12 YEARS AND ADULTS, NATIVE RUSSIAN SPEAKERS

Tatiana A. Slabodkina

Lecturer, Faculty of Philology,

Lomonosov Moscow State University

I Humanities, MSU, Leninskie Gory, Moscow, 119991

slabodkina.t@gmail.com

The article presents a psycholinguistic study of the oral speech of pre-adolescent Russian speakers. The current study compared the quantitative characteristics of speech disfluencies (silent and filled hesitation pauses, false starts, and repetitions among them) on the material of two corpora of oral texts: one of which was an annotated transcript of dialogues of children aged 10-12 solving in pairs a certain problem, and the second corpus consisted of dialogues between adults in the identical situation. Through the comparison of the two corpora, the author aimed at determining differences in speech behavior of two age groups put in the same conditions. The analysis of the collected data showed that there is a statistically significant difference between the two samples in the number of silent pauses and their length between the interlocutors' utterances, as well as by one of the types of repairs, which may indicate the ongoing development of certain speech skills in children of this age. These results support the theory of late discursive development which indicates the need for further comprehensive research of pre-adolescent children speech, even though this period traditionally is neglected by researchers.

Keywords: dialogue, disfluencies, pauses, false starts, child language, speech ontogenesis, preadolescence, discursive development, speech production, experimental research

References

- Kibrik A.A., Podlesskaja V.I.* Rasskazy o snovidenijax: korpusnoe issledovanie usnogo russkogo diskursa [Night Dream Stories: A Corpus Study of Spoken Russian Discourse]. M: Jazyki slavjanskih kul'tur, 2009. 736 p. (In Russian)
- Podlesskaja V.I., Kibrik A.A.* Samoispnavlenija govornjashhego i drugie tipy rechevyh sboev kak obekt annotirovanija v korpusah ustnoj rechi [Speaker's self-corrections and other types of disfluencies as an object of annotation in the corpus of oral speech] // Nauchno-tehnicheskaja informacija. Serija 2: Informacionnye processy i sistemy [Information Processes and Systems]. 2007. Vol.2. M.: VINITI. P. 2–23. (In Russian)
- Sedov K.F.* Diskurs i lichnost': jevoljucija kommunikativnoj kompetencii. [Discourse and Personality: Evolution of Communicative Competence] M.: Labirint, 2004. 317 p. (In Russian)
- Slabodkina T.A.* Osobennosti planirovanija otvetnyh replik v dialogah russkojazychnyh detej 10-12 let [Specific character of planning responses in dialogues of 10-12 years old native Russian speaking children] // Rhema. Rema. (in press) (In Russian)
- Slabodkina T. A., Fedorova O. V.* Rechevye sboi v dialogah russkojazychnyh detej (jeksperimental'noe issledovanie) [Speech disfluencies in the dialogues of 10-12 years old native Russian speaking children (experimental study)] // Izvestija Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gercena. [Bulletin of Herzen State Pedagogical University] 2018. Issue 189. P. 153–160. (In Russian)
- Fedorova O.V.* Jeksperimental'nyj analiz diskursa [Experimental Discourse Analysis]. M: Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2014. 512 p. (In Russian)
- Fedorova O. V., Slabodkina T. A., Delikishkina E.A., Cipenko A.A.* Modelirovanie dialoga v psiholingvistike: vzroslye i detskie strategii opisanija ob'ektov dejstvitel'nosti [Modeling dialogue in psycholinguistics: adult and children's strategies for describing objects of reality] // Komp'juternaja lingvistika i intellektual'nye tehnologii. Po materialam Mezhdunarodnoj konferencii "Dialog 2013" [Proceedings inn Computational Linguistics and Intellectual Technologies, Dialog 2013]. Vol. 12. 2013. P. 230–238. (In Russian)
- Broen, P. A.* (1972). The verbal environment of the language-learning child. Washington, D.C.: Monograph of American Speech and Hearing Association.
- Casillas, M., Bobb, S. C., & Clark, E. V.* (2016). Turn-taking, timing, and planning in early language acquisition // Journal of Child Language, 43, P. 1310–1337.
- Clark, H.H.* (2002). Speaking in time // Speech communication, 36, P. 5–13.
- Clark, H. H., & Wilkes-Gibbs, D.* (1986). Referring as a collaborative process // Cognition, 22(1), P. 1–39.
- Garvey, C., & Berninger, G.* (1981). Timing and turn-taking in children's conversations // Discourse Processes, 4, P. 27–57.
- Fraundorf, S. H., & Watson D. G.* (2013). Alice's adventures in um-derland: psycholinguistic dimensions of variation in disfluency production // Language, Cognition and Neuroscience, 29, P. 1083–1096.
- Fraundorf, S. H., & Watson, D. G.* (2008). Dimensions of variation in disfluency production in discourse // Proceedings of LONDIAL the 12th Workshop on the semantics and pragmatics of dialogue. P. 131–138.
- Fox Tree, J.* (1995). The effects of false starts and repetitions on the processing of subsequent words in spontaneous speech // Journal of Memory and Language, 34, P. 709–738.

Krauss R. M., & Weinheimer S. (1966). Concurrent feedback, confirmation, and the encoding of referents in verbal communication // Journal of Personality and Social Psychology, 4(3), P. 343–346.

Levelt, W. J. M. (1989). Speaking: From intention to articulation. Cambridge, MA: MIT Press.

Maclay, H., & Osgood, C. E. (1959). Hesitation phenomena in spontaneous speech // Word, 14, P. 19–44.

Nippold, M. A. (1993). Developmental markers in adolescent language // Language, Speech, and Hearing Services in Schools, 24, P. 21–28.

Nippold, M. A. (2000). Language development during the adolescent years: Aspects of pragmatics, syntax, and semantics // Topics in Language Disorders 20(2), 15–28.

Nippold, M. A. (2007). Later language development: The school-age and adolescent years. Austin, TX: Pro-Ed.

Sacks, H., Schegloff, E., & Jefferson, G. (1974). A simplest systematics for the organization of turn-taking for conversation // Language, 50, P. 696–735.

Saxton, M. (2010). Child language: Acquisition and development. London, UK: Sage.

Smith, V. L., & Clark, H. H. On the course of answering questions // Journal of Memory and Language, 32, P. 25–38.

ЯЗЫКОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ «АНТИВИРУСНОЙ» СОЦИАЛЬНОЙ РЕКЛАМЫ: ОТ «ИСПАНСКОГО ГРИППА» ДО «COVID-19»¹

Соколова Ольга Викторовна

доктор филологических наук,
старший научный сотрудник НОЦ ТиПК им. Ю.С. Степанова
Института языкознания РАН
Москва, 125009, Большой Кисловский переулок, д. 1, стр. 1,
olga.sokolova@iling-ran.ru

В статье исследуется степень лингвокреативности в социальной рекламе на материале «антивирусных» рекламных кампаний. Выделяются три основные группы рекламных текстов, пропагандирующие борьбу с вирусами на протяжении XX–XXI вв. Это социальная реклама 1910–х–20-х годов, распространенная в Европе, России и США на тему профилактики «испанского гриппа»; «авангардная» пропаганда гигиены в СССР в 1920-е годы и современная социальная реклама на тему коронавирусной инфекции. Если в рекламе начала XX-го века использовались преимущественно директивные речевые акты и императивные формы, то начиная с 1920-х годов, степень лингвокреативности рекламного дискурса повышается. В текстах советской «авангардной» рекламы использование неологизмов и полисемии приводит к повышению степени лингвокреативности и иллюкутивного эффекта. Наиболее распространенным приемом, характерным для текстов 2020-го года, является расширение семантической структуры слов, что обусловлено направленностью социальной рекламы на «перестройку идеологических воззрений» (термин У. Эко). Использование семантических средств языковой манипуляции в современной антивирусной рекламе характеризуется ограниченной степенью «дискурсивной креативности», которая отличается от «языковой креативности». Выделяются основные когнитивные механизмы «антивирусной» рекламы: сдвиг и наведение фокуса (*zooming in*), которые реализуются с помощью аугментативных форм, конкретизации значения, энантиосемии и неузального сближения каузативных и некаузативных глаголов в контексте. В современной рекламе отмечается создание специальных «слов-вирусов» (по аналогии со «словами-паразитами»), участвующих в формировании рекламных слоганов и маркирующими принадлежность сообщения к «антивирусной» кампании, относящейся к «вирусному» дискурсу.

Ключевые слова: лингвокреативность, дискурсивный анализ, полисемия, реклама, антивирусные кампании, COVID-19

1. Введение. «Вирусные» технологии глобальной коммуникации

Понимание рекламного дискурса как болезни, охватившей современное человечество и управляющей им посредством повсеместной сети медиа-каналов, распространено в семиотике и теории критического дискурс-анализа. О контроле медиа-ресурсов, определяющих властный дискурс, над самим сообщением, пишут М. Маклюен: «Сред-

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №19-18-00040) в Институте языкознания РАН.

ство коммуникации есть сообщение» (*The Medium is the Message*) [McLuhan 1967] и У. Эко: «Не так давно, если вы хотели захватить политическую власть в стране, вам нужно было просто контролировать армию и полицию <...> Сегодня страна принадлежит человеку, который контролирует коммуникации» [Есо 1986: 135]. В.З. Демьянков проблематизирует возможность верификации сообщения и необходимость формирования «гигиенических читательских приемов» в ситуации глобальной коммуникации, отмечая «сходство недостоверной информации как разновидности трансфера знаний с эпидемией, с биологическим оружием и с ядерным взрывом, которые заражают окружающее пространство» [Демьянков 2017: 5]. Идея «вирусных», «эпидемических» техник распространения информации в современной социальной системе становится все более актуальной: «Битва ведется на уровне значения, высмеивая доминирующую систему смысла с целью сделать «крутым» некрутое <...> контр-дискурс может действовать как вирус, проникающий в символический кровоток политики тела» [McGuigan 2010: 19]. Трансформация социально-культурной системы и политических процессов под влиянием коронавирусной инфекции стала предметом новой книги философа С. Жижека «Пан(дем)ика! COVID-19 сотрясает мир». Круг проблем, который он очерчивает, включает «вирус идеологии», «вирусную пустыню» современного социума и «эпидемию идеологических вирусов»: «Продолжающееся распространение коронавирусной эпидемии спровоцировало масштабную эпидемию идеологических вирусов, до сей поры дремлющих в нашем обществе: фейковые новости (fake news), параноидальные конспирологические теории, взрыв расизма. Хорошо обоснованная медиками необходимость карантина отразилась в идеологическом давлении с целью установить четкие границы и изолировать врагов, которые представляют угрозу для нашей идентичности» [Žižek 2020: Kindle Edition].

«Вирусные» технологии распространения информации и формирования идеологии становятся все более релевантными как для контр-дискурса, так и для любого стремящегося к доминированию дискурса, и прежде всего – для дискурса рекламы. Помимо технологий «вирусного маркетинга» как способа молниеносного распространения сообщения с помощью «сарафанного радио», реклама, «действуя как вирус», проникает во все сферы социальной системы и индивидуального бытия, охватывая и сферу, призванную бороться с вирусами – здравоохранение. Идея «порабощения» рекламой других типов дискурса постулируется в работе «Язык и власть» классика критического дискурс-анализа Н. Фэркло, который определяет рекламу как один из двух основных «колонизирующих» типов дискурса [Fairclough 1989: 198]. Помимо рекламы он относит к современным формам колонизации консьюмеризм и бюрократию. Реклама, согласно Н. Фэркло, является стратегическим дискурсом, построенным по принципу деструкции и реконструкции «порядка дискурсов» (ср. с понятием интердискурсивности). Язык рекламы представляет собой «смесь», т.н. «реартикуляцию» (*rearticulation*) других дискурсов, в котором совмещены как особенности собственно рекламы, так и многочисленные заимствования из других типов дискурса [Ibid.: 210]. Дискурс здравоохранения, во взаимодействии с рекламным дискурсом, получает форму выражения «товара», к «потреблению» которого побуждается общественность с помощью «искусственной персонализации», обеспечивающей тщательно проработанные сигналы для целевой аудитории [Ibid.: 211].

Учитывая специфику взаимодействия дискурса здравоохранения и рекламы, обозначенную Н. Фэркло, рассмотрим такой вид социальной рекламы, как «антивирус-

ная реклама». Мы обратимся к анализу рекламных кампаний, запущенных в связи с наиболее крупными эпидемиями и пандемиями XX-XXI веков: кампании 1918-1920-х годов, посвященные борьбе с испанским гриппом, или «испанкой», в Европе и США, советские пропагандистские тексты, направленные на популяризацию гигиены и борьбы с вирусами, и современные кампании по борьбе с коронавирусной инфекцией – COVID-19 – на материале английского, итальянского и русского языков.

2. Социальная реклама: возможна ли дискурсивная креативность при «перестройке идеологических воззрений»?

Социальная реклама имеет ряд отличий от коммерческой, что обусловлено ее дискурсивной целью – пропагандой общественно значимых ценностей и трансформацией точки зрения общественности на какую-либо социальную проблему. Для коммерческой рекламы характерна установка на продвижение конкретного товара и выделение четко обозначенной «целевой аудитории». Дискурсивные и коммуникативные отличия определяют различие коммерческой и социальной рекламы с точки зрения употребления тех или иных языковых средств, что влияет и на степень лингвокреативности той или иной рекламы. Поскольку в целом лингвокреативность в рекламном дискурсе имеет прикладной, утилитарный характер (продажа товара или услуги), не характеризуется направленностью на формирование языковых инноваций и многозначностью сообщения, можно обозначить креативность рекламного дискурса как «дискурсивную».

Выделение различных видов лингвокреативности, опираясь на разграничение «языковой» и «речевой» креативности у Ф. де Соссюра и Р.О. Якобсона, на современном этапе формулируется в работах В.З. Демьянкова [2009] О.К. Ирисхановой [2014], И.В. Зыковой [2017] и М.И. Киосе [Зыкова, Киосе 2020], В.В. Фещенко [2020], Р. Симоне [Simone 2003] и А. Лэнглотц [Langlotz 2015].

Разграничивая «языковую» и «дискурсивную» креативность, можно отметить, что языковая креативность реализуется в создании новых, уникальных языковых единиц, модификации отношений между ними с целью кардинальной трансформации языковой системы (ср. с «самоценным», «самовитым» словом и заумью в авангардной литературе), активизации межуровневого взаимодействия и контекстуально обусловленных функциональных переходов («межсемиотическая» транспозиция, по Р. Якобсону), доминировании эстетической функции сообщения, семантическом приращении (разные виды полисемии, энантиосемия), сопровождающемся «деавтоматизацией» (термин В. Шкловского) сознания адресата в процессе интерпретации. Дискурсивная креативность выражается в обновлении на уровне микроструктуры дискурса (в терминологии Т. ван Дейка) с помощью интенсификации тех или иных языковых приемов, апроприированных из других дискурсов (например, межуровневая или «межсемиотическая» транспозиция, «регулярные» неологизмы, создаваемые по известным, продуктивным моделям и используемые в утилитарных целях для обозначения новых реалий или фокусирования внимания адресата на конкретном объекте – чаще всего в рекламном, политическом и обыденном дискурсах), вплоть до отклонения от языковой нормы и введения «языковых аномалий». Интенции отправителя в этом случае связаны с повышением коммуникативной эффективности сообщения и целеполаганием на уровне макроструктуры дискурса (достижение основных целей дискурса)².

---

² Подробнее о разделении языковой и дискурсивной креативности, лингвокреативности и стереотипности см. [Соколова 2020].

В этом плане важно также разграничивать явления креативные и «собственно лингвокреативные», как отмечает В.В. Фещенко, когда новизна информации в научном открытии или языковые новации в художественных текстах остаются языковой игрой, не «претендуя на новое слово в познании мира» [Фещенко 2020: 98].

Такое разделение креативности и лингвокреативности актуально при обращении к рекламе, объектом презентации которой могут быть новые продукты или услуги, что не отменяет ее целевой установки – как можно выгоднее представить эти объекты с целью их продажи (реальной – в коммерческой рекламе или «символической» – в социальной), а не формирования глубинных новаций: языковых, концептуальных или идеологических. Эта проблема ставится У. Эко в связи с допустимостью языковой креативности в рекламе при общей постулируемой им «некреативности» этого дискурса. Возможен ли рекламный текст, обладающий творческой формой выражения, способный преодолеть установку на стереотипность и осуществить «идеологическую перестройку» убеждений адресата? [Эко 2004: 247]. В приоритете, согласно У. Эко, оказывается реклама социальная и политическая, где «перестройка идеологических воззрений» более вероятна, чем в коммерческой рекламе [Там же].

К социальной рекламе как обладающей лингвокреативным потенциалом обращается А. Лэнглотц. На примере кампании на тему помощи бездомным в Нью-Йорке он противопоставляет два основных типа языковых модификаций: создание «регулярных лингвистических моделей» и «неконвенциональных коммуникативных продуктов, производимых с помощью языка» [Langlotz 2015: 41]. Опираясь на введенную Д. Блэкмор оппозицию «сильной» и «слабой» коммуникации [Blakemore 1992: 157], он пишет о том, что рекламное сообщение может быть определено как «коммуникативно-сильное» или «коммуникативно-слабое», в зависимости от степени его многозначности и от допустимых возможностей выбора значений адресатом в процессе его интерпретации [Langlotz 2015: 49].

Исходя из дискурсивных целей, коммуникативной модели (авторской интенции, особенностей адресации) и языковых средств выражения, можно представить следующую классификацию видов рекламы: коммерческая, политическая, социальная и «авангардная» (а также «авторская» и «фестивальная») реклама. Выделение «авангардной» рекламы как отдельного вида связано с радикальным изменением рекламного дискурса, произошедшим в 1910-е–20-е годы. На протяжении этого периода, в процессе институционализации авангарда, представители различных авангардных художественных направлений в Европе и России (прежде всего, представители итальянского футуризма, русского кубофутуризма, конструктивизма, супрематизма, производственного искусства, литературы факта и др.) получают возможность создавать коммерческую, политическую и социальную рекламу. Этот период, обозначаемый как «контаминация» авангардного художественного и рекламного дискурсов [Соколова 2015: 22], позволяет выделить авангардную рекламу как отдельный вид, ориентированный на обновление рекламного дискурса с помощью апроприации языковых средств и коммуникативных стратегий авангарда. Интенция на создание нового художественного языка, заложенная в авангарде и использованная в авангардной рекламе, привела к обновлению и формированию рекламного дискурса на новой стадии его существования в связи с повышением степени лингвокреативности. Поскольку одним из наиболее репрезентативных авангардных авторов, работавших в этой области, был В. Маяковский, мы рассмотрим его тексты на тему гигиены и санитарии.

Все эти виды рекламы представлены на шкале лингвокреативности в зависимости от большей ли меньшей степени выраженности того или иного признака (рис. 1).

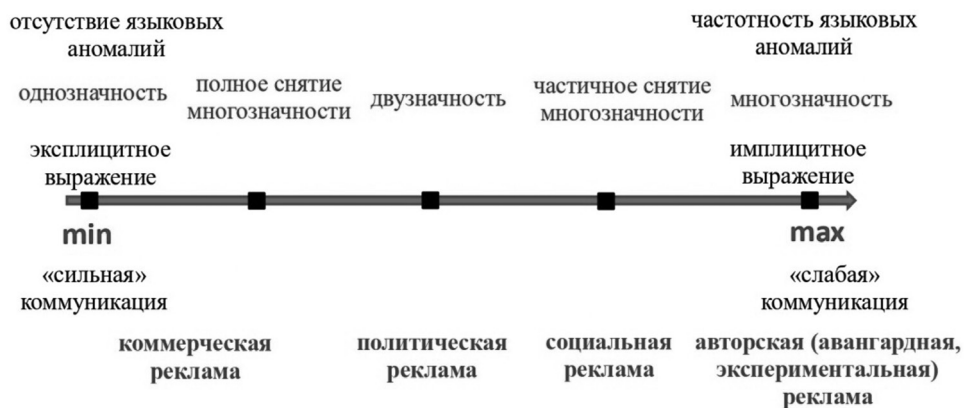

Рис. 1. Шкала лингвокреативности в рекламном дискурсе

На данной шкале лингвокреативность представлена как градуальное явление, степень которого может повышаться или понижаться в зависимости от наличия, частотности и степени проявления различных признаков (подробнее см. [Соколова 2020]). В аспекте структуры учитывается отсутствие, наличие или частотность включения лексико-грамматических языковых аномалий, в семантическом – степень проявления полисемии и соотношение эксплицитных / имплицитных компонентов семантики, в аспекте прагматики – принцип теории релевантности (по [Sperber, Wilson 1995]) и позиция «сильной» / «слабой» коммуникации (по Д. Блэкмор).

3. «Антивирусные» кампании социальной рекламы в XX – XXI веках

Обратимся к более подробному анализу лингвокреативности социальной рекламы на тему вирусов, исходя из выделенных аспектов. Несмотря на отличия между пандемиями XX и XXI веков, некоторые общие черты позволяют провести параллель между социальными рекламными кампаниями в 1910-20-е и 2020-ом годах. Отсутствие вакцины и быстрое распространение заболевания привело к необходимости пропаганды личной гигиены, ограничений общественных собраний и необходимости карантина.

Можно выделить три основных группы рекламных кампаний, направленных на пропаганду борьбы с вирусами. Во-первых, это социальная реклама 1910-20-х годов в Европе, России и США, темой которой стала профилактика «испанского гриппа». Во-вторых, «авангардная» пропаганда³ гигиены по предупреждению вирусов в 1920-х годах в СССР. И в-третьих, современная социальная реклама, распространяющая информацию по борьбе с COVID-19.

³ Нужно отметить, что под рекламным дискурсом в конце 1910-х–30-е гг. в России понимались также агитационный и пропагандистский дискурсы, поскольку реклама во время становления советского государства совмещала все функции. О. Брикс писал о рекламе как «искусстве объявлять»: «Реклама не только движет коммерцию, она движет еще и культуру; она имеет громадное агитационное и культурное значение, особенно у нас в крестьянской России» [Брикс 1923: 26].

3.1. Социальная реклама в Европе, России и США в 1910-х - начале 20-х годов, направленная на борьбу с «испанским гриппом» и другими вирусами

В начале XX века, до влияния, оказанного на рекламу авангардным художественным дискурсом, ее сообщения характеризовались информативно-декларативным характером. Это было обусловлено ориентацией рекламы на достижение основной цели (продажа товара) через «прямое» воздействие на адресата с помощью директивных речевых актов, когда иллюкутивная сила высказывания направлялась на стимуляцию непосредственного ответа в виде действия – приобретения товара. При этом употребление дополнительных языковых приемов и отклонение от узуальной формы высказывания сводилось к минимуму (наиболее распространенным было включение иноязычных элементов, единиц разговорной речи, идиом, неологизмов в номинации товаров, использование рифмы и ритма). Визуальный компонент в рекламе начала XX века обычно использовался как иллюстрация для вербального кода, наглядно демонстрирующая (рис. 2, 3) или гиперболизирующая (рис. 4) идею основного высказывания.

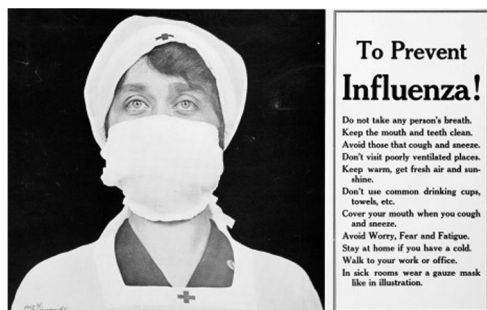

Рис. 2. To Prevent Influenza! (Illustrated Current News, 1918)

Рис. 3. Что каждый должен знать и исполнять во время эпидемии холеры, дизентерии, брюшного тифа и др. желудочно-кишечных заболеваний (1920)

Рис. 4. Halt the epidemic! Stop spitting – everybody! (1918)

В социальной рекламе наиболее часто используются императивы как маркеры непосредственного выражения побудительной модальности: *Halt the epidemic! Stop spitting – everybody!*; *Save yourself from influenza and pneumonia bad colds measles <...> Follow two simple rules: Rule 1. Whenever you cough or sneeze, bow your head or put a handkerchief over your mouth and nose. Rule 2. Don't put in your mouth fingers, pencils, or anything else that does not belong there, nor use a common drinking cup; Wear a mask and save your life!; Do not take any person's breath. / Keep the mouth and teeth clean. / Avoid those that cough and sneeze; Товарищи! Боритесь с заразой! Уничтожайте вошь!*

Компонентами высказывания являются не только акциональные глаголы (*wear, bow, put, don't put, wash*), но и фактивные глаголы (*знать*), которые в сочетании с глаголом деонтической необходимости маркируют истинность значения высказывания и предписывают адресату получить это знание, ориентируясь на авторитет отправителя: *Что каждый должен знать и исполнять во время эпидемии холеры, дизентерии, брюшно-го тифа и др. желудочно-кишечных заболеваний* (рис. 3).

Использование структурных языковых аномалий и многозначности в антивирусной рекламе начала XX века встречается крайне редко. Один из таких примеров – употребление аграмматизмов с целью привлечения внимания целевой аудитории (представителей среднего класса, рядовые члены которого малообразованны): *DON'T WORRY! BE CARUFL!* (рис. 5). Помимо аграмматизма (*be carufl* вместо *be careful*) маркерами целевой адресации также являются разговорно-просторечные единицы (*Old "Flu" is Now on the Run; Help Chase Him Away*). Основной интенцией этого сообщения помимо «гигиенического ликбеза» является также намерение успокоить адресата и остановить охватившую население панику, что выражается с помощью глаголов эмоций в отрицательной форме: *don't worry*.

Рис. 5. Don't worry! Be caruffl! (Bogalusa Enterprise and American, Bogalusa, Louisiana, 1918)

К случаям невуального употребления языковых средств относится использование приема паронимической аттракции (этимологическое сближение слов *germs* и *Germans* в контексте) в сочетании с метафорическим расширением значения устойчивого выражения (*Keep the system in good <working> order*): *How to fight Spanish influenza. Avoid crowds, coughs and cowards, but fear neither germs, no Germans! Keep the system in good order, take plenty of exercise in the fresh air and practice cleanliness* [Bowers 1918: 6].

В целом можно отметить, что для социальной рекламы этого периода было характерно использование директивных речевых актов в императивных формах. Такая реклама выполняла функцию прямого волеизъявления со стороны отправителя (система здравоохранения) адресату (общественность), не включая в сообщение оттенки субъективной модальности или импликацию информации с помощью дополнительных языковых средств.

3.2. «Авангардная» гигиеническая пропаганда по предупреждению вирусов в 1920-х годах в СССР

Как отмечалось выше, институционализация художественного авангарда, которая произошла в 1920-е годы в России, привела к взаимодействию авангардного дискурса с политическим и рекламным. Апроприация авангардных коммуникативных стратегий и языковых приемов выразилась в повышении степени креативности рекламного дискурса и его реформировании.

В агит-поэме «Кому и на кой ляд целовальный обряд» (1923) В. Маяковского, посвященной пропаганде борьбы с распространением вирусов, привлечение внимания адресата к социальным проблемам достигается за счет отклонения от узуальных форм, использования неологизмов и формирования многозначности высказывания:

Шел
    через деревню
            прыщастый калека.
Калеке б этому —
    нужен лекарь.
А калека фыркает:
    «Поможет бог».
Остановился у образа —
    и в образ чмок.

Присосался к иконе
    долго и сильно.
И пока
    выпячивал губищи грязные,
с губищ
    на образ
            вползла бациллина —
заразная,
посидела малость
и размножилась

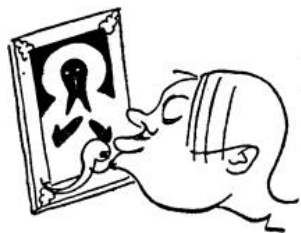

Рис. 6. Иллюстрация к поэме В. Маяковского «Кому и на кой ляд целовальный обряд» (1923) [Маяковский 1957: 236].

Аугментативные суффиксы субъективной оценки, с помощью которых образуются неологизмы *бациллина*, *губищи*, позволяют не только выделить ключевые лексемы, привлекая к ним внимание адресата, но и несут дополнительные функции. В первом случае суффикс *-ин* в слове *бациллина*, которое относится к медицинскому дискурсу, позволяет маркировать ее вредоносность, а также осуществить сдвиг фокуса восприятия за счет приближения объекта к читателю с помощью обозначения увеличения ее размеров. Когнитивные механизмы наведения / отдаления (*zooming in / zooming out*), относясь к когнитивной перспективизации⁴, позволяют преодолеть дистанцию меж-

---

⁴ Подробнее о когнитивных механизмах, включающих сдвиг фокуса, механизмы наведения / отдаления и др. см. [Ирисханова 2014].

ду изображаемым объектом и адресатом, «визуализируя» его с помощью вербальных средств, а также выделяя в соотношении «фигуры» и «фона».

При образовании слова *зубищи* также использован аугментативный суффикс, который позволяет ввести в текст разговорную речь, совмещая медицинский дискурс с обыденным и переводя сообщение в коммуникативный регистр адресата. Вместе с тем суффикс *-ищ* выражает пренебрежительное отношение отправителя как к конкретному объекту (*прыщастый калека*), так и – в проекции наведения, заданной аугментативными средствами – сформировать у адресата критическое отношение к целовальному обряду как негигиеничному ритуалу. В слове *заразмножалась* приставка *за-* помимо выражения совершенного вида также маркирует дополнительное значение начала ситуации, предполагающее ее длительное разворачивание в перспективе и массовый характер вреда, который может причинить *бациллина*.

Образ в тексте употребляется в разных значениях: 1. ‘икона’ и 2. ‘изображение, отображение’, ‘тип, характер’. В агит-поэме происходит сдвиг фокуса от предметного значения образа как иконы к более абстрактному:

*Крестьяне,
коль вывод не сделаете сами —
вот он:
у образóв не стойте разинями,
губой
не елозьте грязными образáми,
не христосуйтесь —
и не будете
кобылогубыми образинами.*

Сдвиг происходит за счет добавления новых коллокатов к слову *образ* (*не елозьте грязными образáми*), которые могут сочетаться не только с *образами* как ‘иконами’, но и с любыми *грязными* ‘изображениями’, вплоть до метонимического расширения значения – *образа* как ‘лица’ самих крестьян, которые *елозят* друг друга по щекам во время ритуала. Дополнительное значение подчеркивается дериватом от слова *образ* – *образина*, который может интерпретироваться и в значении ‘безобразное, отталкивающее лицо’, и более абстрактно – как бранное слово.

Способы образования неологизмов в тексте, а также формирование полисемии отражают общую ориентацию на сдвиг фокуса от концертного к абстрактному, от частного – к общему, что соответствует прагматической интенции сообщения: не только привлечь внимание адресата и информировать о необходимости соблюдения санитарных норм, но также сформировать антирелигиозную кампанию с помощью дискредитации религиозных обрядов.

Помимо агит-поэм пропаганда гигиены, борьбы с тифом и вирусами в 1920-е годы проводилась с помощью плакатов, где основным средством иллюкативного воздействия была полисемия. Частотным приемом является формирование контекстуально обусловленной полисемии за счет сочетания в одном контексте прямого значения и идиоматического, с помощью фразеологических модификаций. Например, в контексте *Грязные руки / грозят бедой. / Чтоб хворь / тебя / не сломила – / будь культурен: / перед едой мой / руки / мылом* [Маяковский 1958: 414] словосочетание *грязные руки* может быть интерпретировано как в прямом смысле, так и в качестве модификации фразеологизма *неумытые руки* ‘лица недостойные, неподходящие, неподготовленные

к делу (оскверняющие прикосновением своим)’ [Михельсон [http](#)]; *Учите / курящих и сорящих — / будьте культурны: / **собственный сор** / бросайте / в мусорный ящик!* [Там же: 411]: *собственный сор* – модификация фразеологизма *Видеть сучок в чужом глазу и не видеть бревна в своем* [Энциклопедический [http](#)]; *Товарищи люди, / будьте культурны! / **На пол не плюйте**, / а плюйте / в урны* [Там же: 415]: *на пол не плюйте* – модификация фразеологизма *не плюй в колодец, пригодится водицы напиться* [Справочник [http](#)].

Примером использования многозначности является слово *паразиты*, которое развивает метафорически мотивированную полисемию: *Красная армия раздавила белогвардейских **паразитов** – Юденича, Деникина, Колчака. Новая беда надвинулась на нее – тифозная вошь. Товарищи! Боритесь с заразой! Уничтожайте вошь!* Здесь происходит двойной сдвиг фокуса от конкретного значения к абстрактному и наоборот. Вначале этот сдвиг реализуется в переходе от прямого значения слова *паразиты*: 1. ‘биол. Организм (растение или животное), питающийся за счет другого организма’ – к переносному: 2. ‘перен., презр. Тот, кто живет чужим трудом, тунеядец’ [Крысин 1988]. Далее в слове *беда* происходит сдвиг от абстрактного значения ‘несчастье, горе’ (война) – к конкретному: *Новая беда надвинулась на нее – тифозная вошь.*

С помощью паронимической аттракции в тексте *Здорово! А здоров ли ты?* (рис. 7) восстанавливается этимологическая связь междометия и прилагательного. Сообщение наделяется дополнительным потенциалом воздействия на адресата за счет эффекта «наивного лингвистического открытия» – обнаружения «стертой» «внутренней формы» (*здоровье, быть здоровым*) в фатической формуле *здорово!* С помощью «межсемиотической транспозиции» этот эффект проецируется и на визуальный семиотический код: лупа увеличивает вирусы и бактерии, скрытые от взгляда обывателя. Как вербальные, так и визуальные средства позволяют реализовать общую идею приближения, детализации микроскопического объекта, на борьбу с которым направлена рекламная кампания. Когнитивный механизм “zooming in”, производимый с помощью «межсемиотической транспозиции» в вербальной и невербальной системах, создает эффект выявления скрытой информации через обращение к «внутренней форме» слова и визуальное увеличение объекта.

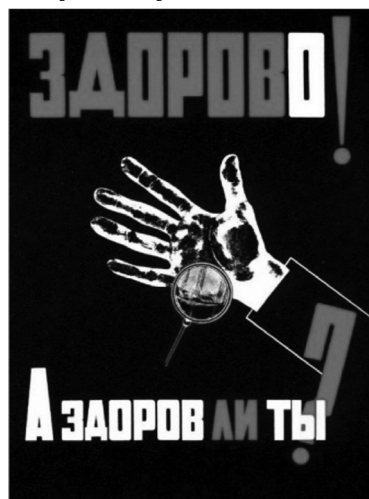

Рис. 7. Здорово! А здоров ли ты? (1920-е)

Таким образом, в основе «авангардной» социальной рекламы, направленной на борьбу с вирусами, заложены когнитивные механизмы сдвига и наведения фокуса, которые реализуются посредством неологизмов, образованных с помощью морфем субъективной оценки (аугментативных суффиксов) и семантической конкретизации многозначного слова. Отмеченные приемы дискурсивной креативности позволяют реализовать такие агитационные цели, как ликбез в области санитарных норм, пропаганду здорового образа жизни, сформировать негативное отношение к религии.

3.3. Современная социальная реклама на тему «COVID-19»

Учитывая сформулированный У. Эко вопрос о возможности креативной рекламы, которая обладала бы творческой формой выражения и была способна осуществить «идеологическую перестройку» убеждений адресата, можно отметить, что наиболее частотным приемом в языке современных рекламных кампаний, направленных на борьбу с коронавирусной инфекцией, является использование полисемии. Помимо директивных и репрезентативных форм выражения информации в рекламных текстах, в которых высказывание характеризуется максимальной узуальностью и «низким уровнем» релевантности (по Д. Сперберу – Д. Уилсон), основным средством повышения релевантности сообщения и «ослабления» коммуникации становится намеренное использование многозначности.

Для рекламной кампании по борьбе с коронавирусной инфекцией характерно формирование устойчивых выражений – «мемов», которые включаются в высказывание в качестве его базового компонента: *go viral; save lives, stay at home; rimani a casa*, и графически оформляются как хештеги – слитно со знаком решетки: *#GoViralToStopTheVirus*. Такие единицы можно по аналогии со «словами-паразитами» назвать «**словами-вирусами**». Но если слова-паразиты относятся к обыденному дискурсу, то **слова-вирусы** включаются в группу т.н. вирусных дискурсов, или **дискурсов-вирусов** (*viral discourses*). Специальные стратегии и технологии коммуникации, а также языковые средства выражения позволяют отнести к таким дискурсам рекламный, политический, обыденный, отдельные виды художественного дискурса и некоторые другие, выраженные в интернет-пространстве.

Поскольку многозначность используется для привлечения внимания адресата, изменение семантических валентностей слова осуществляется с целью нарушения узуальной сочетаемости, вплоть до выражения энантиосемии. На примере фразового глагола *go viral*, который лежит в основании многих слоганов рекламных антивирусных кампаний, можно проследить изменение его семантической сочетаемости. Изначально существительное *viral* означало ‘гной’, ‘инфекционное вещество’, в XX веке оно входит в медицинский дискурс и начинает обозначать ‘инфекционный, патогенный агент или биологический объект’, затем в 1970-е годы оно переходит в область программирования и вычислительной техники и далее – в область маркетинга («вирусный маркетинг», “*viral marketing*”) для описания «быстрого распространения информации (прежде всего, о товаре или услуге) среди клиентов с помощью «сарафанного радио», электронной почты и т.д.» [Oxford... [http](http://)].

На современном этапе в социальной рекламе на тему COVID-19 можно отметить следующие семантические трансформации *go viral*: с одной стороны, вновь актуализируется связь с биологическим вирусом, причем не переносная, а прямая, когда происходит «деметафоризация» значения ‘распространяться подобно вирусу’ > ‘рас-

пространение вируса’, а во-вторых, выражение обретает положительные коннотации – ‘молниеносно разносит <информацию по борьбе с вирусом>’. Таким образом, технологии ‘распространения с огромной скоростью’, заимствованные из области биологии – у вирусов, оказываются применимы против них же самих как новые коммуникативные техники. Такое наложение значений приводит к формированию коннотативной амбивалентности, или энантиосемии, и повышению иллюкутивного эффекта воздействия высказывания на адресата. Например, *Let sharing. Go Viral. Share food. Share supplies* (#GoViralToStopTheVirus, Индия); *Let kindness go viral. Don't hoard. Share food. Share supplies*; *Let oxygen go viral; Make praying at home. Go viral.* (#GoViralToStopTheVirus).

Смысловая амбивалентность подчеркивается тем, что отправители могут акцентировать то или иное значение с помощью отрицания, добавляемого к высказыванию: *#Don'tGoViral. Don't misinform or disinform; This is something we don't want to go viral.* (#Coronavirus, Греция). Данное отрицание включает в зону своего действия не один из перечисленных компонентов ‘инфекционный, патогенный агент’ или ‘распространять с огромной скоростью’, но вводит дополнительную валентность – ‘распространять с огромной скоростью **ложную информацию**’. В ассерции здесь оказывается уже не скорость распространения, подобная скорости вируса, но вредоносность информации, метафорически уподобляемая биологическому заражению как источнику (психологической) пандемии.

Среди примеров многозначного употребления слов в рекламе можно назвать: *Mask the tunnels* (Украина) (рис. 8), где глагол *mask* употребляется в значениях ‘замаскировать’ и ‘надевать маску’; *Running a mile is easy. Running a hospital is hard; Completing all sets is easy. Keeping someone alive is hard* (#NursesDay, США), где *running* употребляется в значениях ‘забег <на милю>’ и ‘управление <больницей>’.

Рис. 8. Mask the tunnels (Украина, 2020)

В слогане *Work at home. It's your safest way; Train at home. It's your safest way* (Бразилия) *way* обозначает одновременно ‘дорога, путь’ с нереализованной валентностью

(куда?) и входит в устойчивое сочетание *safest way* ‘самый безопасный путь / способ’, в данном контексте обозначая ‘работать дома – самый безопасный способ’. Распространено выражение *твоя очередь, твой черед* в метафорическом употреблении: *Il coronavirus puo ancora toccarci da vicino. Tocca a noi fermarlo* (Evitare il contagio, Италия); *It's your turn* (Artcom, Индия).

Одним из распространенных слоганов стал призыв оставаться дома, который выражается с помощью сближения слов, значение которых близко к антонимическому: *Save Lives, Stay At Home!* (США) ‘Спасай жизни! Оставайся дома!’ по аналогии с парой типа *производитель — потребитель* (подробнее о таких словах с противоположным значением типа *прежде – теперь, производитель — потребитель, теоретический – практический* см. [Апресян 1995: 300]). Семантическое противопоставление осуществляется за счет сопоставления каузативных и некаузативных глаголов⁵: *Today Alex did a living room work out, broke his PB and helped save the lives of families across the UK, all at the same time; Today David woke up, cut his own hair and helped shield millions of citizens against the spread of Covid-19, all at the same time* (#StayHomeHeroes, Англия); *Be a Hero. Be Boring. Staying in isn't exciting, but it saves lives* (США); *Be a Superhero. Protect the world from spreading corona virus.* (ОАЭ); *Combatti il virus, il segreto enel. Restare a casa* (Enel, Италия). Контекстуальное сближение каузативных и некаузативных глаголов позволяет выразить идею того, что ‘остаться дома’ значит не просто находиться в пассивном состоянии ‘выживать’ или каузировать себя ‘спасаться в убежище’, но осуществлять каузацию ‘спасать мир’. Эта идея выражается также через сближение Агенса и Пациенса в номинации *Hero, Superhero* (*Be a Hero, Be a Superhero*) и маркируется с помощью визуального кода – изображением «обыкновенного, маленького» человека в костюме голливудского супер-героя (рис. 9)

Рис. 9. Today Alex did a living room work out, broke his PB and helped save the lives of families across the UK, all at the same time (Англия, 2020)

⁵ Глаголы типа «спасать» в значении ‘позволить жить’ также относят к пермиссивной каузации [Летучий 2009: 385].

Тиражирование образа «диванного супергероя» послужило стимулом для его иронического осмысления и выражения с помощью сниженной, просторечной лексики и идиоматики: *No guts, got glory. Be a chicken. Be safe* (Малайзия), где используется модификация фразеологизма *no guts, no glory* 'кто не рискует, тот не пьет шампанского'. Изменение компонента *no glory* на *got glory* при сохранении контрастности, заложенной в двухкомпонентной структуре высказывания, добавляет положительную субъективную оценку 'кто не рискует, тот пьет шампанское' или 'кишка тонка, значит, слава близка'. Иронический эффект также достигается модификацией распространенного призыва *Be a Hero – Be a chicken* и формой аналитического каузатива, направленного на себя *Be safe*. Пародирование «героических» плакатов реализуется и с помощью визуального кода: изображение петуха в одежде и маске супергероя и в бытовых позах (рис. 10, 11).

Другие слоганы этой кампании развивают идею выражения ироничного отношения к транслируемому призыву быть героем, сидя дома, и таким образом, адаптируют ее для молодежной целевой аудитории: *Beat the virus. Have no guts. Be a chicken. Be safe; Chicken is the new brave. Be a chicken. Be safe; Seize the daybed. Be a chicken. Be safe; Save the world. Chicken out. Be a chicken. Be safe; Live life to the emptiest. Be a chicken. Be safe; Ballsy ones die young. Chicken lives longer. Be a chicken. Be safe.*

Рис. 10. No guts, got glory.
Be a chicken. Be safe (Малайзия, 2020)

Рис. 11. Chicken is the new brave.
Be a chicken. Be safe (Малайзия, 2020)

Если в 1920-е годы реализация когнитивного механизма наведения осуществлялась при обозначении самих вирусов, то в 2020-ом частотными стали контексты со словом дистанция ('социальная дистанция', 'social distance'): *Se ti vuoi bene, mantieni la distanza. Un metro puo bastare; E' la distanza a fare la differenza. Facciamolo per noi. Facciamolo per tutti.* (#restiamoadistanza di almeno un metro, Италия); Zoom. *Shorten*

the distance (Испания); *You are a link. Distance breaks the chain. Stay home. We Are the Countervirus* (США); *Keep smart distance* (Израиль). В этих слоганах дистанция обозначается не как объективная пространственная, но как субъективная величина, которая может обладать коннотациями интеллектуального / морального превосходства над ситуацией (*smart distance*), индивидуализации по отношению к толпе (*Distance breaks the chain*), а также наделяться противоположным значением – внешнее отдаление может означать внутреннее единение с отдаленным объектом (*Se ti vuoi bene, mantieni la distanza; Zoom. Shorten the distance*).

4. Выводы

Таким образом, можно выделить отличия социальной рекламы от коммерческой, основанные на специфике ее дискурсивных характеристик, включающих направленность на формирование общественного мнения или изменение точки зрения по отношению к социально значимой проблеме, что реализуется преимущественно с помощью использования многозначности. Это обусловлено тем, что именно многозначность позволяет сформировать «слабую» коммуникацию, оставляя право выбора значения за адресатом и вовлекая его в процесс интерпретации, оказываясь более эффективным средством воздействия и манипуляции общественным сознанием.

Обращение к социальной рекламе на материале антивирусных кампаний позволило выявить различную степень лингвокреативности рекламного дискурса на протяжении XX века. Разграничение языковой и дискурсивной креативности позволяет сделать вывод, что наименее креативными являются рекламные тексты конца 1910-х – начала 1920-х годов, для которых характерны однозначные императивные формы. Наиболее креативной, в аспекте дискурсивной креативности, оказывается пропаганда здорового образа жизни в 1920-е годы (на материале текстов В. Маяковского, плакатов «Окна РОСТА» и др.), основанная на разработанных авангардными авторами приемах «словотворчества», «остранения» и «деавтоматизации» и включающая как структурные, так и семантические инновации. Поскольку авангардисты впервые последовательно применили в рекламе приемы, направленные на отклонение от узуальной формы выражения, можно говорить об активизации языковой креативности в этот период развития рекламы. На современном этапе отправители социальных рекламных сообщений используют для привлечения внимания адресата многозначность, энантиосемию, сближение каузальных и некаузальных глаголов и др. Использование семантических средств языковой манипуляции в современной антивирусной рекламе, ориентированной на формирование идеологии и общественного мнения, можно охарактеризовать как «дозированное» повышение дискурсивной креативности.

Литература

Апресян Ю.Д. Избранные труды, том I. Лексическая семантика. М.: Языки русской культуры, 1995. 472 с.

Брик О.М. Искусство объявлять (Несколько общих замечаний) // Журналист. 1923. № 5. С. 26–28.

Демьянков В.З. Языковое творчество и речевая креативность // Язык как медиатор между знанием и искусством: Сборник докладов Международного научного семинара. М., 2009. С. 11–19.

Демьянков В.З. Трансфер знаний и когнитивная манипуляция // Вопросы когнитивной лингвистики. 2017. № 4 (053). С. 5–13.

Зыкова И.В. Метаязык лингвокультурологии: константы и варианты. М.: Гнозис, 2017. 752 с.

Зыкова И.В., Киосе М.И. Параметризация лингвистической креативности в междискурсивном аспекте: кинодискурс vs. дискурс детской литературы // Вопросы когнитивной лингвистики. 2020. № 2. С. 26-40.

Ирисханова О.К. Игры фокуса в языке: семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования. М.: Языки русской культуры, 2014. 320 с.

Летучий А.Б. Каузатив, декаузатив и лабильность // Аспекты полисинтетизма. М.: РГГУ, 2009. С. 372-428.

Маяковский В.В. Полное собрание сочинений: В 13 т. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1955—1961. Т. 9. 1958. 611 с.

Маяковский В.В. Полное собрание сочинений: В 13 т. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1955—1961. Т. 5. 1957. 480 с.

Соколова О.В. Дискурс-«логофаг»: границы лингвокреативности и стереотипности в рекламе // Критика и семиотика. 2020. № 1. С. 114–142.

Соколова О.В. Дискурсы активного воздействия: теория и типология. Автореферат дис... докт. филол. наук. М., 2015. 52 с.

Справочник по фразеологии. 2013. [Электронный ресурс]. URL: https://frazeolog.ru/academic.ru/301/не_плюй_в_колодец%2C_пригодится_водицы_напиться (дата обращения: 07.07.2020).

Крысин Л.П. Толковый словарь иностранных слов. М: Русский язык, 1998. [Электронный ресурс]. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_fwords/26005/ПАРАЗИТ (дата обращения: 07.07.2020).

Фещенко В.В. От лингвоэстетики к лингвоэвристике: словотворчество в художественном и научном дискурсах // Критика и семиотика. 2020. № 1. С. 92–113.

Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. М.: Symposium, 2004. 544 с.

Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений. М.: «Локид-Пресс». Вадим Серов. 2003. [Электронный ресурс]. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_wingwords/398/Видеть (дата обращения: 07.07.2020).

Blakemore, D. (1992) Understanding utterances: an introduction to pragmatics. Oxford: Basil Blackwell.

Bowers, L.W. (1918) How to fight Spanish influenza // Mancos Times – Tribune, November 22. P. 6.

Eco, U. (1986) Towards a Semiological Guerrilla Warfare // Travels in Hyperreality, trans. by William Weaver. London: Pan Books. P. 135–144.

Fairclough, N. (1989) Language and Power. London: Longman.

Langlotz, A. (2015) Language, creativity, and cognition from // The Routledge Handbook of Language and Creativity. Routledge. P. 40-60.

McGuigan, J. Cultural Analysis. SAGE Publication, 2010.

McLuhan, M. (1967) The Medium Is the Massage: An Inventory of Effects. London: Penguin Books.

Oxford English Dictionary. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.oed.com/> (дата обращения: 07.07.2020).

Simone, R. (2003) Pubblicità e creatività linguistica // Baldini M. Il linguaggio della pubblicità. Roma. P. 115-119.

Sperber, D., Wilson, D. (1995) *Relevance: Communication and Cognition*, Oxford.

Žižek, S. *Pandemic!: (2020) COVID-19 Shakes the World*. New York: Polity press, 2020. 140 p. [Kindle Edition]

LINGUISTIC TECHNOLOGIES OF “ANTIVIRAL” PUBLIC SERVICE ADVERTISING: FROM THE SPANISH FLU TO COVID-19

Olga V. Sokolova

Doctor of Philology,
Senior Research Fellow,
Yuri Stepanov Research Centre for Theory and
Practice of Communication
Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences
1, building 1 Bol'shoy Kislovsky per., Moscow, Russia, 125009
olga.sokolova@iling-ran.ru

The paper examines the degree of linguistic creativity in public service advertising (PSA) in the case study of “antiviral” campaigns. The article specifies three main groups of PSA texts that promote the fight against viruses throughout the 20th -21st centuries: 1) advertising of the 1910s – 20s about the prevention of the Spanish flu widespread in Europe, Russia and the USA; 2) the Avant-garde hygiene propaganda in the USSR in the 1920s, and 3) contemporary PSA on COVID-1. PSA of the early 20th century used mostly directive speech acts and imperative forms. In the texts of Soviet Avant-garde advertisement for hygiene, the use of neologisms and polysemy leads to an increase in the degree of linguistic creativity and the illocutionary effect of the message. The most common feature of the Year-2020 texts is the development of the semantic structure of words. The use of semantic structure as a way of language manipulation in contemporary antiviral advertising means a limited degree of “discursive creativity”, that is different from “linguistic creativity”. The paper distinguishes the main cognitive mechanisms of “antiviral” PSA: refocusing, or focus shifting, and zooming in, which encompass the lexical-semantic structure, including augmentative forms, concretization of meaning, enantiosemy (auto-antonym), and non-usual application of causative and non-causative verbs in the same context. The paper highlights the creation of special “virus words” (by analogy with “filler words”) in contemporary public service advertising that form slogans and mark the message as belonging to an “antiviral” campaign related to a “viral” discourse.

Keywords: linguistic creativity, discourse analysis, polysemy, advertising, antiviral campaigns, COVID-19

References

Apresyan Yu.D. *Izbrannye trudy, tom I. Leksicheskaya semantika* [Selected Works, Volume I. Lexical Semantics]. M.: Yazyki russkoy kul'tury, 1995. 472 p. (In Russian).

Brik O.M. *Iskusstvo ob'yavlyat'* (Neskol'ko obshchikh zamechaniy) [The Art of Announcing (A Few General Comments)] // *Zhurnalist*. 1923. #5. P. 26–28. (In Russian).

Dem'yankov V.Z. *Yazykovoe tvorchestvo i rechevaya kreativnost'* [Linguistic Creativity and Speech Creativity] // *Yazyk kak mediator mezhdu znaniem i iskusstvom: Sbornik dokladov Mezhdunarodnogo nauchnogo seminaru*. M., 2009. P. 11–19. (In Russian).

Dem'yankov V.Z. *Transfer znaniy i kognitivnaya manipulyatsiya* [Knowledge Transfer and Cognitive Manipulation] // *Voprosy kognitivnoy lingvistiki*. 2017. # 4 (053). P. 5–13. (In Russian).

Zykova I.V. *Metazyazyk lingvokul'turologii: konstanty i varianty*. [Metalanguage of linguoculturology: constants and options] M.: Gnozis, 2017. 752 p. (In Russian).

Zykova I.V., Kiose M.I. *Parametrizatsiya lingvisticheskoy kreativnosti v mezhdiskursivnom aspekte: kinodiskurs vs. diskurs detskoj literatury* [The parameterization of linguistic creativity in an inter-discursive aspect: film discourse vs. children's literature discourse] // *Voprosy kognitivnoy lingvistiki*. 2020. # 2. P. 26–40. (In Russian).

Irishkanova O.K. *Igry fokusa v yazyke: semantika, sintaksis i pragmatika defokusirovaniya*. [Focus games in the language: semantics, syntax and pragmatics of defocusing] M.: *Yazyki russkoj kul'tury*, 2014. 320 p. (In Russian).

Letuchiy A.B. *Kauzativ, dekauzativ i labil'nost'* [Causative, Decausative, and Lability] // *Aspekty polisintetizma*. M.: RGGU, 2009. P. 372–428. (In Russian).

Mayakovskiy V.V. *Polnoe sobranie sochineniy*: [Complete collection] V 13 t. M.: Gos. izd-vo khudozh. lit., 1955—1961. Vol. 9. 1958. 611 p. (In Russian).

Mayakovskiy V.V. *Polnoe sobranie sochineniy*: [Complete collection] V 13 t. M.: Gos. izd-vo khudozh. lit., 1955—1961. Vol. 5. 1957. 480 p. (In Russian).

Sokolova O.V. *Diskurs-«logofag»: granitsy lingvokreativnosti i stereotipnosti v reklame* [Discourse-“Logophagus”: The Boundaries of Linguistic Creativity and Stereotypy in Advertising] // *Kritika i semiotika*. 2020. # 1. P. 114–142. (In Russian).

Sokolova O.V. *Diskursy aktivnogo vozdeystviya: teoriya i tipologiya*. [Discourses of active influence: theory and typology] *Avtoreferat dis... dokt. filol. nauk*. M., 2015. 52 p. (In Russian).

Spravochnik po frazeologii. [Phraseology Guide] 2013. [Electronic resource]. URL: https://frazeolog_ru.academic.ru/301/ne_plyuy_v_kolodets%2C_prigoditsya_voditsy_napit'sya (retrieval date: 07.07.2020) (In Russian).

Krysin L.P. *Tolkovyy slovar' inostrannykh slov*. [Explanatory Dictionary of Foreign Words] M: *Russkiy yazyk*, 1998. [Electronic resource]. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_fwords/26005/PARAZIT (retrieval date: 07.07.2020) (In Russian).

Feshchenko V.V. *Ot lingvoestetiki k lingvoevristike: slovtvorchestvo v khudozhestvennom i nauchnom diskursakh* [From linguistic aesthetics to linguistic studies: word-making in artistic and scientific discourses] // *Kritika i semiotika*. 2020. #1. P. 92–113. (In Russian).

Eko U. *Otsutstvuyushchaya struktura. Vvedenie v semiologiyu* [The missing structure. Introduction to Semiology]. M.: Symposium, 2004. 544 p. (In Russian).

Entsiklopedicheskiy slovar' krylatykh slov i vyrazheniy. [Encyclopedic Dictionary of idioms] M.: «Lokid-Press». Vadim Serov. 2003. [Electronic resource]. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_wingwords/398/Videt (retrieval date: 07.07.2020) (In Russian).

Blakemore, D. (1992) *Understanding utterances: an introduction to pragmatics.* Oxford: Basil Blackwell.

Bowers, L.W. (1918) How to fight Spanish influenza // *Mancos Times – Tribune*, November 22. P. 6.

Eco, U. (1986) *Towards a Semiological Guerrilla Warfare // Travels in Hyperreality*, trans. by William Weaver. London: Pan Books. P. 135–144.

Fairclough, N. (1989) *Language and Power.* London: Longman.

Langlotz, A. (2015) Language, creativity, and cognition from // *The Routledge Handbook of Language and Creativity.* Routledge. P. 40-60.

McGuigan, J. *Cultural Analysis.* SAGE Publication, 2010.

Žižek, S. *Pandemic!: COVID-19 Shakes the World.* New York: Polity press, 2020. 140 p. [Kindle Edition]

JAPANESE EFL LEARNERS' INTERPRETATION OF PLURAL MORPHOLOGY

Elizaveta S. Tretiakova

Yokohama National University
79-7 Tokiwadai, Hodogaya, Yokohama, Kanagawa 240-8501
elizaveta.tretiakovastrauss@gmail.com

This article examines Japanese English as a Foreign Language (EFL) learners' acquisition of meaning of the English plural marker *-s*. The main goal of the article is to experimentally investigate whether EFL learners are able to assign a plural-only reading to plural *-s*. The author conducted a Truth Value Judgement experiment with Japanese intermediate learners and found that they understood bare plurals in a different way than native speakers do. In singular scenarios, Japanese EFL learners failed to reject bare plural statements (e.g. *Black Bear has cars*) while they successfully rejected numeral statements (e.g. *Black Bear has four cars*). The results suggest that Japanese EFL learners had difficulties giving a 'more than one' reading to bare plurals and appeared to understand *-s* to mean 'at least one'.

Keywords: Second language acquisition, Japanese EFL learners, bare plurals, numerals, Truth Value Judgement task, general number

Категория числа в английском языке существенно отличается от таковой в японском языке. Без классификаторов или особых на то указаний в тексте определить число существительного в японском языке невозможно; без контекста будет совершенно непонятно, о чем идет речь. Возникают ли в таком случае сложности у носителей японского языка, изучающих английский язык как иностранный, связанные с категорией числа? Чтобы ответить на этот вопрос, на базе университета был проведен эксперимент, результаты которого показали, что у участников эксперимента действительно были затруднения в определении истинности тех суждений, в составе которых не было числительных, и не было трудностей в тех случаях, когда числительные в предложениях прямо указывали на число существительных.

Ключевые слова: изучение второго языка, японцы, изучающие английский язык как иностранный, существительные в форме множественного числа, числительные, задание на оценку истинности суждений, «общее» число

1. Introduction

Among recent trending issues in second language (L2) research is the acquisition of English plural morphology by learners whose first languages (L1) are non-number-marking languages such as Chinese, Japanese, and Korean, as opposed to number-marking-languages such as English and Russian. This has especially been the case in research on L2 online sentence processing; see Jiang, 2007; Jiang & Novokshanova & Masuda & Wang, 2011; Wen & Miyao & Takeda & Chu & Schwartz, 2010; Song, 2015; Mansbridge & Tamaoka, 2018, among others. The pair of sentences in (1a, b) from Jiang (2007) is an illustration of the grammatical contrast for which these studies tested EFL (English as a Foreign Language) learners. In (1b), the head noun *member* needs to be marked with the plural morpheme *-s*. If learners show a delay in reading time with (1b) relative to (1a), it is taken to suggest that they are sensitive to omission of the plural marker.

- (1) a. *They met several of the board members during their visit.*
 b. **They met several of the board member during their visit.*

In the process of L2 acquisition, a learner may encounter and have to learn a grammatical morpheme that may not have a counterpart in his or her first language (L1). Two languages are *morphologically congruent* when both grammaticalize and mark a meaning morphologically. They are *morphologically incongruent* when a grammatical morpheme is present in one language but not in the other. Due to the absence of direct counterpart of *-s* in non-number-marking languages, Japanese, for example, is said to be *incongruent* with English with respect to plural *-s*, whereas a number marking language like, say, Russian is said to be *congruent* with it [Jiang et al. 2011].

A number of research questions have been asked in the processing literature on plural *-s*. Are EFL learners more sensitive to errors with plural morphology than non-morphological errors such as verb subcategorization errors [Jiang 2007]? Do congruent EFL learners (i.e., those whose L1 has a corresponding morpheme to the target L2 morpheme) detect agreement errors more easily than incongruent EFL learners (whose L1 lacks such a morpheme) [Jiang et al. 2011, Wen et al. 2010]? Relatedly, are these errors found even in advanced EFL learners [Jiang et al. 2011], or does the sensitivity vary depending on the learner's proficiency level [Wen et al. 2010; Song 2015; Mansbridge & Tamaoka 2018]? Furthermore, it has been questioned if learners exhibit different levels of sensitivity to different kinds of number agreement.

These research questions are interrelated to one another and also connected to more general hypotheses about L2 grammar acquisition such as the Full Access / Full Transfer Hypothesis [Schwartz & Sprouse 1996], the Failed Functional Feature Hypothesis [Hawkins & Chan 1997], the Shallow Structure Hypothesis [Clahsen & Felser 2006], among others.

The present paper, like the studies cited above, also investigates the plural morphology acquisition by incongruent learners. The author, however, focuses on a slightly different aspect of the plural marker: meaning of *-s*. The goal of the paper is to investigate whether Japanese EFL learners are able to assign a plural-only reading to plural *-s* in the specific linguistic environment. The hypothesis is that when interpreting English BPs Japanese L2 users assign *General Number* interpretations to them as if they were Japanese bare nouns (the explanations of General Number are given below). The author investigates the property of English bare plurals exemplified in Table 1, which indicates that the NP *cars* does not allow a singular reading when the NP occurs in a particular environment (singular scenario in Table 1).

Table 1

Expected judgements for a plural sentence in different scenarios

	Plural scenario	Singular scenario
	Mary owns cars A, B, and C. She owns no other cars.	Mary owns car A. She owns no other cars.
<i>Mary has cars.</i>	Judged true	Judged false

First, the study aims to determine which linguistic environments to look at in order to investigate how speakers comprehend *-s* (Section 2). It is important to mention this as there are many environments where the plural marker has no contribution to sentence meaning, as will become clear below. Second, the author will present the results of the conducted experiment aimed at the investigation of whether intermediate Japanese EFL learners could

reject bare plural sentences in singular scenarios (Section 3). Section 4 contains the discussion of the implications of the results that were obtained.

Finally, given that the focus is shifted to meaning of plural nouns, the author used the Truth Value Judgement Task [Crain & McKee 1985; Crain & Thornton 1998; see also Slabakova 2012 for its use in L2 research].

2. Interpretation of Plural -S

2.1. Plural-only Reading of the Plural Morpheme

The fact that English has obligatory plural morphology and Japanese does not is an instance of the well-known typological split on number marking [Greenberg 1972; Chierchia 1998; Corbett 2000; Doetjes 2012]. What makes Japanese learners of English incongruent learners is exemplified by the pair of English and Japanese noun phrases in (2).

- (2) a. *three boy*(s)*
       b. *san-nin-no syoonen(-tati)*
       three-CL-GEN boy-GROUP

The plural morpheme *-s* cannot be dropped in English while what appears to be its Japanese counterpart, *-tati*, can be. This obligatory nature of the English morpheme has been used to assess learners' knowledge of the morpheme in the online processing literature.

Now let us turn to the *interpretation* of plural *-s*. As shown earlier in Table 1, the English example (3a) is true only in plural scenarios. Japanese remarkably differs from English. It allows *bare nouns* as in (3b).

- (3) a. *Mary has cars.*
       (✓ in plural scenarios; * in singular scenarios)
       b. *Mary-wa kuruma-o motte-imasu.*
       Mary-TOP car-ACC have-POLITE
       '*Mary has {a car, cars}.*'
       (✓ in plural scenarios; ✓ in singular scenarios)

In the *plural* scenario, where two or more cars belong to Mary, (3b) is judged true, like (3a). In the *singular* scenario, where one and only one car belongs to Mary, (3b) differs from (3a): while its English counterpart is judged false, the Japanese example is still judged true. This is why bare nouns in Japanese such as *kuruma* 'car' are said to be number-neutral. Also, this property of Japanese bare nouns is sometimes called *General Number* in the literature [Corbett 2000; see also Gil 1987, Chierchia 1998; Rullmann & You 2006].

Thus, (4) summarizes the descriptive property of plural morphology that is the concern in the current study.

(4) Plural-only Reading of English Bare Plurals

Affirmative declarative sentences headed by existential stative predicates provide a linguistic environment in which English bare plurals (nouns used without any quantifiers or determiners) receive a plural-only (*more than one*) reading. As is implied by (4), English bare plurals do not always receive a plural-only reading. The current study used affirmative declarative sentences headed by existential statives as target statements.

The reason is that sentence type is one of those that make plural-only readings available, as alluded to in (4). Sections 2.2.1 and 2.2.2 examine how (4) holds, capitalizing on findings in prior theoretical literature on meaning of -s.

2.2. Conditions on Plural-only Reading

2.2.1. Why Affirmative Declaratives?

It has been well acknowledged in theoretical literature that bare plurals lack a 'more than one' interpretation in negative sentences, questions, and some other constructions [Krifka 1989; Sauerland et al. 2005; Spector 2007; Zweig 2009, Farkas & de Swart 2010]. The negative sentences in (5a, b) for example are both false when Sam saw one single horse in the meadow. If, as in (5c), *horses* is replaced with *more than one horse*, the sentence becomes true in the same singular scenario. Thus, *horses* behaves on a par with *a horse* rather than *more than one horse* under the scope of negation.¹

- (5) a. *Sam has never seen horses in this meadow.* [Farkas & de Swart 2010: 1]
b. *Sam has never seen a horse in this meadow.*
c. *Sam has never seen more than one horse in this meadow.*

Similarly, questions allow an *at least one* reading, as in (6).

- (6) *Do you have children?*
Yes, I have one child./ *No, I have (only) one child. [Krifka 1989, p. 85]

A number of recent theoretical studies on plurals claim that English plural NPs are in fact number-neutral, i.e. that plural NPs can in principle refer to atomic entities as well as pluralities [Sauerland et al. 2005; Spector 2007; Zweig 2009, Farkas & de Swart 2010]. According to these studies, the morphological singular-plural distinction plays a somewhat indirect role when the meaning of plurals is determined. They essentially characterize plural-only readings of plurals as obtained only when a certain semantic / pragmatic relation holds between the plural-only (i.e. *more than one*) reading and its singular (i.e. *at least one*) alternative. The following illustrates a simplified version of the line of thought found in Zweig 2009. Consider *Mary has cars* (= (3a)). The sentence potentially means either "Mary has more than one car" or "Mary has at least one car". Note that the former entails the latter (i.e. whenever the former is true the latter is true) and not vice versa. If we assume that the stronger meaning is always chosen as the meaning of the sentence in cases like this, it follows that (3a) receives a plural-only (*more than one*) reading.

Similarly, the absence of plural-only readings in negative sentences (e.g., (6)) is no longer a mystery. Again to simplify details, the competing two readings for *Sam didn't see horses* would be "it is not the case that Sam saw more than one horse" and "it is not the case that Sam saw at least one horse", respectively. The latter is stronger than the former. Thus, the *at least one* reading is predicted to be chosen, as desired.

Summarizing, if one wants to see if speakers have acquired the singular-plural distinction in meaning, the affirmative declarative construction is a place to look at.

---

¹ Throughout the paper, we are not concerned with cases like (i), where world knowledge clearly kicks in. See Spector (2007), Farkas and de Swart (2010), and references cited therein.

(i) Jack does not have a father / #fathers.

2.2.2. Why Existential Statives?

Turn to the second factor mentioned in (4). As far as the author is aware, bare plural sentences with non-stative predicates tend to lack a plural-only reading.² The key feature is the lexical aspect or aktionsart of predicates [Vendler 1967; Dowty 1979]. As an example, consider how sentence (7) is judged under context (8).

(7) *John picked up pills.*

(8) Context: John dropped many pills on the floor. His father told him to pick up all the pills. Those pills were small and hard to pick up right away. It took him some time to pick up the first one. He got tired and stopped.

The native speakers, who the author consulted mostly, accepted (7) in the singular scenario in (8).³ Some of them reported that their intuition was that in (8), John has engaged in *an activity of picking up pills*.

Since Verkuyl (1972), it has been well known that bare plurals in object position give rise to a *durative* interpretation of accomplishments. Consider (9) below. These sentences show that bare plural nouns (e.g., (9a)) behave on a par with mass nouns (e.g., (9b)) in that they give rise to atelic readings while singular indefinite nouns (e.g., (9c)) do not; see Chierchia (1998), Lasersohn (2011) for discussion on mass-plural parallelisms.

(9) a. *John ate sandwiches for ten minutes.*

b. *John ate bread for ten minutes.*

c. **John ate a sandwich for ten minutes.*

If *pills* is interpreted as if it were a mass noun in the relevant sense, the fact that (7) is compatible with the singular scenario in (8) is less surprising.

There are two points to be noted here: (i) it is interesting to observe that many bare plural sentences that have been reported to have a plural-only reading in the literature are very often headed by statives; (ii) these stative predicates are ones allowing for an existential reading of their object NPs. Consider (10).

(10) a. *The homework contains difficult problems. [Spector 2007: 243]*

b. *John owns rare Amazonian parrots. [Zweig 2009: 354]*

The verbs in (10), *contain* and *own*, are both stative predicates whose postverbal NPs are interpreted existentially. As Dobrovie-Sorin (1997) observed, these statives are contrasted with the class of statives including *respect*, *hate*, *love*, *like*, etc. Predicates of the latter class do not allow existential readings for their postverbal bare plurals. They only receive generic readings, as in (11), adapted from Dobrovie-Sorin [Dobrovie-Sorin 1997: 127].

(11) a. *John loves girls.*

b. *John respects professors.*

c. *John hates politicians.*

---

² The author is grateful to Roger Martin, with whom we had numerous beneficial discussions on (8) and related examples.

³ The author consulted 7 native English speakers. 6 speakers accepted (8) under the singular scenario.

We can call the class exemplified by (10) *existential statives* to distinguish them from the class exemplified by (11). Given the current goal of this study (i.e. knowing whether Japanese learners can assign plural-only readings to bare plurals), the author concludes that it is reasonable to use existential stative sentences for the materials.

2.3. Subsection Summary

To summarize this section, bare plurals are incompatible with singular scenarios only in a limited set of environments. If one seeks to determine if speakers understand the contribution of the plural marker to sentence meaning, the affirmative declarative with existential statives mentioned in (4) is a construction one can look at.

3. Experiment

To test whether Japanese EFL learners can handle meaning of bare plurals, the author conducted an experiment, using bare plural sentences headed by existential statives.

3.1. Participants

45 Yokohama National University students, native speakers of Japanese, were tested. All were between the age of 18 and 23, all studied English at schools but had no experience of studying abroad. Based on the level of the test given to the students at the university entrance examination, the author would assess their English proficiency level as intermediate, and none of the students majored in English. Additionally, the author conducted a preliminary survey with five native English speakers to see how native speakers perform the same task.

3.2. Materials and Design

The experiment used the Truth Value Judgement Task methodology [Crain & McKee 1985; Crain & Thornton 1998; Slabakova 2012]. The author manipulated two within-subjects factors: *NP type* and *Context*. The first factor gives two types of test sentences; one involves Bare Plural NPs (abbreviated BP) and the other Numeral NPs (abbreviated Num). A sample pair is given in (12).

- (12) a. *BP-statement: Black Bear has cars.*
b. *Num-statement: Black Bear has four cars.*

The other factor concerns contexts in which the test sentences are uttered. In one context, the relevant character ends up having a single object (e.g., a car) at the end of a story; and in the other context, the same character ends up having four objects (e.g., four cars). The former context is abbreviated SO (single object), while the latter MO (multiple object). Thus, every participant experienced four conditions as summarized in Table 2. The statements for each condition were given by a puppet.

There were eight item sets with each comprising the four conditions, i.e. the BP/SO, BP/MO, Num/SO, and Num/MO conditions, which gave 32 statement-context pairs in total. These 32 pairs were distributed according to a Latin Square design such that each participant experienced two trials per condition. Recently, Latin Square design is often used in L2 studies (e.g. Cominguez & Sagarra & Bel & Garcia-Alcaraz 2017; Lambert & Kormos & Minn 2017). See also Section 3.3, where more complete sample scripts and the other seven sets of target statements are provided.

Table 2

Simplified storyline and the puppet’s statement for each condition

	SO (Single Object)	MO (Multiple Object)
	<ul style="list-style-type: none"> Black Bear and Zebra are in a car-moving competition at a parking lot. Elephant, being the judge, says to them that if they successfully move cars, then they can take the cars they have moved as a prize. Zebra tries first. He successfully moves three cars and these cars belong to him now. And then, Black Bear tries. 	
	<ul style="list-style-type: none"> Black Bear only moves one car. He owns only one. 	<ul style="list-style-type: none"> Black Bear moves four cars. He owns four cars now.
BP (Bare Plural)	Puppet: “Zebra has cars now. Black Bear also has cars.”	Puppet: “Zebra has cars now. Black Bear also has cars.”
Num (Numeral)	Puppet: “Zebra has three cars now. Black Bear has four cars.”	Puppet: “Zebra has three cars now. Black Bear has four cars.”

3.3. Procedure

There were two proctors. One was the main experimenter, the author, and the other controlled the puppet, Bunny, that uttered target statements. The group of participants listened to each story presented by the main experimenter with pictures shown on the computer screen, and the puppet described what had happened in the story when it ended (this is the test sentence). On hearing the puppet’s statement, the participants were asked to judge whether the statement was correct. The participants were not provided with the copy of the script to read.

Before starting the main trials, there were two warm-up trials for the participants to get a general idea of the task. In these warm-up trials, the instructions were given to them in English and partly clarified using Japanese as well. These practice trails were also intended to facilitate participants to get used to the main experimenter’s way of delivering speech in English.

Table 3 shows sample scripts for the four conditions. As the story unfolded, the participants were shown pictures in the same order as they appear in Table 3. In total the author had four different lists, where stories remained the same, but the order and test sentences were different. Each group only worked with one column: either SO or MO contexts. Only one test sentence was used for each story, either BP statement or Numeral statement. Also, the list in (13) shows the actions underlying the eight stories followed by the critical utterances.

Table 3

Sample scripts for the four conditions with correct (nativelike) answers

Single Object context		Multiple Object context	
Bare Plural statement	Numeral statement	Bare Plural statement	Numeral statement
<p>Picture 1: Zebra, Black Bear, and Elephant are standing in a parking lot. Experimenter: Zebra and Black Bear are participating in a contest. Elephant serves as the judge. The contest takes place in a parking lot, where the contestants attempt to lift cars and move them away from their parking places. The contestants get to keep all of the cars that they successfully move.</p>			
<p>Picture 2: Zebra and three cars at the parking lot. Experimenter: Zebra tries first.</p>			
<p>Picture 3: Zebra with three cars outside of the parking lot. Experimenter: He has moved three cars right away. He has done quite well, and he is very happy because he has never had a car before now.</p>			
<p>Picture 4: Zebra with three cars in front of him. Elephant standing. Experimenter: The judge, Elephant, says to Zebra, "Good job, Zebra. Since you have moved three cars, now they are all yours."</p>			
<p>Picture 5: Black Bear and four cars in the parking lot. Experimenter: Let's see about Black Bear.</p>			
<p>Picture 6: Black Bear with one car outside the parking lot and three cars still inside. Experimenter: He moved one car, which made him become very tired. He would like to get another car, but he is too tired, so he gives up. Still, he too is happy because he has never had a car before now.</p> <p>Picture 7: Black Bear with one car. Elephant standing. Elephant says to Black Bear, "You did your best. You only moved one car, but you still get to take it as a prize." Black Bear says "Thank you, but I wish I had moved three more cars. Then I could be the winner!"</p> <p>Picture 8: Zebra with three cars; Black Bear with one car. Elephant standing. Experimenter (to Puppet): This is the end of the story, so it is time to talk to Bunny. Bunny, what was the result of the contest?</p>		<p>Picture 6: Black Bear with one car outside the parking lot and three cars still inside. Experimenter: He moved one car, which made him become very tired. There are three more cars in the parking lot, which he would like to have, so even though Black Bear was really tired, he moved them as well.</p> <p>Picture 7: Black Bear with four cars outside of the parking lot. Picture 8: Black Bear with four cars. Elephant standing. Elephant says to Black Bear, "I am proud of you, Black Bear. You have moved four cars, and you can have them all."</p> <p>Picture 9: Zebra with three cars, Black Bear with four cars. Elephant standing. Experimenter (to Puppet): This is the end of the story, so it is time to talk to Bunny. Bunny, what was the result of the contest?</p>	
Bunny: Zebra has cars now. Black Bear also has cars.	Bunny: Zebra has three cars now. Black Bear has four cars.	Bunny: Zebra has cars now. Black Bear also has cars.	Bunny: Zebra has three cars now. Black Bear has four cars.
<p>Experimenter (to Puppet): Was what Bunny said correct?</p>			
NO	NO	YES	YES

To illustrate the procedure of the experiment better, there are sample pictures below:

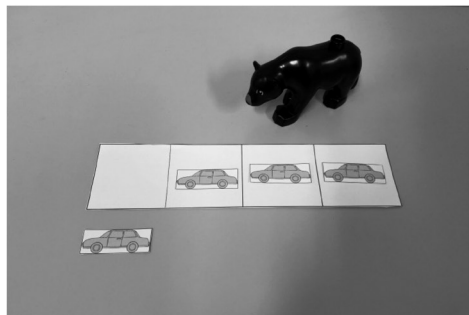

Fig. 6.

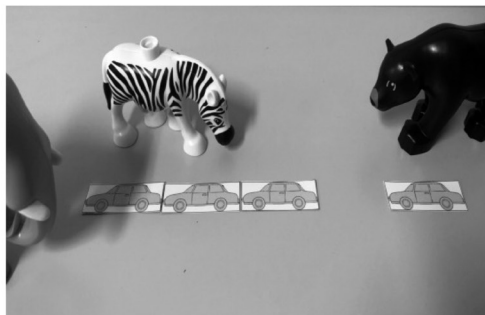

Fig. 7.

- (13) a. Moving cars. Zebra has (three) cars now; Black Bear (also) has (four) cars.
 b. Painting houses. Elephant has (three) houses now; Giraffe (also) has (four) houses.
 b. Lifting helicopters. Elephant has (three) helicopters now; Giraffe (also) has (four) helicopters.
 c. Painting ships. Black Bear has (three) ships now; Elephant (also) has (four) ships.
 d. Finding diamonds. Crocodile has (three) diamonds now; Panda (also) has (four) diamonds.
 e. Finding phones. White Bear has (three) phones now; Tiger (also) has (four) phones.
 f. Polishing rings. Hippo has (three) rings now; Penguin (also) has (four) rings.
 g. Cleaning trains. Lion has (three) trains now; Giraffe (also) has (three) trains.

3.4. Results

The ANOVA analysis was performed over accuracy rates. The accurate answer for each condition is the nativelike response – for BP/SO condition and Num/SO conditions it is rejecting the statement; for BP/MO and Num/MO it is accepting the statement. Japanese EFL learners' performance on target trials is shown on Figure 1. The participants accurately responded to the test sentences 68.1% of the time in the BP/SO condition and 96.5% of the time in the BP/MO condition. The participants accurately responded to test statements 98.8% of the time in the Num/SO condition and 93.1% in the Num/MO condition. The ANOVA analysis revealed that there was a significant main effect of *NP type* ($F(1,43) = 18.21, p < .01$), a significant main effect of *Context* ($F(1,43) = 11.20, p < .05$), and a highly significant interaction between the two factors ($F(1,43) = 20.20, p < .01$). A further interaction analysis showed that the factor NP-type had a simple main effect at the SO condition: whether they were given statements with *Xs* (BP) or *four Xs* (Num) affected the participants' performance in the SO condition ($F(1,43) = 25.06, p < .05$). The same difference ceased to be significant at the MO condition ($F(1,43) = 1.00, ns$). Moreover, the analysis revealed that the factor Context gives rise to significant simple main effects at the BP condition ($F(1,43) = 18.62, p < .05$) but not at the Num condition ($F(1,43) = 3.80, ns$).

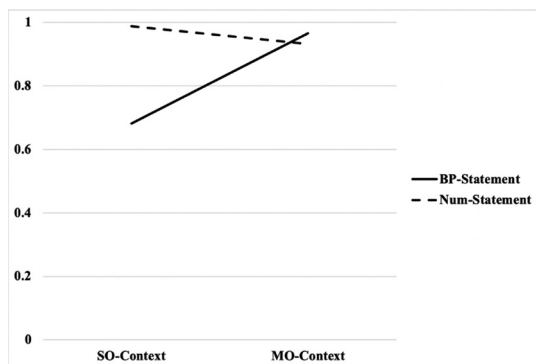

Figure 1. Interaction between the factors

In addition to the main experiment, the author ran an informal survey with five native speakers, including one linguist, to confirm that the critical BP statements do receive a plural-only interpretation in the present experimental setting. Using a subset of the experimental materials, the author asked the speakers to hear the SO version of one story and the MO version of another and to judge the relevant BP statements. All the five speakers rejected the BP statements in the SO contexts and accepted them in the MO contexts, as expected.

4. Discussion

The results suggest that the Japanese EFL learners exhibited a grammatical deficit when interpreting English bare plural NPs such as *cars*: they often failed to detect the plural-only readings of bare plural sentences, while they comprehended numeral sentences with no difficulties. That means that the hypothesis of this paper appears to be correct. Recall that Japanese native speakers as well as other incongruent learners tend to lack the nativelike sensitivity to agreement mismatches such as the one found in *several board member* (see Section 1 for prominent references). The results of the experiment indicate that Japanese speakers' problem with plural *-s* carries over to comprehension of the morpheme. In the remainder of this section, the author will first discuss what might cause Japanese (or more generally incongruent) learners the interpretive problem and then discuss ongoing issues not resolved in the current study.

There are two possible reasons why JEFLLs have difficulties interpreting plural morphology, which can be schematized as in (14a, b).

- (14) a. [_SMary [_{VP} has [_{NP} car]]]
 b. [_S Mary [_{VP} has [_{NP} car-PL]]]

(14a) represents the reason that appeals to L1 transfer. It claims that the problem stems from Japanese learners assigning a *non-number-marked* representation like (14a) to bare plural sentences. The idea is that intermediate learners like those that the author tested might interpret English bare plurals the way they interpret Japanese bare nouns such as *kuruma*. Since Japanese bare nouns do not allow a plural-only reading (see (3b)), it explains our participants' performance with English plural nouns.

The alternative given in (14b), in contrast, hypothesizes that while Japanese learners can employ the syntax of plural *-s* properly they fail to accurately compute the meaning of

the morpheme. Recall from Section 2.2.1 that recent theories of meaning of plurals have proposed that plural *-s* can have *more than one* and *at least one* readings in principle and the former (plural-only) reading comes through certain semantic / pragmatic considerations. If learners are not capable of such semantic / pragmatic comparison of the *more than one* and *at least one* readings, they are expected to fail to reject bare plural sentences in singular scenarios, which makes the weaker readings true. Although choosing between these two reasons is beyond the scope of the present paper, the issue is empirical. The second alternative would be supported if the participants were sensitive to *-s* omission errors in online processing, like the intermediate learners that participated in Mansbridge & Tamaoka's (2018) experiments.

There are a few more other issues that have to be left open in this paper but are worth being noted. One thing that cannot be settled here has to do with morphological congruency [Jiang et al. 2011]. Is the low performance of the TVJT participants due to the fact that their first language is a non-number-marking language? To address this issue, the author would need to test EFL learners whose L1 is a number-marking language as well as to see if they are better at getting plural-only readings.

Learners' English proficiency is another important factor that the author could not rigorously control for in the current experiment. The participants in the experiment were all intermediate learners. It might be worth checking if advanced learners perform the same TVJT better.

5. Conclusion

The article examined acquisition of meaning of English plural NPs by Japanese EFL learners. First, the author tried to identify a linguistic environment that we can use to investigate whether speakers can give a legitimate interpretation to the plural marker. It was observed that affirmative declarative plural sentences headed by existential stative predicates can serve our purpose: bare plurals have *more than one* reading but lack *at least one* readings in this environment. The goal of the paper was to experimentally investigate whether Japanese EFL learners are able to assign a plural-only reading to plural *-s* in the above-mentioned specific linguistic environment. The author conducted a TVJT experiment and found that they understood bare plurals in a different way than native speakers do. They had difficulties giving a 'more than one' reading to bare plurals and seemed to interpret *-s* to mean 'at least one'.

References

- Chierchia, G.* (1998). Plurality of mass nouns and the notion of 'semantic parameter' // *Events in grammar*. P. 53-103.
- Clahsen, H., & Felser, C.* (2006). Grammatical processing in language learners // *Applied Psycholinguistics*. 27. P. 3-42.
- Cominguez, J., & Sagarra, N., & Bel, A., & Garcia-Alcaraz, E.* (2017). The processing of intrasentential anaphoric subject pronouns in L2 Spanish // *Romance languages and linguistic theory 11: selected papers from the 44th Linguistic Symposium on Romance Languages (LSRL)*. P. 247-264.
- Corbett, G.* (2000). *Number*. Cambridge, UK: Cambridge University Press.
- Crain, S., & McKee, C.* (1985). The acquisition of structural restrictions on anaphora // *North East Linguistic Society*. 16. P. 94-110.
- Crain, S., & Thornton, R.* (1998). *Investigations in Universal Grammar*. Cambridge, MA: MIT Press.

- Dobrovie-Sorin, C.* (1997). Types of predicates and the representation of existential readings // Proceedings of the 7th Semantics and Linguistic Theory Conference. P. 117–134.
- Doetjes, J.* (2012). Count/mass distinctions across languages // Semantics: an international handbook of natural language meaning, 3. P. 2559–2580.
- Dowty, D.* (1979). Word meaning and Montague grammar. Dordrecht: Kluwer.
- Farkas, D. F., & de Swart H. E.* (2010). The semantics and pragmatics of plurals // Semantics & Pragmatics, Vol. 3, No. 6, P. 1–54.
- Gil, D.* (1987). Definiteness, Noun-Phrase configurationality, and the count-mass distinction // The representation of (in)definiteness. P. 254–269.
- Greenberg, J.* (1972). Numerical classifiers and substantival number: problems in the genesis of a linguistic type // Working Papers on Language Universals. 9. P. 1–39.
- Hawkins, R., & Chan, C. Y. H.* (1997). The partial availability of Universal Grammar in second language acquisition: the “failed functional features hypothesis” // Second Language Research. 13. P. 187–226.
- Jiang, N.* (2007). Selective integration of linguistic knowledge in adult second language learning // Language Learning. 57. P. 1–33.
- Jiang, N., Novokshanova, E., Masuda, K., & Wang, X.* (2011). Morphological congruency and the acquisition of L2 morphemes // Language Learning. 61. P. 940–967.
- Krifka, M.* (1989). Nominal reference, temporal constitution, and quantification in event semantics // Semantics and contextual expressions. Dordrecht: Foris. P. 75–115.
- Lambert, C., & Kormos, J., & Minn, D.* (2017). Task repetition and second language speech processing // Studies in Second Language Acquisition Vol. 3, No.1, P. 167–196.
- Laserson, P.* (2011). Mass nouns and plurals // Semantics: an international handbook of natural language meaning. 2. P. 1131–1153.
- Mansbridge, M. P., & Tamaoka, K.* (2018). The (in) sensitivity of plural -s by Japanese learners of English // Open Journal of Modern Linguistics. 8. P. 176–198.
- Rullmann, H., & You, A.* (2006). General number and the semantics and pragmatics of indefinite bare nouns in Mandarin Chinese // Where semantics meets pragmatics: Current research in the semantics/pragmatics interface. P. 175–196.
- Sauerland, U., Andersen J., & Yatsushiro, K.* (2005). The plural is semantically unmarked // Linguistic evidence: empirical, theoretical, and computational perspectives. P. 413–434.
- Schwartz, B. D., & Sprouse, R. A.* (1996). L2 cognitive states and the full transfer/full access model // Second Language Research. 12. P. 40–72.
- Slabakova, R.* (2012). L2 semantics // The Routledge handbook of second language acquisition. New York: Routledge. P. 127–146.
- Song, Y.* (2015). L2 processing of plural inflection in English // Language Learning. 65. P. 233–267.
- Spector, B.* (2007). Aspects of the pragmatics of plural morphology: On higher-order implicatures // Presuppositions and implicatures in compositional semantics. P. 243–281.
- Vendler, Z.* (1967). Linguistics in philosophy. Ithaca, NY: Cornell University Press.
- Verkuyl, H. J.* (1972). On the compositional nature of the aspects. Dordrecht: D. Reidel.
- Wen, Z., Miyao, M., Takeda, A., Chu, W., & Schwartz, B. D.* (2010). Proficiency effects and distance effects in nonnative processing of English number agreement // Proceedings of the 34th Boston University Conference on Language Development. P. 445–456.
- Zweig, E.* (2009). Number-neutral bare plurals and the multiplicity implicature // Linguistics and Philosophy. 32. P. 353–407.

УДК 81'23 / DOI 10.30982/2077-5911-2020-46-4-134-141

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О ПРОФЕССИИ В ОБРАЗЕ МИРА КИТАЙЦЕВ¹

Цзя Шуюе

Аспирант сектора этнопсихолингвистики

Института языкознания РАН

Россия, 125009, г. Москва, Большой Кисловский пер., д. 1, стр. 1

1041487637@qq.com

Представление о профессии – это многомерная, многоуровневая система знаний, отличающаяся устойчивостью в определенный исторический период и определенным избирательным характером в разные периоды. Представления современных китайцев о профессиях отражают культурные ценности и стереотипы, однако под влиянием многополярности мира они подвергаются значимым изменениям.

В статье подробно описываются общие представления о профессии у китайцев с исторической точки зрения. Помимо рассмотрения проблемы профессиональных ценностей китайцев, на основе данных ассоциативного эксперимента анализируются представления о профессии как части образа мира современных китайцев.

Ключевые слова: названия профессий, представления о профессии, культурный стереотип, свободный ассоциативный эксперимент, профессиональная ценность

Введение

Известно, что профессия как значительная часть общественной жизни и культуры, имеет особую ценность для человека. Результаты ежегодного социального «Рейтинга самых популярных профессий в Китае» показывают, что представления о ней в образе мира китайцев динамично изменяются.

В раннем обществе Китая не существовало общественного разделения труда, в связи с чем не было и понятия профессии. В феодальном обществе Китая, а именно в период Чуньцю и Чжаньго (770 – 221 гг. до н.э.), понятие ‘профессия’ впервые появилось в статье Сюнь Цзы «Богатая страна» (Сюнь Цзы – китайский мыслитель конфуцианской традиции, живший в 313 – 238 гг. до н.э. – примеч. автора). Данное понятие отражало некоторое общее представление о профессиях служилых людей, земледельцев, ремесленников, купцов – представителей четырех сословий древнекитайского общества. Понятие ‘профессия’ выражалось иероглифами «职» (должность) и «业» (дело). Первый иероглиф отражает понятие ‘должность’ (служебный пост), а второе обозначает ‘дело’. Таким образом, профессия представлялась как совокупность дел, входящих в круг обязанностей человека.

Представители современной китайской науки предлагают целый ряд определений понятия ‘профессия’. В социологических исследованиях профессия – социальное явление, которое может отражать определенные отношения социальной организации. В экономике профессия понимается как разновидность конкретного труда в социаль-

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта Китайского гуманитарного научного фонда № 18BYU234 «Сопоставительное исследование китайско-русского языкового сознания и создание ассоциативного тезауруса», 2018-2022.

ной жизни. В «Китайском словаре Синьхуа» профессия определяется как «работа в качестве источника существования, которой занимаются люди, получая определённую зарплату»² [新华汉语词典编撰委员会 2013: 1254]. «Современном китайском словаре» профессия понимается как «основной источник жизни, работа, выполняемая индивидом в обществе» [中国社会科学院语言研究所词典编辑室 2016: 1683]. Общепринятым определением профессии является «социальный труд в специальной сфере деятельности, характеризующийся определенной стабильностью, выполняя который люди зарабатывают деньги на жизнь» [卜雨娟 2015: 33].

С повышением уровня производительности труда становится детальнее и классификация профессий. Авторитетный труд «Классификация профессий китайской народной республики» разделяет их на «восемь больших классов, 66 средних классов, 413 подклассов и 1838 мелких категорий. Первый класс – руководители государственных органов, партийных организаций и предприятий. Второй класс – профессиональные техники. К третьему классу относятся офисные работники. Четвёртый класс – представители коммерции и обслуживающий персонал. Пятый класс связан с производственным персоналом в таких отраслях, например, как сельское хозяйство, лесное хозяйство, рыболовство и др. Шестой класс включает операторов транспортного оборудования и связанные с ним специальности. К седьмому классу относятся военнослужащие. Последний класс – представители прочих профессий, четкая классификация которых затруднена» [国家职业分类大典工作委员会 2015: 1–3].

Эволюция профессиональных ценностей китайцев

Ценность рассматривается как «общее представление о значимости и важности чего-либо по отношению к окружающим объективным предметам (в том числе людям, событиям, предметам)» [孙雪菲 2010: 14]. Профессиональная ценность проявляется в оценке и выборе профессии и имеет также название «рабочая ценность». В работе «Анналы троецарствия» упоминается фразеологизм «人各有志» (У каждого есть свои стремления и желания) [陈寿(晋) 2016: 307], в составе которого иероглиф «志» (стремление) обозначает профессиональную ценность. Со временем представление о профессии (может) изменяться у одного народа в различные эпохи, и в то же время эти изменения различны у разных народов: «...нет одинаковых образов сознания, отображающих одинаковый или даже один и тот же культурный предмет» [Тарасов 1996: 19].

С социологической точки зрения, первоначальное исследование профессии и профессиональных ценностей в Китае возникло в 1979 году в работах Хань Джинжи [薛利峰 2011: 17]. С начала XXI в. исследования профессиональных ценностей постепенно расширялись. Предметом изучения становятся представления разных групп студентов о конкретных профессиях, выявленные с помощью анкетирования. Результаты свидетельствуют об изменениях у китайцев представлений о профессии под влиянием многополярности мира и экономической глобализации.

В 50-60-х гг. XX века под влиянием плановой экономики правительство КНР начало проводить политику «трудоустройства при едином распределении, при котором государство набирает студентов, оплачивает все их расходы и трудоустраивает затем выпускников университетов» [王海棠 2009: 1]. Под влиянием идеи служения народу постепенно сформировалась профессиональная ценность социального типа, ориенти-

---

² Здесь и далее – перевод автора.

рованная не только на восстановление народного хозяйства, но и на экономическое строительство. В 1970-е годы политика единого распределения остается основной формой трудоустройства. Под влиянием культурной революции и 'левой идеи' в Китае профессиональная ценность китайцев приближается к политическому типу. В 1980-е годы вслед за реформами экономического строя Китая политика занятости китайцев переходит к «очной встрече выпускников и предприятий и двустороннему выбору» [徐爱玲 2009: 27]. В этот период китайцы стали стремиться к экономическому доходу и саморазвитию. Стало популярным уезжать работать за границу, устраиваться на работу на совместные предприятия и предприятия с сугубо иностранным капиталом.

В 1990-е годы с развитием рыночной экономики правительство КНР проводит политику «двустороннего самостоятельного выбора работы» [曾湘泉 2004: 29–30], и приоритетным становится вопрос оплаты труда. Стоит отметить, что в это время стремление к социальным ценностям у китайцев постепенно превращается в стремление к материальному благосостоянию. В XXI в. в Китае проводится политика занятости, «ориентируясь на рынок труда и руководство» [国... http].

Традиционно китайцы имеют положительные представления о некоторых профессиях, которые выражаются в таких выражениях, как: «гуманность врача», «учитель – свеча», «справедливость и честность полицейских», «военный – защита домашнего очага и оборона отечества». Особое внимание китайцы уделяют достижению личных жизненных целей и идеалов на основе стремления к профессиональному статусу, материальному доходу, а профессиональные ценности объединяются с идеями китайской мечты и основными ценностями социализма. Можно сказать, что, с одной стороны, представления о профессии в образе мира современных китайцев коренятся в объективной социальной реальности, а с другой – ценностные ориентиры китайцев меняются с политизации и идеализации на прагматизм; вместе с этим проявляется небывалый утилитаризм и индивидуализм. В настоящее время, несмотря на традиционные коллективистские и идеалистические представления о профессиях, о которых свидетельствуют китайские изречения («профессия не отличается высоким и низким уровнем»), а также лозунги («служить народу» и «внести вклад в развитие общества»), при выборе профессии китайские студенты учитывают возможность хорошо зарабатывать и саморазвиваться. Традиционные профессиональные идеалы постепенно слабеют, и экономический доход, личностное развитие, социальный статус становятся важными факторами при выборе профессии.

Профессии в образе мира современных китайцев (на материале ассоциативного эксперимента)

Ассоциативный эксперимент является «объективным инструментом проникновения во внутренний контекст многостороннего (перцептивного, когнитивного, аффективного, вербального, индивидуального и социального) опыта индивида, который предъявляется исследователю в виде реакций в ходе проведения эксперимента» [Залевская 1999: 106–107], а анализ данных проведенного эксперимента позволяет нам «познать самих себя в том современном состоянии души и образа мира, который в ней отражается» [Уфимцева 1996: 141].

В 2018 г. нами был проведен свободный ассоциативный эксперимент, в котором словами-стимулами стали названия профессий. Список слов-стимулов состоит из 17 названий профессий: **врач, учитель, госслужащий, полицейский, военный, журналист, художник, артист, рабочий** и др. В эксперименте приняли участие 823 ки-

тайских студента (334 мужчины и 489 женщин) различных университетов Китая, для которых китайский язык является родным.

Анализ данных показывает, что в целом представление современных китайцев о профессии складывается из следующих компонентов (что также проявляется в ассоциативных полях **医生 / врач** и **公务员 / госслужащий**).

(1) Укоренение в социальной реальности и стремление к саморазвитию в профессии, сосредоточение на государственной политике в области занятости, на перспективах развития в карьере и ее положительной социальной оценке. В целом китайцы стремятся к выбору профессий, характеризующихся высокой стабильностью и хорошей репутацией, таких как врач, госслужащий, учитель и др. Так, в ассоциативном поле слова-стимула **公务员 / госслужащий** у китайских студентов фиксируются слова-реакции *稳定 / стабильный, 轻松 / лёгкий, 工资高 / высокая зарплата*. В ассоциативном поле слова-стимула **医生 / врач** встречаются слова-реакции *白衣天使 / ангел в белом (медсестра), 天使 / ангел, 神圣 / святой*. Таким образом, для китайцев **госслужащий** и **врач** – это положительно оцениваемые, перспективные профессии.

(2) Сохранение традиционных представлений о профессиях: **врач** как ангел спасает людей от болезни, учитель – инженер человеческой души, справедливость и честность – отличительная черта госслужащих и др. Эти представления также проявляются в содержании ассоциативных полей: *稳定 / стабильный, 公正 / справедливость, 好 / хороший, 为人民服务 / служить народу, 公正尽责 / справедливый и выполнять свои обязанности, 公正廉洁 / справедливый и истинный* – в ассоциативном поле слова-стимула **公务员 / госслужащий**, а также слова-реакции *治病救人 / лечить болезнь и спасать от смерти, 救人 / спасать людей, 白衣天使 / ангел в белом (медсестра), 天使 / ангел, 神圣 / святой, 仁爱 / гуманность и человеколюбие, 仁心 / гуманность, 医者仁心 / гуманность врача* – в ассоциативном поле слова-стимула **医生 / врач**. Очевидно, что в сознании современных китайцев сохраняется традиционное представление о профессиях как стереотип культуры.

(3) Разнообразие факторов, определяющих профессию. С одной стороны, китайцы обращают особое внимание на национальные предприятия, имеющие «штатное расписание», что подразумевает стабильную работу, обеспечивающую высокое профессиональное положение и хорошую репутацию. Заметим, что заработная плата за работу такого рода в целом низкая под влиянием административно-территориальных ограничений, специфики служебных разрядов и других факторов. Тем не менее китайцы склонны выбирать такую работу как гарантированно обеспечивающую «кусочек хлеба». В ассоциативном поле слова-стимула **公务员 / госслужащий** у китайских студентов также встречается это высокочастотное слово-реакция *铁饭碗 / гарантированный кусок хлеба (надёжная работа)*. С другой стороны, под влиянием экономической системы современные китайцы стремятся найти работу на частных предприятиях, предлагающих высокую оплату и свободную занятость, необходимую для саморазвития. Меняется сам вектор выбора профессии: от «той, которая нужна родине» к «той, которую можно найти в экономически развитых районах». Поэтому большинство современных китайцев выбирают прежде всего приморские районы на востоке Китая, отдавая предпочтения крупным городам «первой линии», таким как Пекин, Шанхай, Гуанчжоу, Шэньчжэнь.

(4) Усиление негативной оценки профессий. В ряде случаев негативные реакции появляются из-за нарушений профессиональной этики, таких как плата за дополни-

тельный урок, которую берёт учитель, так называемые «красные конверты» для врача, коррупция и бездействие госслужащих и полицейских и др. С одной стороны, требования к профессиональной морали становятся более жесткими. С другой – существует несогласованность экономического и профессионального развития. Эти негативные явления проявляются в ассоциативном поле слова-стимула **医生 / врач**: *红包 / красные конверты, 侩子手 / палач, 冷漠 / безразличный, 冷冰冰 / равнодушный, 冷酷 / чёрствый, 真贵 / слишком дорого, 医患关系 / отношение между врачом и больным, 杀人 / убийство, 受贿 / брать взятку* и др. В ассоциативном поле слова-стимула **公务员 / госслужащий** у китайских студентов встречаются слова-реакции *贪污 / коррупция, 贪官 / коррупционер, 腐败 / разложение, 贪腐 / взяточничество, 贪污受贿 / коррупция и взяточничество, 走后门 / идти с чёрного хода, 数钱 / считать деньги, 赚钱 / зарабатывать деньги, 水深 / под водой, на глубине, 奉承 / льстить, 强势 / сильный, 墙头草 / трава на гребне стены (человек без твердых убеждений, не принимающий какую-либо сторону; хамелеон), 圆滑 / скользкий, 衣冠禽兽 / зверь в человеческом облике* и др.

(5) Модные тенденции, связанные с профессиональной сферой, например, «экзамен на госслужащего». В ассоциативном поле слова-стимула **公务员 / госслужащий** у китайских студентов встречается высокочастотное слово-реакция *考试 / сдавать экзамен*. Нужно отметить, что в Китае в последние годы экзамен на госслужащего действительно входит в моду. Причины этого тесно связаны как с ситуацией на рынке труда и престижностью профессии чиновника, так и с другими факторами. Во-первых, существует тяжелая ситуация с занятостью. Во-вторых, работа госслужащего характеризуется стабильностью, высоким социальным статусом и небольшой трудозатратностью. В-третьих, такое положение тесно связано с китайской традиционной идеей, согласно которой «те, кто прилежно учится, станут чиновниками» и с оценкой социального статуса по рангу должностного лица. В императорском Китае крестьяне имели низкий социальный статус, и единственным способом улучшить свое положение была возможность устроиться на государственную службу, сдав соответствующий экзамен. Таким образом, сделаться чиновником становилось жизненной целью. В наши дни экзамен на госслужащего также становится все популярнее, и эта идея все больше укореняется в сознании современных китайцев. В-четвёртых, некоторые китайцы слепо следуют модным тенденциям, поэтому, выбирая профессию, отдают предпочтение государственной службе.

(6) Наличие цветовых ассоциаций с профессией. В ассоциативном поле слова-стимула **医生 / врач** у китайских студентов появились слова-реакции *白色 / белый цвет и 白 / белый*. Помимо этого, зафиксированы реакции: *黑色 / чёрный* – в ассоциативном поле **教师 / учитель**, *蓝色 / синий* – в ассоциативном поле **警察 / полицейский**, *绿色 / зелёный* – в ассоциативном поле **军人 / военный** и др. Как видим, разные профессии имеют в сознании китайцев свой соответствующий цвет.

Выводы

Опираясь на данные свободного ассоциативного эксперимента, можно сделать вывод о том, что в языковом сознании современных китайцев существуют позитивные представления о профессии: об этом свидетельствуют выражения *доброжелательность врача, учитель – инженер человеческой души, справедливость и честность госслужащих, военный – защита домашнего очага и оборона отечества* и др. Положительная оценка профессий в данном случае совпадает с традиционными представлениями о них. Очевидно, основная ценность китайского социализма глубоко укорени-

лась в сознании людей. Китайцы обращают внимание на профессии, предполагающие штатное расписание, а также учитывают возможность самореализации и саморазвития. Под влиянием современных политических и экономических событий стали возможны и негативные представления о профессии в современном обществе Китая. Однако в целом китайцы по-прежнему стремятся получить профессию, обеспечивающую более высокий социальный статус, стабильность и высокую оплату труда.

Литература

Залевская А.А. Введение в психолингвистику. М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 1999. 382 с.

Тарасов Е.Ф. Межкультурное общение – новая онтология анализа сознания // Этнокультурная специфика языкового сознания / Под ред. Н.В. Уфимцевой. М.: Институт языкознания РАН, 1996. С. 7–22.

Уфимцева Н.В. Русские: опыт еще одного самопознания // Этнокультурная специфика языкового сознания. М.: Институт языкознания РАН, 1996. С. 139–152.

陈寿[晋]: 《三国志》, 上海: 上海古籍出版社, 2016年, 1319页. / Чэнь Шоу [Цзинь]. Запись о Трех царствах. Шанхай: Издательство Шанхайского древних книг. 2016. 1319 с.

国家职业分类大典工作委员会: 《中华人民共和国职业分类大典》, 北京: 中国劳动社会保障出版社, 2015年, 609页. / Рабочий комитет по государственной классификации профессий. Классификация профессий китайской народной республики. Пекин: Издательство труда и социального обеспечения Китая. 2015. 609 с.

国务院办公厅关于做好2003年普通高等学校毕业生就业工作通知 // 中国教育在线网. Уведомление канцелярии Госсовета КНР о подготовке к занятости выпускников высших учебных заведений в 2003 году // Китайское образование онлайн. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.eol.cn/> (дата обращения: 20.10.2020).

卜丽娟: 《医生职业精神研究》, 山东大学博士学位论文, 山东, 2015年, 117页. / Бю Лицзюань. Исследование профессионального духа врачей. Докторская диссертация. Шаньдун, 2015. 117 с.

孙雪菲: 《我国大学生职业价值观比较研究》, 沈阳航空工业学院硕士学位论文, 2010年, 49页. / Сунь Сюэфэй. Сравнительное исследование профессиональных ценностей китайских студентов. Магистерская диссертация. Шэньян, 2010. 49 с.

王海荣, 冯居泰, 冉千里, 王卓, 杨国峰: 《大学生就业指导教程》, 北京: 北京大学出版社, 2009年, 242页. / Ван Хайтан, Фэн цзютай, Жань цяньли, Ван Чжо, Ян Гофэн. Учебник инструктирования трудоустройства для студентов. Пекин: Издательство Пекинского университета. 2009. 242 с.

新华汉语词典编撰委员会: 《新华汉语词典》, 北京: 商务印书馆, 2013年, 1304页. / Редакция китайского словаря Синьхуа. Китайский словарь Синьхуа. Пекин: Коммерческое издательство. 2013. 1350 с.

徐爱玲: 《大学生就业与创业教育》, 徐州: 中国矿业大学出版社, 2009年, 226页. / Сюй Эйлин. Образование занятости и предпринимательства для студентов. Сюйчжоу: Издательство Китайского горно-технологического университета. 2009. 226 с.

薛利峰: 《我国大学生职业价值观研究》, 东北师范大学博士学位论文, 2011年, 128页. / Сюэ Лифэн. Исследование профессиональных ценностей китайских студентов. Докторская диссертация. Чанчунь, 2011. 128 с.

曾湘泉：《变革中的就业环境与中国大学生就业》，北京：中国人民大学出版社，2004年，303页。/ *Цзэн сяньцюань*. Среда занятости в преобразовании и занятость китайских студентов. Пекин: Издательство китайского народного университета. 2004. 303 с.

中国社会科学院语言研究所词典编辑室：《现代汉语词典》，北京：商务印书馆，2016年，1799页。/ *Редакционный отдел словаря института лингвистики китайской академии общественных наук*. Современный китайский словарь. Пекин: Коммерческое издательство. 2016. 1799 с.

REPRESENTATION OF PROFESSION IN THE WORLD IMAGE OF THE CHINESE

Jia Shuyue

Post-graduate student

Ethnopsycholinguistics Sector

The Institute of linguistics, Russian Academy of Sciences

1/1 Bol'shoy Kislovsky per., Moscow, 125009 Russian

1041487637@qq.com

The concept of a profession is a multi-dimensional, multi-level system of knowledge, characterized by stability in a certain historical period and a certain selective nature in different periods. Representation of profession of modern Chinese people reflects cultural values and stereotypes, but under the influence of the multipolarity of the world, they have also undergone significant changes.

The article provides a detailed description of the general representation of profession among the Chinese from a historical point of view. In addition to studying professional values of the Chinese with the help of the associative experiment data, the representation of profession as a part of the world image of modern Chinese people is analyzed.

Keywords: name of profession, representation of profession, cultural stereotype, free associative experiment, professional value

References

Zalevskaja A. A. Vvedenie v psikholingvistiku [Introduction to Psycholinguistics]. M.: Rossiisk. gos. gumanit. un-t, 1999. 382 p. (In Russian).

Tarasov E. F. Mezukul'turnoe obshchenie – novaya ontologiya analiza soznaniya [Cross-cultural communication – a new ontology of consciousness analysis] // Etnokul'turnaya spetsifika yazykovogo soznaniya [Ethno-cultural Specifics of Language Consciousness] / Red. N.V. Ufimceva [Ed. by N. V. Ufimtseva]. P. 7–22. M.: Institut jazykoznaniya RAN, 1996. (In Russian).

Ufimceva N. V. Russkie: opyt eshe odnogo samopoznaniya [Russian: the experience of one more self-discovery] // Etnokul'turnaya spetsifika jazykovogo soznaniya [Ethno-cultural specifics of language consciousness]. M.: IJA RAN, 1996. P. 139–152. (In Russian).

陈寿[晋]:《三国志》，上海：上海古籍出版社，2016年，1319页。 / *Chen Shou[Jin]*. Records of the Three Kingdoms. Shanghai: Shanghai ancient books publishing house. 2016. 1319 p. (In Chinese).

国家职业分类大典工作委员会：《中华人民共和国职业分类大典》，北京：中国劳动社会保障出版社，2015年，609页。/ *The working Committee of Chinese classification*

of the profession. Classification of professions in the people's Republic of China. Beijing: China Labour and Social Security publishing house. 2015. 609 p. (In Chinese).

国务院办公厅关于做好2003年普通高等学校毕业生就业工作通知 // 中国教育在线网. / Notice of the General Office of the State Council of the People's Republic of China on doing a good job in employment for graduates of regular higher education in 2003 // China Education online. [Elektronic source]. URL: <http://www.eol.cn/> (retrieval date: 12.10.2020). (In Chinese).

卜丽娟: 《医生职业精神研究》, 山东大学学博士论文, 山东, 2015年, 117页. / *Piao Lijuan*. Research on the professional spirit of doctors. Shandong, 2015. 117 p. (In Chinese).

孙雪菲: 《我国大学生职业价值观比较研究》, 沈阳航空工业学院硕士论文, 2010年, 49页. / *Sun Xuefei*. Comparative study on the professional values of Chinese college students. Shenyang, 2010. 49 p. (In Chinese).

王海棠, 冯居泰, 冉千里, 王卓, 杨国峰: 《大学生就业指导教程》, 北京: 北京大学出版社, 2009年, 242页. / *Wang Haitang, Feng jutai, ran qianli, Wang Zhuo, Yang Guofeng*. Book of employment instruction for students. Beijing: Peking University publishing house. 2009. 242 p. (In Chinese).

新华汉语词典编撰委员会: 《新华汉语词典》, 北京: 商务印书馆, 2013年, 1350页. / *Editorial Committee of Xinhua Chinese dictionary*. Xinhua Chinese dictionary. Beijing: The Commercial Press. 2013. 1350 p. (In Chinese).

徐爱玲: 《大学生就业与创业教育》, 徐州: 中国矿业大学出版社, 2009年, 226页. / *Xu ailing*. The education of employment and entrepreneurship for college students. Xuzhou: China University of Mining and Technology publishing house. 2009. 226 p. (In Chinese).

薛利峰: 《我国大学生职业价值观研究》, 东北师范大学博士论文, 2011年, 128页. / *Xue Lifeng*. Research on the professional values of Chinese college students. Changchun, 2011. 128 p. (In Chinese).

曾湘泉: 《变革中的就业环境与中国大学生就业》, 北京: 中国人民大学出版社, 2004年, 303页. / *Zeng xiangquan*. The employment environment in transformation and employment of Chinese college students. Beijing: Renmin University of China publishing house. 2004. 303 p. (In Chinese).

中国社会科学院语言研究所词典编辑室: 《现代汉语词典》, 北京: 商务印书馆, 2016年, 1799页. / *Editorial Department of the dictionary of the Institute of linguistics of the Chinese Academy of social Sciences*. Modern Chinese dictionary. Beijing: The Commercial Press. 2016. 1799 p. (In Chinese).

ВЛИЯНИЕ ПЕРИОДА ПАНДЕМИИ НА ДИНАМИКУ АССОЦИАТИВНОГО ЗНАЧЕНИЯ СЛОВ (СФЕРА ТОРГОВЛИ)

Полянская Анастасия Геннадьевна

Младший научный сотрудник

Сектор этнопсихолингвистики

Институт языкознания РАН

125009, Москва, Большой Кисловский пер., 1, стр. 1

polyanskaya@iling-ran.ru

Несомненно, ассоциативное (как и лексическое) значение слов меняется под влиянием социальных, экономических и технологических факторов. В данной работе мы постараемся отследить изменение ассоциативного значения слов, связанных с торговой сферой, под влиянием все большего перехода торговых отношений в интернет, в том числе в связи с пандемией COVID-19 в 2020 году. Результаты ассоциативного эксперимента, проведенного нами осенью этого года, сопоставляются с более ранними данными и выводами, сделанными в 2019 году, об особенностях ассоциативного значения тех же слов. В качестве стимулов для эксперимента 2020 года были выбраны проанализированные ранее языковые единицы: **купить, магазин, оплата, продажа, отзывы, доставка, сайт, акция, бесплатно**. В качестве материала для сопоставительного исследования использовались данные прямых и обратных ассоциативных словарей РАС, ЕВРАС и СИБАС, а также результаты нашего эксперимента 2016 года.

Результаты эксперимента отражают изменение ассоциативного значения слов. Усиливается негативное отношение к понятиям **купить, акция** и **бесплатно**, меняется ассоциативное значение понятий **купить** и **акция**, резко возрастает количество реакций, связанных с осуществлением торговых операций в интернете, а реакции на стимул **доставка** характеризуются большей детальностью.

Ключевые слова: ассоциативный эксперимент, ассоциации, ассоциативное значение слова, психолингвистический анализ, языковое сознание, ассоциативный словарь

Введение

2020 год является сложным и по ряду критериев переходным для российской и мировой торговой сферы. Введение локдауна в ряде стран, перебои с поставками товаров, введение режима самоизоляции, режима пропусков и временное закрытие предприятий в разных регионах РФ (кафе, ресторанов, а также магазинов, не осуществляющих продажу товаров первой необходимости) – все это привело к банкротству и закрытию большого процента точек продаж, активному переходу в онлайн. ТАСС со ссылкой на данные Ассоциации компаний розничной торговли (АКОРТ) сообщает о закрытии около 62% торговых точек в РФ за период с марта по июль 2020 года [В России... [http](http://tass.ru)]. По данным сервиса RetailCRM, объем продаж российских интернет-магазинов в 2020 году вырос на 19,88%. Аналитики отмечают увеличение

доли российского рынка интернет-торговли в 2020 году с 6 до 10,9% [Иванов... [http](#)]. По оценке аналитиков Data Insight, «режим самоизоляции привел в российскую онлайн-торговлю не менее 10 млн покупателей» [Левинская... [http](#)].

В данной работе мы проанализируем ключевые изменения ассоциативного значения слов, связанных со сферой торговли и называющих место продажи (**магазин, сайт**), процесс совершения сделки (**продажа, купить, оплата, доставка**) и маркетинговые инструменты (**акция, бесплатно, отзывы**). В качестве материала будут использованы словарные статьи РАС, ЕВРАС и СИБАС, а также данные собственных экспериментов 2016 года [Полянская 2016: 47–53] и 2020 года.

В эксперименте 2020 года приняли участие 100 респондентов из Москвы и Московской области в возрасте от 17 до 65 лет, русских по национальной самоидентификации. Выбор локации проведения эксперимента и возраста участников обоснован социальными ограничениями (лицам старше 65 лет, проживающим в Москве и Московской области, было рекомендовано соблюдать режим самоизоляции). Нижний порог (17 лет) выбран как средний возраст окончания школы и поступления в вуз. Сопоставительный анализ результатов помогает достичь сразу нескольких целей и задач: 1) восполнить данные для некоторых стимулов, отсутствующих в прямых словарях РАС (**акция, доставка, заказать, оплата, продажа, сайт**), ЕВРАС и СИБАС (**акция, бесплатно, доставка, заказать, оплата, продажа, сайт**); 2) проследить динамику ассоциативного значения слов, наиболее полно представленных в ассоциативных словарях (**купить, магазин**); 3) выявить изменения в ассоциативном значении слов, сформированные под влиянием социальных и экономических изменений, вызванных пандемией COVID-19. В сопоставительном плане наиболее показательным является сравнение данных эксперимента 2020 г. с данными ЕВРАС (Ассоциативного словаря европейской части России), поскольку данное сопоставление позволит узнать изменения в ассоциативном значении слов за последние несколько лет при наименьшем влиянии региональных особенностей.

Анализ реакций

Начнем с анализа реакций на стимулы **купить** и **магазин**, наиболее полно представленных в словарях.

Сопоставим частотные реакции на стимул **купить**, см. табл. 1.

Как мы видим из таблицы 1, на первое место в эксперименте 2020 года выходит ассоциация *деньги* как инструмент совершения покупки, появляется также частотная реакция-словосочетание *потратит деньги*. Усиление частотности реакции *деньги* имеет плавный характер: если в РАС данная реакция была на 7-8 месте по частотности, то в ЕВРАС уже на третьем. В эксперименте 2020 года в числе частотных в объектной зоне представлены продовольственные реакции *продукты, хлеб* и обезличенная *товар*, а реакции *вещь, машину, дом, подарок* и пр., являющиеся частотными в словарях РАС и ЕВРАС, отсутствуют в числе частотных по результатам эксперимента 2020 года. Возможно, это связано с двумя факторами: нестабильной экономической ситуацией в связи с пандемией и ограничениями в работе непродовольственных магазинов во втором квартале 2020 года. Посмотрим единичные реакции, полученные в рамках эксперимента 2020 года: *бесполезное, в кредит, выгодно, выманивают деньги, где бы денег надобить, говно, дешево, еда, заказать, заплатить деньги, игрушку, картинку, квартиру, кучка монет, корову, лекарство, лосьон, лохануться, новая вещь, ман-*

КУПИТЬ: частотные реакции

РАС	ЕВРАС	Эксперимент 2020
<i>Продать (70); вещь (30); машину (23); хлеб (20); книгу, пальто (17); деньги, продукты (14); билет (13); магазин (10); приобрести (8); дом, подарок, что-то (7); в магазине, взять, молоко, платье, цветы (6); дефицит, достать, хлеба (5); книги, мороженое, мыло, сумка (4); дачу, дешево, колбасу, масло, нечего, очередь, покупку, порошок, продукт, сад, самовар, слона (3), велосипед, все, духи, за бесценок, колбаса, конфет, коньки, корову, кота в мешке, куклу, магнитофон, мебель, ничего, по дешевке, поест, рояль, сапоги, сахар, сигареты, собаку, телевизор, штаны (2)</i>	<i>Продать (48); машину (36); деньги (34); хлеб (22); магазин (21); вещь (20); дом (19); приобрести (18); подарок (16); продукты, товар (14); квартиру (7); еду, машина, туфли (6); билет, книгу, сигареты (5); еда, еды, молоко, одежда, одежду, пиво, платье, телефон (4); батон, взять, квартира, пакет, пить, поест, хлеба, цветы, что-нибудь (3); автомобиль, арбуз, всё, газету, дорого, косметика, много, молока, мыло, недвижимость, нужное, отдать, покупку, сапоги, сделка, сигарет, что-то, шоколад, шоколадку (2)</i>	<i>Деньги (13); продать (12); приобрести (11); продукты (7); хлеб (5); радость (4); магазин, товар (3); потратить деньги (2)</i>

дарины, можно, обменять, овощи, одежду, поест, подарок, покупка продуктов, порадовать, порадовать себя, потратиться, пошлость, продать, расходы, резиновый утенок, руки, сверлить, слона, смартфон, сумка, тратит деньги, что-то, шопинг. Мы видим, что объектные реакции *игрушку, картину, квартиру, одежду, подарок*, не связанные с продуктами питания и товарами первой необходимости, находятся на периферии ассоциативного значения слова. Стоит отметить также, что в результатах эксперимента 2020 года не представлены объектные реакции *машину, дом, автомобиль*, являющиеся частотными в РАС и ЕВРАС, а реакция *квартира* присутствует лишь как единичная. Это позволяет предположить влияние нестабильной экономической ситуации на ассоциативное значение слов, которое отражает неготовность людей совершать дорогостоящие покупки.

Если в период дефицита фиксировалось стремление людей к приобретению товаров (*приобрести, взять, дефицит, достать, дешево, очередь, все, за бесценок, по дешевке* – РАС), то в период нестабильной ситуации в 2020 году отмечается скорее негативное отношение к совершению покупок – как к растрате денежных средств: *потратить деньги, выманивают деньги, где бы денег надыбать, заплатить деньги, кучка монет, лохануться, потратиться, расходы, тратит деньги*. Можно предположить, что формируется представление о деньгах как о самостоятельной ценности, более значимой, чем товар, который можно с их помощью приобрести. Однако «покупка товаров» в эксперименте 2020 года представляется не только как причина нанесения финансового

ущерба семейному бюджету, но и как источник наслаждения, удовольствия: *радость* (4), *подарок, порадовать, порадовать себя*. Реакция *радость*, как видно в таблице 1, не является частотной в словарях РАС и ЕВРАС и только недавно вошла в ядро ассоциативного значения.

Перейдем к анализу реакций на стимул **магазин**. Поскольку в РАС представлены реакции, по большей части связанные с периодом дефицита и экономическими реалиями 1990-х годов [Полянская 2019: 144–154], сопоставим только результаты экспериментов последних лет.

Таблица №2

МАГАЗИН: частотные реакции

ЕВРАС	Эксперимент 2020
<p><i>Продукты</i> (78); <i>покупки, продуктовый</i> (21); <i>еда</i> (19); <i>одежды, продуктов</i> (18); <i>покупка, товар</i> (13); <i>деньги</i> (12); <i>одежда, продовольственный, товары</i> (11); <i>большой, закрыт, игрушек, продавец, супермаркет</i> (9); <i>круглосуточный, ларек, на диване</i> (7); <i>подарков, покупать, хлеб</i> (6); <i>бутик</i> (5); <i>ассорти, Магнит, обуви, шопинг</i> (4); <i>шоп, вещи, за углом, киоск, палатка, пиво, рынок, универмаг</i> (3); <i>витрины, водка, далеко, Дикси, дом, идти, колбаса, компьютеров, Копейка, купить, много, молоко, недалеко, открыт, очередь, пицца, продукт, Пятерочка, салон, сорока, товаров</i> (2)</p>	<p><i>Продукты</i> (16); <i>Пятерочка</i> (9); <i>товары</i> (6); <i>покупки</i> (5); <i>еда</i> (3); <i>дом, очередь, товар, торговый центр, шопинг</i> (2)</p>

В результатах эксперимента 2020 года мы видим, что на одно из первых мест по частотности выходит реакция *Пятерочка* (9), которая представлена в ЕВРАС лишь 2 реакциями. Стоит отметить, что данная торговая сеть позиционируется как сеть «магазинов у дома». В условиях пандемии COVID-19 и ограничений на передвижение по городу во втором квартале 2020 года данный формат оказался востребован, и результаты нашего эксперимента сопоставимы с финансовыми отчетами сети, отражающими рост продаж. Генеральный директор «Пятерочки» Сергей Гончаров отмечает, что «чистая розничная выручка «Пятерочки» во втором квартале 2020 года выросла на 16,1%, сопоставимые продажи – на 6% при общем падении российской продуктовой розницы во втором квартале на 4,4% по сравнению с прошлым годом» [Гончаров... [http](http://)].

Посмотрим единичные реакции, полученные в рамках эксперимента 2020 года: *авто, аптека, Ашан, баргузин, без витрин, белорусский, белья, бензин, бренд, Вегас, гипермаркет, Дикси, журнал, здание, интерес, касса, киоск, красное белое, купить, лабаз, лавка, магаз, Магнит, маска, Метро, много людей, моды, надеть маску, много народу, на диване, народ, небольшое здание*{,}¹ *продающее электронику, Озон, онлайн, отрада, Перекресток, покупка, полки, поселковый деревянный магазин с крыльцом, продукт, продукты, распродажа, расходы, рынок, Сбермаркет, Спар, список, супермаркет, товар, точка продаж, хватит, хороший*. Можно обратить внимание, что большая часть

¹ Здесь и далее символ {} указывает на то, что соответствующие знаки препинания используются в реакциях испытуемых.

реакций в зонах «объект», «субъект» и «характеристика» называет или характеризует магазин как офлайн точку продаж: *Пятерочка, очередь, торговый центр, без витрин, Вегас, Дикси, здание, касса, киоск, красное белое, лавка, Магнит, маска, Метро, много людей, много народу, народ, небольшое здание*{,} *продающее электронику, поселковый деревянный магазин с крыльцом, рынок*. Две единичные реакции отражают необходимость соблюдать требования, введенные на период пандемии: *маска, надеть маску*.

Как уже отмечалось при сопоставительном анализе прямых и обратных словарей РАС, ЕВРАС и СИБАС, понятие ‘магазин’ в большей степени связано в языковом сознании носителей русского языка с офлайн точкой продаж. Упоминание онлайн-точек продаж в данных словарях отсутствует. Единичную реакцию *Интернет* можно найти только в прямом словаре ЕВРАС [Полянская 2019: 144–154]. Даже в эксперименте 2016 года, где перед участием в ассоциативном эксперименте предлагалось ознакомиться с содержанием интернет-магазина осветительного оборудования, встречаются лишь 2 единичные реакции *интернет-магазин, онлайн*, а остальные реакции либо нейтральны для данного критерия анализа, либо связаны преимущественно с офлайн точкой продаж (*вывеска, касса, ларек, очереди, офлайн, торговая точка, торговый центр*) [Полянская 2016: 47–53]. В результатах эксперимента 2020 года мы видим большее количество реакций, связанных с осуществлением торговых отношений онлайн: в числе единичных реакций стоит отметить *Озон, онлайн, Сбермаркет*. Тем не менее, представление о магазине преимущественно как об офлайн точке продаж сохраняется, даже несмотря на проведение эксперимента в Москве и Московской области и влияние периода пандемии. Реакция *на диване*, являющаяся частотной в ЕВРАС (7), СИБАС (4) и эксперименте 2016 года (4), в 2020 году представлена лишь единичной реакцией.

Словарные статьи для стимула **бесплатно** в ЕВРАС и СИБАС отсутствуют, поэтому сопоставим данные РАС и экспериментов 2016 и 2020 гг.

Таблица №3

БЕСПЛАТНО: частотные реакции

РАС	Эксперимент 2016	Эксперимент 2020
<i>Не бывает (2); проезд (4); даром, достать, ездить, ехать, получить, проехать, пройти (3), билет, дать, на халяву, питаться, пообедать (2)</i>	<i>Халява (10); акция, даром (8); доставка (4); выгодно, предложение, сыр в мышеловке, фри (2)</i>	<i>Даром (14); Халява (11); сыр в мышеловке (7); подарок, сыр (5); обман (4); акция (3); билет, мышеловка, платно (2)</i>

Слово *бесплатно* часто встречается в маркетинговых акциях для увеличения продаж. В РАС отражается наибольшее недоверие к данному понятию. Так, реакция *не бывает* является наиболее частотной в РАС, однако отсутствует в числе частотных в экспериментах 2016 и 2020 года. Также в числе наиболее частотных реакций встречаются понятия, связанные с льготными условиями передвижения и питания: *ездить, ехать, проехать, питаться, пообедать*. В эксперименте 2020 года встречаются лишь единичные реакции, связанные с возможностью бесплатного передвижения: *проезд, проезд по городу и на электропоездах*.

В экспериментах 2016 и 2020 гг. отражается устойчивая связь понятия ‘бесплатно’

с поговоркой «бесплатный сыр бывает только в мышеловке»: *сыр в мышеловке* (2) – 2016; *сыр в мышеловке* (7); *сыр* (5); *мышеловка* (2) – 2020. В РАС подобные реакции в числе частотных не встречаются. В результатах экспериментов 2016 и 2020 годов прослеживается большее отношение к чему-либо бесплатному как к *халяве* (2 – РАС, 10 – эксперимент 2016, 11 – эксперимент 2020). В эксперименте 2020 года отражается подозрительное отношение к понятию *бесплатно* и представление о наличии скрытых условий и обмана: *обман* (4), *платно* (2), а также единичные реакции: *бумеранг, вранье, врут, жди подвоха, засада, заставляет сомневаться, ловушка, лохотрон, не бывает, неправда, плохое качество, развод, разводка, рекламный ход*. Реакций, связанных с позитивным отношением к понятию *бесплатно* ощутимо меньше: *подарок* (5), *выгода, подарки, приятно, удача* (1). Наиболее позитивные реакции на стимул **бесплатно** мы видим в результатах эксперимента 2016 года. Можно предположить, что это вызвано условиями проведения эксперимента. Перед анкетированием испытуемым предлагалось ознакомиться с содержанием сайта [Энергосберегающие... http], в тексте которого встречалась клишированная фраза «доставка бесплатно» в сочетании с понятием «акция». Так, в реакциях во втором столбце мы видим наибольшую частотность реакций *акция и бесплатно* по сравнению с данными РАС и эксперимента 2020 года.

Сопоставим ассоциации на стимулы **доставка** и **акция**, чтобы подтвердить влияние условий проведения эксперимента (2016).

Таблица №4

ДОСТАВКА: частотные реакции

Эксперимент 2016	Эксперимент 2020
<i>Курьер</i> (9); <i>бесплатно</i> (6); <i>бесплатная</i> (3); <i>машина, привоз</i> (2)	<i>Курьер</i> (22); <i>еды</i> (7); <i>бесплатно</i> (6); <i>удобство</i> (5); <i>пицца</i> (4); <i>СДЭК</i> (3); <i>быстрая, быстро, газель, машина, ожидание, получение</i> (2)

Как мы видим в таблице 4, реакция *бесплатно* является частотной в обоих экспериментах, что говорит о клишированности фразы, однако в первом эксперименте также встречается форма *бесплатная*, что в сочетании со стимулом повторяет фразу с сайта. В обоих экспериментах наиболее частотной является субъектная реакция *курьер*. Однако в эксперименте 2020 года мы видим большую взаимосвязь с доставкой еды (*еды, пицца*) и большую конкретизацию в зонах «характеристика», «действие» и «объект»: *удобство, СДЭК, быстрая, быстро, газель, ожидание, получение*, что позволяет судить о возрастающей личной вовлеченности и отражении личного опыта пользования услугой участниками эксперимента. То же подтверждают и единичные реакции: *Авито, бесконтактная, бесплатная, выгодно, груз, до двери, до квартиры, до нашей лавки, до подъезда, долго, ждать курьера, заказ, заказов, запечатанная коробка, интернет-заказа, канавка, контейнер, курьер в кепке {}, комбинезоне с деревням² ящиком подошел у двери, лекарство, мебель, неудобно, облегчение, Озон, отгрузка, платная, покупки, поставка, почта, привезли что-то, привезут, привоз, продукты, роллы, самовывоз, срочная, суши, удобно, условия, фруктов, хорошо {}, если все доведут без повреждений, цена, Яндекс* (1). Стоит особо отметить реакции *бесконтактная* и *лекарство* как в наибольшей степени связанные с периодом пандемии.

² Здесь и далее реакции испытуемых приводятся без изменений

АКЦИЯ: частотные реакции

Эксперимент 2016	Эксперимент 2020
<i>Скидка (12); скидки (6); выгода (4); обман, распродажа, реклама (2)</i>	<i>Скидка (24); скидки (9); Распродажа (7); биржа (4); деньги, Пятерочка (4); акция (3); дешево, облигация, обман, провокация, скидки, товар, ценная бумага, экономия (2)</i>

Реакций *бесплатно* и *доставка* нет даже в числе единичных в рамках эксперимента 2020 года. В результатах эксперимента 2016 года встречается лишь единичная реакция *бесплатно*, что может свидетельствовать о недостаточно устойчивой взаимосвязи между понятиями ‘акция’ и ‘бесплатная доставка’. Однако при сопоставлении частотных реакций мы видим взаимосвязь между реакциями, полученными в рамках эксперимента в 2016 году (*распродажа, реклама*), и содержанием представленного для ознакомления сайта. Подтверждение можно найти и в единичных реакциях: *мелкий текст, светильники и часы тикают* (на сайте был размещен таймер с обратным отсчетом, показывающий время, оставшееся до конца действия акции).

В эксперименте 2016 года не было представлено ни одной реакции, связывающей понятие ‘акция’ с инвестициями и ценными бумагами. В эксперименте 2020 года таких реакций в сумме 13%: *биржа (4); облигация, ценная бумага (2); IPO, бумага, Сбербанк, ценные бумаги*. 31% реакций связан со сферой торговли и маркетинга: *распродажа (7); Пятерочка (4); дешево, скидки, товар, экономия (2), вещи, Газпромнефть. За 30 литров двойной бонус баллов, дешевле, желтые ценники, интернет-магазин, низкие цены, подарок, покупка, промо, Ситилинк, флаер, это дешево — Палыч (1)*, в числе которых встречается и частотная реакция *Пятерочка*, отмеченная нами также в реакциях на стимул **магазин**. 2% реакций связано с еще одним значением слова ‘акция’ – действие или выступление для достижения определенной цели: *протест, протеста*. Стоит отметить, что именно в этом значении ‘акция’ встречается наиболее часто в обратных ассоциативных словарях (особенно в РАС).

Познакомимся с результатами эксперимента для стимула **сайт**. По данным, отраженным в обратных словарях РАС и ЕВРАС, понятие ‘сайт’ в большей степени связано с социальными сетями [Полянская 2019: 144–154], а в прямых словарях статьи для данного стимула отсутствуют. Поэтому результаты эксперимента 2020 года сопоставим с данными эксперимента 2016 года, см. табл. 6.

САЙТ: частотные реакции

Эксперимент 2016	Эксперимент 2020
<i>Интернет (10); информация (8); страница (5); компьютер (2)</i>	<i>Интернет (33); информация (8); компьютер (6); ссылка, Яндекс (5); страница (4); магазин (3); знакомств, окно, услуг (2)</i>

В результатах эксперимента 2020 года мы видим большее разнообразие частотных реакций, например, *знакомств, услуг*. Появляется частотная реакция *магазин* (в эксперименте 2016 года встречается только единичная реакция *магазин*, несмотря на

то, что перед экспериментом испытуемым предлагалось ознакомиться со страницей интернет-магазина). Если в эксперименте 2016 года встречается только 2 единичные реакции, связанные с названиями сайтов и интернет-ресурсов (Яндекс, Google), то в эксперименте 2020 года подобных реакций намного больше: Яндекс (5), *4fresh, Yandex.ru, Вк, Вконтакте, Мос.ру, Озон, Ютуб* (1). Суммарно 9% реакций связано со сферой торговли (*магазин* (3); *4fresh, интернет-магазин, покупка, продажа, продажи, Озон*); 4% – с социальными сетями (*Вк, Вконтакте, соцсети, соцсеть*); 2% – с порталами государственных услуг (*госуслуги, Мос.ру*), что также частично может быть связано с влиянием периода самоизоляции и необходимостью заказывать пропуски.

При заказе товаров и услуг пользователи часто изучают **отзывы**. Сопоставим реакции на данный стимул в экспериментах 2016 и 2020 гг. В прямых ассоциативных словарях статьи отсутствуют.

Таблица №7

ОТЗЫВЫ: частотные реакции

Эксперимент 2016	Эксперимент 2020
<i>Мнение</i> (6); <i>комментарии</i> (3); <i>реальные</i> (2)	<i>Мнения</i> (9); <i>мнение</i> (7); <i>комментарии</i> (5); <i>положительные</i> (3); <i>доверие, информация, клиенты, о покупке, опрос, оценка, рейтинг, честность</i> (2)

В рамках обоих экспериментов частотные реакции отражают позитивное отношение к данному стимулу, негативные реакции являются единичными. Однако если брать общее количество, то в эксперименте 2016 года 13 позитивных реакций и лишь 4 негативных (*враки, купленные отзывы, минусы, недоверие*), а в эксперименте 2020 года при том же количестве позитивных уже 18 негативных реакций, что свидетельствует о нарастающем недоверии людей и остороженности по поводу возможной недостоверности данных: *брехня, вранье, ерунда, жалобы, злые, книга жалоб, критика, куплены, лажка, не настоящие, не фонтан, негативные, никчемные, обман, плохо, сплетни, хз, читай все{,} что пишут недовольные люди*. Очевидна также большая эмоциональность негативных реакций.

Статей для стимулов **оплата** и **продажа** нет в прямых ассоциативных словарях, также данные стимулы не использовались в эксперименте 2016 года. Ознакомимся с результатами эксперимента 2020 года в общей таблице.

Таблица №8

ОПЛАТА, ПРОДАЖА: частотные реакции

Оплата	Продажа
<i>Деньги</i> (19); <i>карта</i> (9); <i>картой</i> (8), <i>безнал</i> (4); <i>наличные, расчет, товар, трата</i> (2)	<i>Покупка</i> (12); <i>товар</i> (8); <i>прибыль</i> (5); <i>Авито, бизнес, деньги, выручка, недвижимость</i> (3); <i>квартиры, магазин, онлайн, поклажа, торговля, хлам, цена</i> (2)

Из таблицы 8 мы видим, что продажа связана с бизнесом (*прибыль, бизнес, выручка* + единичные реакции *нечем торговать, оптом, реализация, рынок, сделка и др.*), и продажей чего-либо крупного (*недвижимость, квартиры* + единичные реакции

авто, дом, домов). Отмечается преимущественно нейтральное и негативное отношение к процессу торговли: (*хлам + единичные реакции впаривание, впаривают, втюхивание ненужного, навязать товар, низость*). 6% реакций связано с онлайн-процессом продажи (*Авито, онлайн, интернет*); 3% – с торговлей офлайн (*весы, гремят копейки на кассовых весах, рынок*) и 1% – с продажей *по телефону*. 32% ответов связано с онлайн-оплатой и только 8% – с наличной.

Выводы

Мы наблюдаем стремительное динамическое изменение ассоциативного значения слов, связанных с торговлей. Если в ассоциативных экспериментах последних лет (ЕВРАС, СИБАС, наш эксперимент 2016 года) отмечается устойчивая ассоциация понятия ‘магазин’ с точкой офлайн продаж, а сайтов – преимущественно с социальными сетями, то сейчас количество реакций, отражающих совершение покупок в сети интернет начало резко возрастать. Так, 6% реакций на стимул **продажа** связано с продажей товаров в интернете. И наоборот: 9% реакций на стимул **сайт** связано со сферой интернет-продаж. Изменяется также и объектное ассоциативное значение понятий ‘купить’ и ‘продажа’. Если ‘купить’ в эксперименте 2020 года в большей степени ассоциируется с приобретением товаров первой необходимости (*продукты, хлеб*), то ‘продать’ – с бизнесом и осуществлением более крупных финансовых операций (*недвижимость, квартиры*).

В результатах эксперимента 2020 года можно встретить большее количество реакций, называющих конкретные интернет-платформы и магазины: *Озон, Сбермаркет, Afresh, Yandex.ru, Вк, Вконтакте, Мос.ру, Озон, Ютуб* (в более ранних экспериментах подобные реакции практически отсутствовали). Однако наиболее частым упоминанием названия торговой точки является *Пятерочка*. Данная сеть позиционирует себя как сеть «магазинов у дома», и этот формат наряду с заказом товаров в интернете стал более востребован в 2020 году в связи с временными ограничениями передвижения жителей московского региона. Реакции, связанные с безналичным расчетом, в 4 раза более частотны, чем реакции, связанные с наличным расчетом.

В реакциях на стимулы **магазин** и **доставка** встречаются единичные реакции, отражающие актуальные в период пандемии понятия: **магазин** – *маска, надеть маску; доставка* – *бесконтактная, лекарство*. Реакции на стимул **доставка** отражают большую вовлеченность людей и позволяют предполагать активное пользование услугой участников эксперимента: *быстро, газель, ожидание, получение, до нашей лавки, курьер в кепке {,} комбинезоне с деревням ящичком подошел у двери, привезли что-то* и пр.

Отмечается и изменение эмоционального отношения к ряду понятий. Так, совершение покупок в результатах эксперимента 2020 года связывается с тратой денег (*потратить деньги, выманивают деньги, где бы денег надыбать*) и удовольствием от возможности совершать покупки. Возникает отношение не как к рядовому, будничному, а, скорее, как к праздничному событию (*радость, подарок, порадовать, порадовать себя*). В целом усиливается ассоциативная взаимосвязь между понятиями ‘купить’ и ‘деньги’. Можно предположить, что изменяется отношение и к деньгам в целом – они сами по себе становятся более значимой ценностью, чем товары и услуги, которые можно на них приобрести. Анализ ценности ‘деньги’ может стать предметом дальнейших исследований.

Кроме того, отмечается недоверие к маркетинговым акциям и уловкам: за послед-

ние несколько лет резко возросло количество негативных и «настороженных» реакций на стимулы **акция** и **отзывы**, усилилась их эмоциональная окрашенность. Это позволяет предполагать возникновение необходимости формирования новых маркетинговых инструментов для стимулирования продаж.

Литература

В России за время пандемии закрылись около 62% торговых точек // ТАСС. 12 октября 2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/ekonomika/9695007> (дата обращения: 28.11.2020).

Гончаров С. Коронавирус сломал барьер заказа продуктов через интернет // Прайм. 28 июля 2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://1prime.ru/business/20200728/831831619.html> (дата обращения: 23.11.2020).

Иванов В. Цифровой переход: как за время пандемии коронавируса российский рынок интернет-торговли вырос на 20% // RT. 23 октября 2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://russian.rt.com/business/article/795066-rossiya-onlayn-torgovlya> (дата обращения: 23.11.2020).

Левинская А. Пандемия ускорила темпы роста российской онлайн-торговли // РБК. 12 июля 2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/business/12/07/2020/5f0850989a794790e959424d> (дата обращения: 23.11.2020).

Полянская А.Г. Структурные особенности «посадочной страницы» корпоративных сайтов // Вестник ВолГУ. Лингвистика. 2016. №3. С. 47–53.

Полянская А.Г. Влияние интернет-маркетинга на динамику ассоциативного значения слов // Вопросы психолингвистики. 2019. № 4. С. 144–154.

Энергосберегающие системы (сайт компании) [Электронный ресурс]. URL: <http://1000leds.ru/> (дата обращения: 01.11.2016).

Словари

ЕВРАС: Черкасова Г.А., Уфимцева Н.В. Русский региональный ассоциативный словарь-тезаурус. В 2 т. Т. I. От стимула к реакции. Т. II. От реакции к стимулу [Электронный ресурс]. URL: <http://www.iling-ran.ru/main/publications/evras>

РАС: Караулов Ю.Н., Черкасова Г.А., Уфимцева Н.В., Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф. Русский ассоциативный словарь. В 2 т. / Т. I. От стимула к реакции: М.: АСТ-Астрель, 2002. 784 с. Т. II. От реакции к стимулу: М.: АСТ-Астрель, 2002. 992 с.

СИБАС: Шапошникова И.В., Романенко А.А. Русский региональный ассоциативный словарь (Сибирь и Дальний Восток). В 2 т. / Т. I. От стимула к реакции / Отв. ред. Уфимцева Н.В. М.: Московский институт лингвистики, 2014. 537 с. Т. II. От реакции к стимулу / Отв. ред. Уфимцева Н.В. М.: Московский институт лингвистики, 2015. 763 с.

**THE INFLUENCE OF PANDEMIC PERIOD
ON THE DYNAMICS OF THE ASSOCIATIVE VALUE OF WORDS
(TRADING SPHERE)**

Anastasia G. Polyanskaya

Junior Researcher

Ethnopsycholinguistics Sector

Institute of Linguistics

Russian Academy of Sciences

1/1 B. Kislovskiy per., Moscow, Russia, 125009

polyanskaya@iling-ran.ru

Undoubtedly, the associative (as well as the lexical) meaning of words changes under the influence of social, economic, and technological factors. In this article, we will try to trace the changes in the associative meaning of words related to the sphere of trade relations under the influence of the increasing tendency of transition of trade relations to the Internet, especially due to COVID-19 pandemic in 2020. The results of the associative experiment we conducted this autumn are compared with the older data and conclusions about the features of the associative meaning of the same words made in 2019. The previously analyzed concepts were chosen as the stimuli for the 2020 experiment (**kupit'** (buy), **magazin** (store), **oplata** (payment), **prodazha** (sale), **otzyvy** (reviews), **dostavka** (delivery), **sajt** (website), **akcija** (promotion), **besplatno** (free)). As material for the comparative study, we used the data of the direct and reverse associative dictionaries and results of our previous experiment in 2016.

The results of the experiment reflect the changes in the associative meaning of words. Thus, a negative attitude towards the concepts 'buy', 'promotion' and 'free' is increasing; the associative meaning of the concepts 'buy' and 'promotion' is changing; the number of reactions associated with the implementation of trade operations on the Internet is sharply increasing, and, finally, the reactions to the stimulus **dostavka** (delivery) are now characterized by a greater detail.

Keywords: associative experiment, associative meaning of a word, psycholinguistic analysis, linguistic consciousness, associative dictionary

References

V Rossii za vremya pandemii zakrylis' okolo 62% torgovyh toчек [In Russia, during the pandemic, about 62% of retail outlets were closed] // TASS [TASS] <https://tass.ru/ekonomika/9695007> (retrieval date: 28.11.2020). (In Russian).

Goncharov S. Koronavirus slomal bar'er zakaza produktov cherez internet. [Coronavirus has broken the barrier of ordering food via the Internet] // Prajm [Prime] <https://1prime.ru/business/20200728/831831619.html> (retrieval date: 23.11.2020). (In Russian).

Energosberegayushchie sistemy [Energy saving systems] (Sajt kompanii) [Company's website] <http://1000leds.ru/> (retrieval date: 01.11.2016). (In Russian).

Ivanov V. Cifrovoy perekhod: kak za vremya pandemii koronavirusa rossijskij rynek internet-torgovli vyros na 20% [Digital transition: how during the coronavirus pandemic the Russian e-commerce market grew by 20%] // RT [RT] <https://russian.rt.com/business/article/795066-rossiya-onlayn-torgovlya> (retrieval date: 23.11.2020). (In Russian).

Levinskaya A. Pandemiya uskorila tempy rosta rossijskoj onlajn-torgovli [The pandemic has accelerated the growth rate of Russian online commerce] // RBC [RBC] <https://www.rbc.ru/business/12/07/2020/5f0850989a794790e959424d> (retrieval date: 23.11.2020). (In Russian).

Polyanskaya A.G. Strukturnye osobennosti «posadochnoj stranicy» korporativnyh sajtov [Structural features of landing page of corporate websites]. Vestnik VolGU. Lingvistika [Bulletin of VolSU. Linguistics], 2016, Issue 3. P. 47–53. (In Russian).

Polyanskaya A.G. Vliyanie internet-marketinga na dinamiku associativnogo znacheniya slov [Influence of Internet Marketing on the dynamics of the associative value of words]. Voprosy psiholingvistiki [Journal of Psycholinguistics], 2019, Issue 4. P. 144-154. (In Russian).

Dictionaries

EVRAS: *Cherkasova G.A., Ufimceva N.V.* EVRAS: Russkij regional'nyj associativnyj slovar'-tezaurus [EURAD: Russian Regional Associative Dictionary-Thesaurus]. T. I. Ot stimula k reakcii [From stimulus to reaction]. T. II. Ot reakcii k stimulu [From reaction to stimulus] <http://www.iling-ran.ru/main/publications/evras> (retrieval date: 15.11.2019). (In Russian).

RAS: *Karaulov YU.N., Cherkasova G.A., Ufimceva N.V., Sorokin YU.A., Tarasov E.F.* Russkij associativnyj slovar' [Russian Associative Dictionary]. T. I. Ot stimula k reakcii [From stimulus to reaction]: Moscow: AST-Astrel', 2002. 784 p. (In Russian). T. II. Ot reakcii k stimulu [From reaction to stimulus]: Moscow: AST-Astrel', 2002. 992 p. (In Russian).

SIBAS: *Shaposhnikova I.V., Romanenko A.A.* Russkij regional'nyj associativnyj slovar' (Sibir' i Dal'nij Vostok) [Russian Regional Associative Dictionary (Siberia and the Far East)]. T. I. Ot stimula k reakcii [From stimulus to reaction] Otv. red. Ufimceva N.V. Moscow: Moskovskij institut lingvistiki, 2014. 537 s. (In Russian). T. II. Ot reakcii k stimulu [From reaction to stimulus]. Otv. red. Ufimceva N.V. Moscow: Moskovskij institut lingvistiki, 2015. 763 p. (In Russian).

РЕЦЕНЗИИ

Т.А. Гридина, Н.И. Коновалова. Методы психолингвистических исследований: теория, практикум, тренинги. Учебное пособие. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2020. 358 с.

В 2020 г. в издательском отделе Уральского государственного педагогического университета вышло учебное пособие Т.А. Гридиной и Н.И. Коноваловой «Методы психолингвистических исследований: теория, практикум, тренинги». Пособие, как указано в аннотации, предназначено для студентов, изучающих психолингвистику, однако представляется, что оно шире по своей научно-исследовательской ориентации и обучающей направленности и будет полезно и тем, кто преподаёт различные языковые дисциплины, и тем, кто при исследовании языка идёт экспериментальным путём.

Уникальность данного издания – в сочетании трёх взаимодополняющих образовательных стратегий: в изложении научной теории через гипотезу, в практической демонстрации результатов и в тренинге, призванном закрепить усвоенное. В пособии собран накопленный немалый опыт отечественных и мировых экспериментальных психолингвистических исследований речевой деятельности и языкового сознания, что удачно дополняется присущим авторам креативным подходом к изучению феномена языка.

Книга состоит из двух разделов.

Первый раздел описывает экспериментальные методы исследования речевого сознания. Предваряется это вводным описанием принятых в психолингвистике базовых терминов и понятий, объясняется принципиальность различения языкового стандарта и языковой способности как основы экспериментального получения материала. Далее излагаются преимущества экспериментальных методов (свободный ассоциативный, цепочечный, направленный эксперименты) над традиционными, даётся их поэтапное описание, дополняемое практикумами и тренингами. Постоянно делается акцент на верификации гипотезы, лежащей в основе эксперимента.

Особое внимание отводится процедурам проведения ассоциативных экспериментов как основе получения фактического материала в психолингвистических исследованиях. Именно понимание огромного потенциала информации о языке и его носителях, получаемого в ходе таких экспериментов, сделало психолингвистику популярной во второй половине XX века. (При этом авторы избежали определения психолингвистики как «молодой науки», что ранее не раз отмечалось другими исследователями, разделяющими её на классическую и современную). Описание методов и методик как основы операционной базы психолингвистики настолько подробно, насколько может быть подробной хорошая инструкция. Многочисленные примеры ассоциаций, приводимые при изучении результатов экспериментов, призваны предъявить читающим образцы анализа полученного таким образом материала. Удачным представляется иллюстрация авторами пособия конкретных результатов своей педагогической деятельности в виде придуманных их студентами текстов как образчиков преднамеренной классификации стимульного материала по принципу парадоксального сближения в виде языковой игры. Талантливый сонет по психолингвистике, по стилю напоминающий рэп, стилизация под Маяковского (с. 131 и далее) и другие тексты стали подтверждением продуктивности креативной стратегии порождения текста на базе построенных респондентами кластеров.

Второй раздел пособия описывает методы речевой психодиагностики для детей с отклонениями в речевом развитии. При этом, исходя из разделения людей по ведущей модальности восприятия на визуалов, аудиалов и кинестетиков, авторы излагают варианты различных вербальных экспериментов и тестов, способствующих выявлению одной из них. Рассматриваемые в этом разделе методики диагностики ведущей модальности отличаются исключительным разнообразием и выдумкой при подаче иллюстративного материала. Скажем, в методике «Подбери слова» необходимо придумать названия конфет и дизайн фантиков для них. Предполагалось, что при выполнении такого задания должен преобладать визуальный или кинестетический каналы восприятия, но на практике оказывается, что неплохо работает и аудиальный канал (вот почему дизайнерам кондитерской продукции при оформлении упаковок следует ориентироваться на все три вида восприятия объектов). А методика «Перепутанные инструкции», построенная на мыслительных операциях преобразования, направлена на развитие творческого компонента интеллекта.

То же самое относится и к речевой диагностике межполушарной асимметрии головного мозга, для чего применяются различные невербальные и вербальные диагностики. К примеру, методика решения силлогизмов направлена на выявление стратегий решения полушариями логических задач. При диагностике сформированности общеинтеллектуальных операций рассматриваются различные модели интеллекта и подходы к его измерению от приёмов 1911 г. до современных методик.

Учебное пособие дополнено рядом приложений в виде ранее опубликованных статей Т.А. Гридиной и Н.И. Коноваловой и их учеников, где представлены конкретные результаты экспериментальных психолингвистических исследований лексики и семантики.

Пособие Т.А. Гридиной и Н.И. Коноваловой с большой пользой послужит всем, кто захочет на практике познать процессы порождения и восприятия речевой деятельности, кто готов освоить экспериментальные методы для получения новых данных об обыденном языковом сознании. Оно должно стать настольной книгой для тех, кто интересуется практическими методами исследования ассоциативных структур.

Калюта Александр Михайлович

Кандидат филологических наук, доцент кафедры теоретического
и славянского языкознания Белгосуниверситета,
Беларусь, Минск, 220030, ул. К. Маркса, 31
akalyuta1@yandex.ru

Поляков С.Э. Концепты и другие конструкции сознания. Издательство: СПб.: Питер, 2017. – 624 с.

Рецензируемое издание написано психологом и психиатром С.Э. Поляковым, не занимающимся непосредственно лингвистикой или психолингвистикой, однако затрагивающим множество смежных проблем, традиционно находящихся в рамках лингвистики, психологии и философии. Тем не менее, мы полагаем, что данная работа поможет лингвистам посмотреть на язык несколько с другого ракурса – глазами ученого-психиатра.

Книга состоит из трех, на первый взгляд, не связанных между собой частей: первая посвящена понятиям и концептам, вторая – сложным психическим явлениям, а третья – объективной психической реальности. Однако данная структура обусловлена определенной логикой: автор использует индуктивный подход, описывая сначала частные слагаемые объективной психической реальности (например, концепты, знаки, вербальные психические феномены), обобщая их, после чего создавая на их базе теорию объективной психической реальности. С.Э. Поляков полагает, что для понимания процессов (в том числе, языковых и знаковых), происходящих в сознании человека, необходим новый подход. Ученый приходит к выводу, что «объективная психическая реальность есть не что иное, как совокупное представление общества об окружающем мире, существующее лишь в сознании его членов, но как бы присутствующее в потенциально доступном для подготовленного сознания виде в форме разного рода знаков, созданных когда-либо людьми и хранящихся на материальных носителях информации» [Поляков 2017: 23].

Таким образом, изучение объективной психической реальности подразумевает изучение средств передачи репрезентирующих ее знаков, в частности языка. А язык, в свою очередь, тесно связан с сознанием, потому что знаки, в том числе языковые, по мнению автора, бесполезны без человеческого сознания, способного их воспринять и расшифровать, т.е. превратить в психические феномены. Таким образом, автор считает язык не простым механизмом передачи информации, а инструментом, позволяющим глубже осознавать содержание собственного сознания, иначе говоря, язык представляет собой удобный инструмент для проведения интроспекции. С.Э. Поляков полагает, что объективная психическая реальность смогла сформироваться благодаря возникновению человеческого языка, позволившего создать в сознании людей сходное вербальное психическое содержание, потенциально доступное для передачи от человека к человеку. При этом заметим, что объективная психическая реальность, как и язык, существует вне сознания индивида, однако окружает его с момента рождения. Кроме того, репрезентации (отражения) языка и объективной психической реальности присутствуют в сознании каждого индивида.

Необходимо также отметить потенциал теории С.Э. Полякова и применительно к изучению иностранных языков и культур, так как, по мнению автора, существует множество вариантов объективной психической реальности, и разные народы живут в их собственных психических мирах, создаваемых их культурами, т.е. мы все живем в одном мире, однако этот мир по-разному репрезентируется каждым из наших обществ.

Далее рассмотрим подробнее каждую из частей. Наиболее интересной с точки зрения психолингвистики нам представляется первая часть книги, так как в ней много внимания уделяется тому, как язык встроен в работу сознания, т.е. прослеживается не-

посредственная связь с проблематикой психолингвистических исследований. Именно поэтому больше внимания в данном обзоре будет уделяться именно этой части книги.

Часть 1 под названием «Понятия и концепты» состоит из четырех глав, посвященных разным уровням конструирования реальности, в том числе, понятиям и концептам. Проанализировав наиболее актуальные работы в разных отраслях научного знания (психологии, философии, языкознания и пр.), автор приходит к выводу, что психика представляет собой множество феноменов, возникающих в сознании и сменяющих друг друга; обнаружить их человек может в ходе интроспекции. Один из видов подобных феноменов – вербальные психические феномены и их материальные эквиваленты (языковые конструкции) – позволяют мышлению функционировать и представляют собой основу для осуществления коммуникации.

Особого внимания лингвистов заслуживает раздел главы 1.2, посвященный взаимосвязи между словом, понятием и концептом. В данной главе проводится глубокий анализ языковых и психических явлений. В ходе коммуникации люди используют специально созданные ими искусственные физические объекты, обозначающие концепты, – слова. Слова связаны с образами сознания, сформированными при взаимодействии с предметами и явлениями, как реальными, так и вымышленными. Важно уточнить, что С.Э. Поляков проводит полную аналогию между словами и физическими объектами, поскольку взаимодействие и с теми, и с другими вызывает у человека образы сознания, связанные с этими объектами. Тем не менее, он уточняет, что слова представляют собой не простые объекты, а объекты-знаки, поэтому образы слов замещают обозначаемые этими словами сущности. Автор соглашается с Ф. де Соссюром, утверждавшим, что «языковой знак связывает не вещь и ее название, а понятие и акустический образ» [Соссюр 1977: 99], при этом понимание происходит за счет того, что образы сознания разных людей обладают набором общих черт, так как в противном случае общение было бы невозможно.

Необходимо отметить, что автор книги разделяет три близких, но, по его мнению, не совпадающих понятия: «концепт», «понятие» и «редуцированное понятие». Далее приведем определения каждого из них.

- Концепт – значение известного человеку слова, а, следовательно, и соответствующего вербального образа, т.е. редуцированного понятия. Каждое знакомое слово актуализирует в сознании человека уникальный предмет. Кроме того, концепт – устойчивая психическая конструкция, т.е. особый сложный психический феномен, а также репрезентация некой сущности, реальной или вымышленной.

- Понятие – психическая конструкция, образованная концептом, ассоциированным с образом определенного слова; этот концепт репрезентирует некую сущность, обозначаемую данным словом.

- Редуцированное понятие – это нечто вроде психического ярлыка для концепта, но в то же время самостоятельный психический феномен и единица мыслительной деятельности.

Автор приходит к выводу, что человеческое сознание репрезентирует окружающую реальность (под которой подразумевается не только физический мир, но также и социальный, и психический) сущностно, а доступную восприятию реальность – еще и предметно, и вещественно. Сущность – это то, что сознание конституирует или конструирует, помещая в свою картину мира в качестве чего-то очевидно самостоятельного и ограниченного от прочих сущностей, которые оно же во множестве

создает. Сознание с помощью создаваемых им концептов выделяет или формирует сущности, так как их появление упрощает мир и облегчает его понимание. Необходимо отметить, что в ходе развития человечества сущности, выделяемые сознанием в окружающем мире, могут меняться, поскольку меняется само понимание окружающего мира: мы живем в мире сущностей, которые не выделялись еще пару веков назад, а старые сущности, актуальные ранее, более не актуальны. Создание сущностей – это естественная и необходимая форма психического функционирования человека. Сознание выделяет или формирует сущности при помощи создаваемых им концептов, так как данный процесс облегчает их понимание. Если же обозначаемый предмет недоступен для чувственного восприятия, то сознание создает специальные вербальные конструкции (называемые вербальными концептами), конституирующие соответствующие данным предметам сущности. Таким образом, человек предпринимает определенные умственные усилия для выделения некоей сущности, создавая в сознании обозначающую ее вербальную конструкцию. Данные умозаключения позволяют автору прийти к выводу, что человеческое сознание создает концепты и понятия, чтобы репрезентировать для себя окружающий мир в форме сущностей. Последнее означает, что мы все живем в одной и той же реальности, однако понимаем и членим ее в зависимости от имеющихся в нашем сознании концептов. Например, по мнению автора, современные ученые не просто смотрят на окружающий мир более внимательно, чем их предшественники, а по-другому концептуализируют ту же область реальности, с которой имели дело предшественники; они выделяют новые концепты, репрезентирующие в ней новые сущности, меняющие репрезентированную реальность, и на основе этого строят новую теорию. Это означает, что любая наука основана на различных вариантах концептуализации, представленных учеными, поэтому исследователи имеют дело не с физическими объектами, а с конструкциями сознания. Сами концепты различаются, поскольку люди склонны концептуализировать и обозначать лишь значимые для них аспекты окружающего мира, следовательно, нет и не может быть единственно верной концептуализации реальности, а также полностью объективной научной теории.

Небезынтересно и объяснение автором того, как у человека появляются вербальные конструкции: когда дети усваивают родной язык, то его слова замещают уже существующие в сознании детей сенсорные репрезентации окружающего мира, т.е. происходит смена чувственных психических репрезентаций на вербальные. По мнению автора, язык представляет собой часть когнитивного аппарата человека и использует его общие когнитивные способности, а вербальные модели – всего лишь надстройка над невербальными репрезентациями мира. Таким образом, язык представляет собой органичную часть развития когнитивных функций человека; человек может описывать реальность только потому, что его базовые понятия моделируют и замещают чувственные репрезентации реальности, а языковые (вербальные) конструкции позволяют передавать другим людям репрезентации окружающего мира и собственного состояния человека.

Часть 2 под названием «Сложные психические явления» дает читателю представление о многогранной сущности процессов, происходящих в сознании. В ней объясняется, как возникают психические конструкты, каким образом репрезентируются слова в сознании, т.е. подробно рассказывается о психологических механизмах, обуславливающих в том числе речевую деятельность. Автор приходит к выводу, что в

сознании есть лишь широкий спектр конструкций, которые репрезентируют все сущности реальности, а репрезентация их осуществляется за счет знаков, в том числе языковых. Таким образом, язык позволяет членить окружающий мир на отдельные сущности, а также наблюдать, описывать и понимать его.

С.Э. Поляков полагает, что в ходе жизни у человека возникают психические конструкции, которые, ассоциируясь между собой, способны образовывать сложные формы психических феноменов. Психические конструкции – не просто набор мгновенных образов, а самостоятельные новые целостные психические феномены с новыми свойствами, выполняющие функцию репрезентирования сущностей окружающей реальности в самой психике. Существуют различные виды психических конструкций, однако нас больше всего интересуют вербальные психические конструкции, наиболее тесно связанные с областью психолингвистических исследований. Автор выделяет несколько видов вербальных психических конструкций: те, которые репрезентируют разного рода сущности, описательные и утверждающие. Первый тип автор считает наиболее устойчивым и стандартизированным, поскольку он представляет собой концепты, обозначаемые редуцированными понятиями, в то время как второй и третий типы каждый раз создаются человеком заново для решения конкретной задачи.

В конце главы автор приходит к выводу, что в сознании есть лишь широкий спектр конструкций, которые репрезентируют все сущности реальности.

Часть 3 посвящена изучению объективной психической реальности и носит одноименное название. В начале этой части представлена история вопроса, анализируются основные теории, затрагивающие проблему объективной психической реальности, а затем подробно рассматриваются ее основные составляющие: физическая реальность, социальная реальность, психическая реальность. Отдельного упоминания заслуживает раздел главы 3.8, посвященный тому, как вербальные конструкции встроены в объективную психическую реальность, объективируя и формируя ее.

С.Э. Поляков считает, что субъективная вербальная конструкция объективируется, когда она превращается в языковую конструкцию, встраиваясь в объективную психическую реальность. Автор подробно рассматривает вопрос истинности вербальных / языковых конструкций, полагая, что есть группа вербальных конструкций, которые не могут быть ни истинными, ни ложными. Такие конструкции репрезентируют лишь возможную в теории реальность или регулируют поведение.

Тем не менее, объективная психическая реальность присутствует не в устной речи, не в текстах, не в знаках, а в сознании членов общества и потенциально доступна для подготовленного сознания в виде знаков, хранящихся на материальных носителях информации. Возникновение объективной психической реальности обусловлено развитием символического мышления и языка, благодаря которым становится возможным общение между членами социума.

В конце книги приводятся примечания, позволяющие более убедительно объяснить различные аспекты представленной в книге концепции; а также приводится список литературы и предметный указатель.

Рассмотренная работа обладает большой значимостью, поскольку ее автор, С.Э. Поляков, предложил новый взгляд на многие актуальные вопросы, стоявшие перед несколькими поколениями психологов, лингвистов и философов. В книге всесторонне рассматриваются сложные феномены человеческого сознания и описывается новая система психической феноменологии. Необходимо упомянуть, что автор соз-

дает новую концепцию объективной психической реальности, тем самым открывая еще одну область психологических исследований и предлагая решение актуальных проблем сразу нескольких гуманитарных наук.

Литература

Поляков С.Э. Концепты и другие конструкции сознания. СПб.: Питер, 2017. 624 с.
Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики // Труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1977. С. 98–103.

Цзюй Юньшен

доктор филологических наук,

Институт русского языка Хэйлунцзянского университета КНР;

Матвеев Михаил Олегович

Московский государственный институт международных отношений;

Ст. преп. Центра изучения иностр. языков при 1 МГМУ им. И.М. Сеченова

В конце ноября 2020 г. вышла из печати книга «Своими словами: Институт языкознания в воспоминаниях сотрудников. 1950—2020», подготовленная к 70-летию Института языкознания РАН.

Издание призвано показать читателю «мозаику» институтской жизни за прошедшие десятилетия, начиная с года основания Института. Текст в значительной степени основан на воспоминаниях сотрудников, собранных в преддверии юбилея, а также на других источниках.

В роли составителей книги выступили Тимур Анатольевич Майсак и Андрей Владимирович Сидельцев, макет изготовил Валентин Юрьевич Гусев, а дизайн обложки принадлежит Ксении Павловне Семёновой (МГУ им. М. В. Ломоносова).

Прочсть книгу можно, перейдя по ссылке:

https://iling-ran.ru/library/history/2020_svoimi_slovami_with_cover.pdf

**МЕЖДУНАРОДНЫЙ КРУГЛЫЙ СТОЛ
«ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ: РЕЗУЛЬТАТЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ
ИССЛЕДОВАНИЯ»,
посвященный 85-летию члена-корр. РАН, профессора
ЮРИЯ НИКОЛАЕВИЧА КАРАУЛОВА
(10-11 ноября 2020 г.)**

10–11 ноября 2020 года по инициативе кафедры общего и русского языкознания филологического факультета Российского университета дружбы народов совместно с Институтом языкознания РАН (отдел психолингвистики) и Институтом русского языка имени В.В. Виноградова РАН (отдел экспериментальной лексикографии) в онлайн-режиме прошёл Международный круглый стол «Языковая личность: результаты и перспективы исследования», посвящённый 85-летию члена-корреспондента РАН, профессора Юрия Николаевича Караулова.

В работе Круглого стола приняли участие ведущие учёные России, Испании и начинающие молодые исследователи РФ и Киргизии.

Всего за два дня работы было прослушано 22 доклада.

В начале заседания со Вступительным словом и приветствием участникам Круглого стола обратился заведующий кафедрой общего и русского языкознания филологического факультета РУДН доктор филологических наук, профессор В.Н. Денисенко.

Все доклады и сообщения, прозвучавшие на Круглом столе, можно было бы тематически разделить на 4 группы в соответствии с основными научными направлениями изучения языковой личности, разработанными Ю.Н. Карауловым.

Прежде всего, это доклады по теории языковой личности и обыденного языкового сознания. Так, в докладе заведующего отделом психолингвистики Института языкознания РАН профессора Е.Ф. Тарасова, в докладе заведующей сектором этнопсихолингвистики д.ф.н. профессора Н.В. Уфимцевой и старшего научного сотрудника О.В. Балясниковой, а также в выступлении главного научного сотрудника сектора русского языка в Сибири ИФЛСО РАН профессора И.В. Шапошниковой вновь обсуждался вопрос об объекте лингвистики и психолингвистики, подчёркивалось центральное положение образов сознания, их деятельностный характер и их приоритет над материальным знаковым выражением этих образов в процессе совместной речевой деятельности участников коммуникации.

Второе направление было представлено докладами, посвященными конкретным исследованиям языкового сознания, ассоциативно-вербальной сети, смоделированным на базе ассоциативных экспериментов и их материального воплощения – ассоциативных словарей (РАС-1, ЕВРАС и СИБАС). Этой проблематике, в частности, был посвящён доклад доктора филологии профессора Университета Комплутенсе (Испания, Мадрид), почётного доктора РАН Марии Санчес Пуиг «Гендерный фактор в рамках ассоциативных норм русского и испанского языков». С российской стороны вопросам ассоциативной лингвистики были посвящены доклады ярких представителей отечественной науки: доктора филологических наук, профессора И.А. Стернина, директора Центра коммуникативных исследований Воронежского государственного университета; доктора филологических наук, профессора кафедры общей теории словесности филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова В.В. Красных и других участников Круглого стола. Анализу испанско-русского ассоциативного словаря был посвя-

щен доклад доктора филологических наук, главного научного сотрудника Института языкознания РАН В.З. Демьянкова «Возможное и вероятное в испанском корпусе». Особое место здесь принадлежит докладу Ю.Н. Филипповича, профессора кафедры Инфокогнитивных технологий Московского политехнического университета «Моделирование лингвокультурного сознания: коннектом носителя языка», в котором автор рассказал об их последнем совместном с Юрием Николаевичем Карауловым проекте создания лингвокультурного когнайзера.

Третий тематический блок составили доклады, посвященные реконструкции авторской творческой языковой личности: доклад доктора филологических наук, доцента кафедры германо-славянской филологии Университета Комплутенсе (Испания, Мадрид) Татьяны Дроздов Диес «Русская языковая личность и языковая компетенция автора в связи с работой над переводом новеллы Вадима Месяца «Ветер с конфетной фабрики»; доклад доктора филологических наук, профессора кафедры общего и русского языкознания РУДН Н.Л. Чулкиной «Творческая языковая личность учёного-гуманитария Георгия Гачева»; доклад доктора филологических наук, главного научного сотрудника Института русского языка имени В.В. Виноградова РАН Л.Л. Шестаковой «Ю.Н. Караулов как пропонент: восприятие и оценка учёным концепции «Словаря русской поэзии XX века»; кандидата филологических наук К.Э. Касымалиевой (Киргизия) «Этноидиоглоссы в авторской языковой этнической картине мира писателя-билингва Чингиза Айтматова».

Большое количество участников Круглого стола посвятили свои выступления авторской языковой личности Ф.М. Достоевского и представлению её в авторской лексикографии. Это доклад доктора филологических наук, профессора, заведующего Отделом авторской лексикографии Института русского языка имени В.В. Виноградова РАН А.Н. Баранова и доктора филологических наук, профессора этого же отдела Д.О. Добровольского «Идиоматика Достоевского глазами носителя современного русского языка». Этому же направлению были посвящены доклады группы создателей «Словаря языка Достоевского: Идиоглоссария»: кандидата филологических наук, сотрудника Отдела экспериментальной лексикографии Е.А. Осокиной «Некоторые особенности идиостиля Достоевского, Платонова, Пелевина: степень объективности при описании и толковании текста»; кандидата филологических наук, научного сотрудника Отдела экспериментальной лексикографии Е.В. Шараповой «Интенсификаторы в идиостиле Ф.М. Достоевского»; совместного доклада М.М. Коробовой, И.В. Ружицкого, С.Н. Шепелевой «Последний проект Юрия Николаевича Караулова: Идиоглоссарий Достоевского: как всё начиналось»; кандидата филологических наук, доцента Ивановского государственного университета А.В. Варзина «БОЛЬ: слово, образ и концепт в речемыслительном пространстве Ф.М. Достоевского».

В кратком обзоре Круглого стола, посвященного памяти такого выдающегося учёного, как Юрий Николаевич Караулов, невозможно полноценно представить всех его участников. Остается только отметить, что это было собрание учёных, в чьей научной деятельности нашли отражение важнейшие направления современной отечественной и зарубежной лингвистики, начало которым было положено Юрием Николаевичем Карауловым. И это стало ярким событием научной жизни.

Доктор филологических наук, профессор
кафедры общего и русского языкознания РУДН
Н.Л. Чулкина

«БИ-, ПОЛИ-, ТРАНСЛИНГВИЗМ И ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ»

VI Международная научно-практическая конференция под эгидой МАПРЯЛ

На базе кафедры русского языка и межкультурной коммуникации Российского университета дружбы народов по сложившейся традиции в первую пятницу и субботу декабря прошла работа шестой Международной научно-практической конференции под эгидой МАПРЯЛ «Би-, поли-, транслингвизм и лингвистическое образование» (4-5 декабря 2020 года).

Соучредителями этого научного проекта выступили Департамент англистики Техасского университета в Сан-Антонио (США) и филологический факультет КазНУ имени аль-Фараби (РК).

В работе Конференции приняли участие представители 50 ведущих вузов РФ, а также участники из стран ближнего и дальнего зарубежья, в том числе из топ-400 рейтинга QS – участники из 11 университетов. Общее количество участников – 119, в том числе: профессоров – 75, среди которых деканы факультетов (РУДН, КазНУ, ВГУ им. П.М. Машерова), заведующие кафедрами и отделами – 12 человек.

Работа Конференции проходила в два этапа. Председатель Оргкомитета В.П. Синячкин открыл работу Конференции 4 декабря. В этот день состоялось обсуждение научно-методических разработок кафедры русского языка и межкультурной коммуникации РУДН. Сотрудниками кафедры доцентом В.В. Дроновым и профессором В.И. Шляховым был представлен проект словаря, основанного на гипертекстуальном подходе к языку. Были зачитаны доклады по двум ключевым направлениям кафедры: функциональному подходу к изучению русского языка как иностранного и транслингвизму и русскоязычию как его варианту. Наряду с учеными выступали молодые исследователи, аспиранты – преподаватели кафедры русского языка и межкультурной коммуникации (завкафедрой В.П. Синячкин), которым представилась возможность получить экспертную оценку своих изысканий от широкого научного сообщества. При участии Службы проректора по дополнительному образованию РУДН был проведен Круглый стол, посвященный проблемам социально-культурной адаптации обучающихся и мерам по снижению социальной напряженности в полилингвальной студенческой среде (модератор Н.А. Гущина).

Работа основной сессии прошла 5 декабря. С приветствием к участникам Конференции выступила инициатор этого мероприятия первый проректор – проректор по образовательной деятельности Анжела В. Должикова. От имени соорганизаторов выступил профессор Стивен Келлман, известный специалист в области транслингвальной литературы (Университет Техаса в Сан-Антонио, США), который презентовал свой доклад «Omnilingual Aspirations: The Case Of The Universal Declaration Of Human Rights».

С приветственным словом от Президиума МАПРЯЛ выступили президент КазПРЯЛ профессор Элеонора Д. Сулейменова (КазНУ им. аль-Фараби, Казахстан) и президент Румынской Ассоциации ПРЯЛ профессор Аксиния Красовски (Университет Бухареста, Румыния).

Основная сессия была организована в формате информационного потока (info-flow), без классического разделения на обособленные секции с целью придать мероприятию большую междисциплинарность и позволить коллегам из разных областей

филологического знания ознакомиться с результатами коллег из ближнего и дальнего зарубежья. Со своими докладами выступили ведущие ученые ближнего и дальнего зарубежья. Выступления англоязычных спикеров сопровождались письменным переводом в режиме ZOOM-чата.

Акцент на междисциплинарность, парадигмальный синтез, неофункционализм стали отличительной чертой этой конференции, как и виртуозное управление всей работой сессии ее модератором проф. Улданай М. Бахтикиреевой, которое отличалось емким и содержательным комментарием каждого доклада, уместным представлением научных интересов всех участников конференции, созданием атмосферы интеллектуального праздника, знакомства и живого общения.

В *пленарной сессии* было представлено несколько докладов. Наиболее резонансными были презентации таких докладов, как «Билингвизм и другие проявления функционирования языковой системы человека в свете пластичности мозга» постоянного участника Конференции Нины Ш. Александровой (Берлин, Германия); «Норма языкового варианта: стремление к унификации или закрепление дифференциации?» профессоров МГОУ Георгия Т. Хухуни и Ирины И. Валуйцевой; а также доклад «Literary Translingualism In Nordic Contexts» Джулии Хансен (Университет Уппсалы, Швеция).

В *сессии, посвященной различным вопросам русофонии, полиглотсии русского языка*, были прочитаны доклады Елены А. Красиной и Оксаны И. Александровой (РУДН, Москва, РФ) «Межъязыковая адаптация личных имен собственных: транслитерация, транскрипция или...?»; Александра Л. Арёфьева (ГИРЯ им. А.С. Пушкина, Москва, РФ) «Русский язык и русскоязычное образование в многоязычном мире»; Аксиини Красовски (Бухарестский Университет, Румыния) «Влияние румынского языка на говоры русских-липован Румынии». Образцом лаконичности и содержательности, мастер-классом краткого изложения исследования в новом он-лайн формате конференций стало выступление профессора Элеоноры Д. Сулейменовой (КазНУ им. аль-Фараби, РК) с докладом «Biz birgemiz, или еще раз о диверсификации русского языка в Казахстане» (содокладчики Дана Х. Аканова (Чикагский университет, США) и Малика М. Аймагамбетова (КазНУ им. аль-Фараби, Алматы, РК).

Сессия, посвященная вопросам русско-инонационального билингвизма, психолингвистическим аспектам би- и транслингвизма, была представлена докладами Маханбета Джусупова (УГУМИ, Ташкент, Узбекистан) «Переход с кириллицы на латиницу и проблема лингвографической интерференции (тюркские языки, русский, английский)»; Натальи В. Уфимцевой, Ольги В. Балясниковой (ИЯ РАН) и Натальи В. Дмитриук (ЮКГПУ, Шымкент, РК) «Потенциально конфликтные зоны в языковом сознании билингва»; Замиры К. Дербишевой (Кыргызско-Турецкий университет «Манас», Бишкек, Кыргызстан) «Субъективные и объективные факторы кодовых переключений в языковой коммуникации кыргызов-билингвов» и др.

Интерес исследователей в области *художественного (литературного) билингвизма* вызвали доклады Евгении В. Бильченко (НПУ имени М.П. Драгоманова, ИК Укр. академии искусств, Киев) и Стефании А. Даниловой (СПбГУ, Санкт-Петербург, РФ) «Поэт как субъект языка: онтологические основания знаков и трендовые значения социума»; Зифы К. Темиргазинной (ПГПУ, Павлодар, РК) «Транскультурность и её проявление в поэтике лирических текстов»; Зухры А. Кучуковой (КБГУ им. Х.М. Бербекова, Нальчик, РФ) «Джером Сэлинджер и Генрих Бёлль: опыт транскультурного творчества» с соавторами Бурханом А. Берберовым (КБН центр РАН, Нальчик, РФ)

и Лианой Б. Берберовой (Фин. университет при Правительстве РФ, Москва); Элеоноры Ф. Шафранской (МГГУ, Москва, РФ) «Ordinamenti Павла Зальцмана: Роман о Средней Азии» и др.

С целью расширения исследовательских возможностей и их публикационных реализаций для всех участников Конференции свою презентацию представила главный редактор журнала «Новые исследования Тувы» Чимиза К. Ламажаа и ведущий специалист Центра наукометрии и развития научных журналов Научного управления РУДН Ольга Е. Горячева.

Конференция, посвященная проблемам би-, поли- и транслингвизма, проводится в РУДН ежегодно, начиная с 2015 года. За эти годы установлено плодотворное сотрудничество с учеными вузов и исследовательских центров ближнего и дальнего зарубежья. Привлечены спикеры, которые являются мировыми экспертами в сфере русско-инонационального би-, транслингвизма и лингвистического обучения. Мероприятие проходит под эгидой МАПРЯЛ и с каждым годом становится все более узнаваемым среди филологов, занимающихся исследованиями на стыке языковых и неязыковых дисциплин.

Благодаря опубликованным сборникам материалов пяти предыдущих конференций и публикациям исследований их участников в «Вестнике РУДН» (серия «Полилингвистичность и транскультурные практики»), накоплены знания из разных научных направлений: биологии билингвизма (исследования Н.Ш. Александровой, Берлин, Германия), этнопсихолингвистики (Н.В. Уфимцева, РФ; Н.В. Дмитриук, РК), теории и практики языковых контактов и билингвизма (Э.Д. Сулейменова, РК; Н.В. Медведева, РФ) транслингвизма и транскulturации (З.Г. Прошина, У.М. Бахтикиреева, О.А. Валикова, РФ), транскulturации в аспекте теории литературы (изыскания С. Келлмана, Техас, США; Дж. Хансен, Уппсала, Швеция), методики преподавания русского языка в би- или полилингвальной аудитории (В.П. Синячкин, Н.Д. Афанасьева, РФ).

Критическое осмысление работы конференции привело к разработке адекватного алгоритма функционирования её как проекта, который и в дальнейшем будет существовать в формате единой междисциплинарной сессии.

Начиная с нынешней VI Конференции принято решение отказаться от публикаций в традиционном сборнике. Оргкомитет Конференции провел большую работу для публикации наиболее актуальных работ участников Конференции в Международном научном журнале «Филологические науки (Научные доклады высшей школы)», индексируемом БД Web of Science. Общее количество статей – 20. Общее количество авторов – 38 (индивидуально и в соавторстве).

В научном журнале РУДН «Полилингвистичность и транскультурные практики» (№ 4, 2020) уже опубликованы 5 статей (8 участников). Выбраны и подготовлены для публикации в № 1/2021 названного журнала еще 13 статей участников Конференции. В последующих номерах будут публиковаться отобранные работы других участников Конференции. Все представленные рукописи проходят обязательное рецензирование.

Решение публиковать статьи участников Конференции в научных журналах связано с недостаточной востребованностью ежегодных сборников, вследствие чего многие серьезные работы известных ученых остаются малоцитируемыми и нередко практически неизвестными широкой аудитории исследователей. Именно по этой причине Оргкомитет Конференции в настоящее время обсуждает идею выпуска коллективной монографии по результатам VII Конференции под эгидой МАПРЯЛ в декабре 2021

года. В настоящее время идет обсуждение того, какие статьи известных ученых, опубликованных в предыдущих сборниках, содержат важные положения, которые могли бы найти свое отражение в планируемой коллективной монографии.

Все участники Конференции получили возможность ознакомиться с издательской политикой РУДН и в формате онлайн-навигатора (презентации О.Е. Горячевой, Ч.М. Ламажаа) изучить выборку журналов филологической направленности, а также журнал «Новые исследования Тувы» (Scopus Q1, WoS и др. БД), с издателями которого РУДН заключил Договор о сотрудничестве, в частности – в наполнении рубрики «Диалог культур». Докладчики смогли существенно расширить свои публикационные возможности. В последнем декабрьском номере журнала «Новые исследования Тувы» (№ 4, 2020) опубликованы две статьи участников Конференции.

Все, кто принял участие в Конференции, получили соответствующие сертификаты.

Отзывы участников Конференции и критический анализ работы по её организации и проведению позволяют говорить о том, что цели этого научно-практического мероприятия, направленные на приращение новых связей и продуцирование новых знаний в области русско-инонационального би- и транслингвизма, русофонии и языкового образования, достигнуты.

Надежда Андреевна Токарева,

педагог дополнительного образования,

Кафедра русского языка и межкультурной коммуникации,

Факультет гуманитарных и социальных наук,

Российский университет дружбы народов

ФЕДЕРАЛЬНОЕ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ
БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ РАН

КРЕОЛИЗОВАННЫЙ ТЕКСТ: СМЫСЛОВОЕ ВОСПРИЯТИЕ

Креолизованный текст: Смысловое восприятие. Коллективная монография / Отв. ред. И.В. Вашунина. Ред. колл.: Е.Ф. Тарасов, А.А. Нистратов, М.О. Матвеев. – М.: Институт языкознания РАН, 2020. – 206 с.

Коллективная монография содержит результаты исследований, выполненные за счет гранта РФФИ (проект № 18-012-00652 «Креолизованный текст как средство управления языковым сознанием: теоретико-экспериментальное исследование») в Институте языкознания РАН.

Издание предназначено лингвистам, культурологам, преподавателям вузов и аспирантам по профилю психолингвистика.

Приобрести монографию можно в Отделе психолингвистики ИЯз РАН.
Тел.: (495) 690-14-64, e-mail: vashunina@yandex.ru

ФЕДЕРАЛЬНОЕ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ
БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ РАН

СОЗНАНИЕ. ЯЗЫК. МОЗГ КОЛЛЕКТИВНАЯ МОНОГРАФИЯ

Сознание. Язык. Мозг. Коллективная монография / Под ред. Е.Ф. Тарасова, И.В. Журавлева. – М.: Институт языкознания РАН, 2020. – 180 с.

Проблема соотношения языка, сознания и мозга раскрывается с разных сторон: поднимаются вопросы истории научных поисков и методологии исследований, предпринимается метатеоретический анализ различных подходов к объяснению функционирования сознания и мозга, рассматриваются различные аспекты мозговой локализации функции речи. Коллективная монография состоит из двух разделов, в которых представлены историко-методологические и эмпирические исследования. Авторы проблематизируют возможность картирования функции речи в мозге, демонстрируя ее сложное строение, ее многоканальность и полисенсорность.

Для лингвистов, психологов, специалистов по нейронаукам.

Приобрести монографию можно в Отделе психолингвистики ИЯз РАН.
Тел.: (495) 690-14-64, e-mail: zhuravlev@iling-ran.ru

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт языкознания Российской академии наук
и Российский университет дружбы народов

28-29 мая 2021 г.

проводят Международную конференцию
«ЖИЗНЬ ЯЗЫКА В КУЛЬТУРЕ И СОЦИУМЕ-8»

Основная проблематика

- Языковое и неязыковое сознание: проблемы онтологии и гносеологии
- Онтологические и гносеологические аспекты формирования профессионального образа мира
  - Динамика и вариативность языковой картины мира (обыденного языкового сознания) современных носителей русского языка/культуры
  - Конфликтотенные элементы современной языковой картины мира
  - Психолингвистический анализ медиаконтента в мультимодальном аспекте.
  - Детская речь и онтогенетический аспект формирования профанного (обыденного) образа мира
  - Речевое общение: проблемы анализа
  - Би-, поли-, транслингвизм: теоретический анализ и практика
  - Текст, претекст, интертекст, гипертекст: проблемы анализа
  - Ценности современной России в психолингвистических исследованиях

Приветствуется организация круглых столов и мастер-классов. Соответствующие заявки принимаются **до 1 февраля 2021 года**. Круглый стол будет включен в программу конференции при условии участия в нем не менее пяти человек.

Условия участия в конференции

До **1 февраля 2021 г.** необходимо предоставить в оргкомитет *заявку* на участие в конференции (см. приложение) и *материалы* для публикации (тезисы) по адресу zhizn-jazyka@yandex.ru.

Убедительная просьба посылать заявку и тезисы **ДВУМЯ** отдельными файлами в **ОДНОМ** письме (Иванов_заявка, Иванов_тезисы), указав в теме сообщения свою фамилию (Иванов).

Тел. для справок: +7(495) 690–14–64 (отдел психолингвистики). Сборник материалов планируется издать к началу конференции. Рассылка печатной версии сборника не предусмотрена: заочные участники получают pdf-версию сборника по электронной почте после проведения конференции.

Вышел из печати двухтомник:

Н.В. Уфимцева, Г.А. Черкасова

Русский региональный ассоциативный словарь (ЕВРАС) – словарь, созданный

Том 1. От стимула к реакции М.: Московская международная академия, 2018. – 560 с.

Том 2. От реакции к стимулу. М.: Московская международная академия, 2019. – 704 с.

Русский региональный ассоциативный словарь (ЕВРАС) – словарь, созданный по результатам массового ассоциативного эксперимента с жителями европейской части РФ. Испытуемыми по традиции были студенты вузов Москвы, Санкт-Петербурга, Саратова, Воронежа, Твери, Сыктывкара, Ростова-на-Дону, Владимира, Калуги, Рязани, Курска, Мурманска, Ижевска, Ульяновска в возрасте от 17 до 25 лет с родным языком русским – всего около 5500 человек. Эксперимент проводился с группами испытуемых в письменной форме с помощью анкет, которые включали 100 слов-стимулов из списка 1000 наиболее частотных слов русского языка с некоторым числом «экспериментальных» стимулов. Авторы сознательно включили в список 700 слов-стимулов из списка стимулов Русского ассоциативного словаря, чтобы иметь возможность изучать изменения, которые произошли в обыденном сознании русских в начале XXI века.

ЕВРАС включает Прямой словарь – от стимула к реакции (40,5 а.л.) и Обратный словарь – от реакции к стимулу (55,5 а.л.).

Словарь предназначен для широкого круга пользователей: ученых лингвистических и нелингвистических специальностей, студентов, изучающих русский язык в России и за ее пределами, преподавателей и всех, кто интересуется живым русским языком.

Ассоциативный словарь может найти практическое применение в области журналистики, социального проектирования, рекламной и иных сферах гуманитарной деятельности, где востребованы знания о русском языке и культуре его носителей.

Заказать словарь можно в ММА:

телефон +7(495) 616-43-23, e-mail: info@mmtamos.ru

и в секторе этнопсихолингвистики Института языкознания РАН.